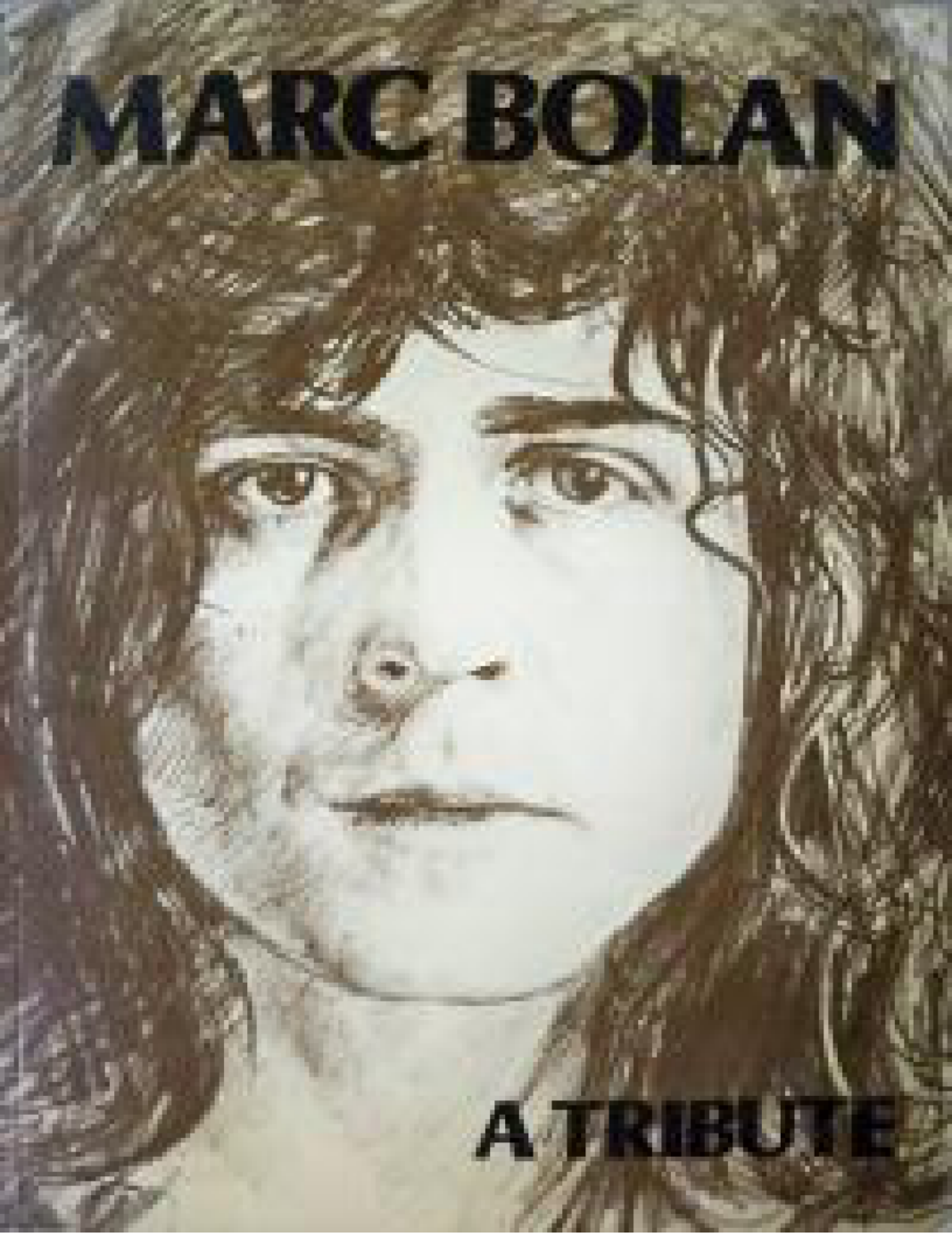

MARC BOLAN
A TRIBUTE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

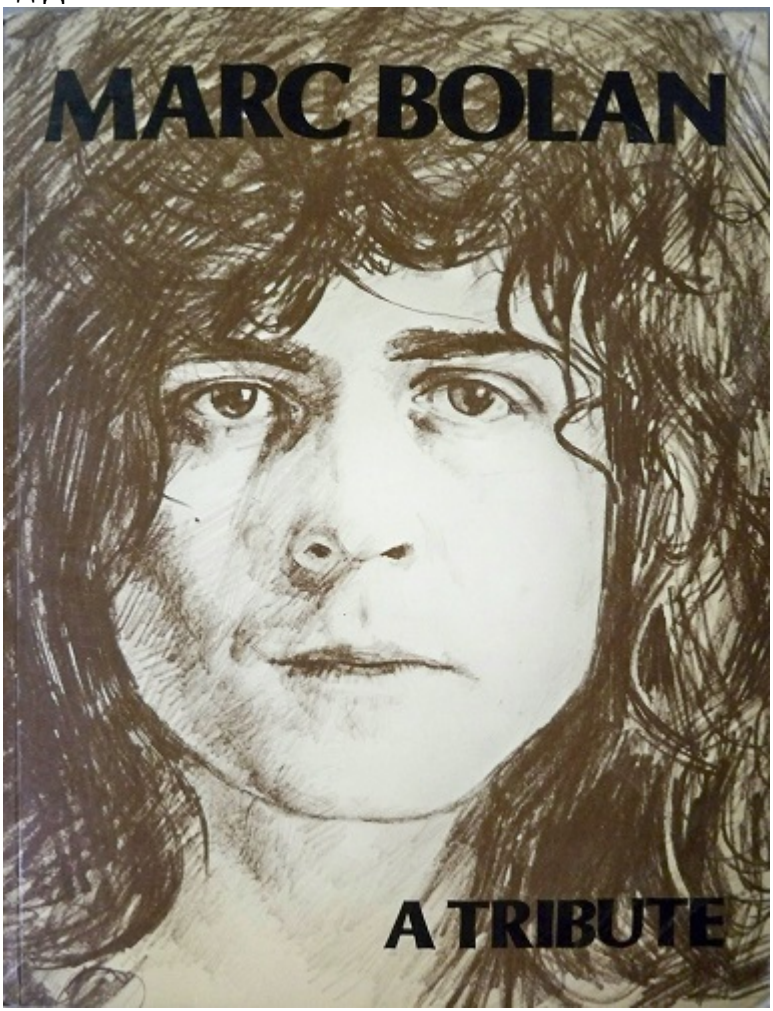
За две недели до тридцатилетия Марк Болан погиб в трагической катастрофе. Машина, пассажиром которой был рок–идол, ехала рано утром по одной из узких дорог Южного Лондона, и когда на её пути оказался горбатый железнодорожный мост, она потеряла управление и врезалась в дерево. Он скончался мгновенно. В тот же день национальные газеты поместили новость об этой роковой катастрофе на первых страницах. Мир поп музыки был ошеломлён. Сотни поклонников оплакивали смерть своего идола, едва не превратив его похороны в балаган, и по сей день к месту катастрофы совершаются постоянные паломничества с целью повесить на это дерево наивные, но нежные и искренние послания. Хотя утверждение, что гибель Марка Болана следовала образцам многих его предшественников спорно, тем не менее, обозревателя эфемерного мира рок–н–ролла со всеми его эксцессами и крайностями можно простить за тот вывод, что предпосылкой к звёздности является готовность претендента умереть насильственной смертью до своего тридцатилетия, находясь на вершине своей карьеры. В предисловии к этой книге Стив Тёрнер обсуждает этот феномен. Карьера Марка Болана в связи с его личными проблемами находилась в некотором упадке, но ко времени своей гибели он пребывал в хорошей форме, на грани возвращения к звёздности. Но он не был обычным рок–музыкантом, чьим главным атрибутом является, пожалуй, раздутое я. Марк Болан был тщеславен. Иногда он бывал самонадеянным. Он был необыкновенно красивым мужчиной, что подтверждается множеством фотографии, опубликованных в этой книге. Он обладал профессиональным умением усмирять своими чарами тысячные аудитории, или же возбуждать их эн–массэ до состояния истерии. Он с лёгкостью писал песни, которые моментально попадали в первые десятки. Но при ближайшем рассмотрении, становилось очевидным то, что его дарования были более редкими и обладали более глубокими качествами, чем дарования других людей. Для тех, кто был с ним знаком, его обаяние незабываемо, и именно они — его друзья, родственники, критики, музыканты и люди, работавшие на него — своими словами и без всяких прикрас рассказывают о жизни Марка Болана.

- МАРК БОЛАН
  - ○

-
- Марк Болан
- ДЕТИ РАРНА
- Рок энд Фолк, № 173, июнь, 1981
- Вместо послесловия
- Некрологи [можно не читать]
- INDEX

МАРК БОЛАН

Тед Дикс



Предисловие Стива Тёрнера

Похоже, когда человек умирает насильственной смертью в возрасте 29 лет, только в том случае, если он рок–певец, о нём можно сказать: «О, наверное, ему бы это понравилось!»

Я уверен в том, что сам Марк Болан счёл бы свою гибель в автомобильной катастрофе за приемлемо элегантный способ уходить гораздо более созвучный духу Рока, чем сердечная недостаточность Пресли в его 42 года. В 60–х в университетских городках среди студентов был в моде лозунг: «Никогда не верь никому из тех, кому за 80», а Болан никогда бы не позволил себе не верить в себя, или же другим сомневаться в себе.

По своей сути, рок–музыка и сопутствующая ей культура рассказывает о том, что такое быть молодым. Энергия, жизненность, эмоциональность, наивность и надежды принадлежат молодёжи. Из этого следует, что величайший грех, который может позволить себе рок–н–роллер — это состариться.

Это тоже самое, что стать предателем, перейти на сторону врага. Постареть — значит сдаться. Рок–н–ролл — это протест против угасания света.

За четверть века рок–музыка создала свою традицию: умирать молодым, что зачастую способствует приобретению статуса легенды, даже если вся предыдущая жизнь этого и не гарантировала. Те, кто стал Легендами при жизни, несколько скучны, поскольку они могут постареть и всё испортить. Интересно, как бы сейчас относились к Клифу Ричарду, Марти Вайлду и Томми Стилу, если бы они трагически погибли в начале 60–х. Очевидно то, что последующие годы крепко подмочили их рок–н–ролльные репутации, и они перешли в разряд популярнейших эстрадных исполнителей.

Те, кто умирает молодыми, остаются вечными юношами, которые никогда не постареют и не успокоятся. Им можно верить.

Бадди Холли погиб в 26 лет в авиакатастрофе вместе с 17–летним Ричи Вэленсом и 26–летним Бит Богшером.

Эдди Кохрэн погиб в автомобильной катастрофе, когда ему был 21 год. Джин Винсент скончался от язвы желудка в 36.

Кто знает, какую музыку они бы играли сегодня? Бадди Холли было бы 40, Кохрэну — 36. В последние годы жизни Джин Винсент был совершенно опустившимся человеком. Но смерть способствовала возрождению интереса к нему.

В конце 60–х вслед за относительно спокойным периодом

царствования Beatles началась новая серия смертей. Открыл её камень Брайан Джонс, и продолжили её — Джими Хендрикс, Жени Джоплин и Джим Моррисон. Вслед за ними от несчастных случаев погибли два члена группы братьев Аллман и участники (и бывшие участники) Обыкновенного Белого оркестра, Благодарного Мертвеца, Летающих братьев Баррито, Yardbirds, The Shaddows и Deep Purple. В целом, за последние 20 лет около сорока пяти только ведущих исполнителей погибло в среднем возрасте 28 лет.

По своей природе смерть от несчастных случаев непредсказуема, хотя во многих из вышеперечисленных примеров имелись сильные подозрения в желании смерти или же в преднамеренно самоубийственном образе жизни.

В случаях с рок–звёздами желание смерти может проистекать не только от отчаяния или стрессов, связанных с жизнью в лучах славы, но и от того, что ещё глубже врезалось в рок–сознание: от страха перед старением, от боязни превратиться в предателя. Когда вся ваша жизнь держится на предпосылке молодёжного успеха, каждый год приближает вас к лицемерию. Архитипичная рок–н–ролльная смерть впервые произошла буквально в год рождения рок–н–ролла — в 1955 году, и погиб этой смертью человек, который никогда не пел и не играл на гитаре — Джеймс Дин.

Так же, как и жизнь его считалась плевком в лицо любым силам, угрожавшим укротить его молодой агрессивный дух, так и его смерть сочли за отказ от взрослого конформизма. Причина его гибели — он разбился в автокатастрофе, когда на большой скорости ехал по шоссе в Калифорнии, — содержала в себе все элементы, необходимые для сохранения легенды: скорость, одиночество, вызов, мгновенная смерть в молодом возрасте. Многие из нас вынуждены взрослеть, становиться более ответственными и менее идеалистичными, но Джеймс Дин показал, что даже этого, казалось бы, наиболее естественного процесса можно избежать.

Дух жизни и смерти Джеймса Дина охватил всю рок–культуру. Его угрюмость, сутулость и высокомерие, начиная с Пресли, были скопированы многими рок–звёздами, а идея сгореть как комета вместо тления и старения, рассматривается как наиболее желательный способ покончить счёты с жизнью. Так же, как и поэты–романтики, рок–артисты взяли мрачный образ жизни и до вели его до такого совершенства, что когда о ком–нибудь из них говорят, что он испорчен, развращён и истощён, это воспринимается как комплемент. Один американский рок–журнал дошёл до того, что организовал конкурс на составление

списка рок–звёзд, которые, по мнению читателей, должны умереть в первую очередь.

А. Альварез в своём эссе о романтиках «Дикий Бог» удачно подвёл итог этим настроениям:

«В различной степени… смерть была буквально их последней Клеопатрой. Но они по–детски представляли себе смерть и самоубийство: не конец всего, но высший драматический жест презрения к скучному буржуазному миру.

Никогда до сих пор ни одна из форм развлечения не концентрировалась столь стабильно вокруг благоговения перед молодёжью. Если «старички» всё–таки продолжают играть, они или приобретают музейную ценность, или, признавая свой возраст, становятся конформистами, или же участвуют в постыдном спектакле, в котором старый баран играет роль молодого ягнёнка.»

Больше всего Марк Болан заботился о стиле. Фотографии демонстрируют тщательное внимание, которое он уделял одежде, его жеманность перед камерой, его способность впитать в себя все самые последние веяния рок–культуры и каким–то образом использовать их в своих целях. Это подтверждают пластинки: поэзия для хиппи, ритм для рокеров, возбуждающий поп для тинибопперов. В своей карьере он коснулся всех основ: от Карнаби–стрит через Токина к глиттер–року, но он никогда не продавался в уничижительном смысле этого слова. Он продавался лишь духу рок–н–ролла и тому, что являлось манифестацией текущего года.

Как в жизни, так и в смерти.

В то время, как большинство людей надеется умереть в своей постели во сне когда им будет за 70, стильная рок–н–ролльная смерть гасит ваше пламя даже если оно горело ярко и было горячим. Можно предположить, что, в принципе, Марк одобрил бы идею об автокатастрофе в возрасте 29 лет в качестве приемлемого способа смерти. Рок — это религия, основанная на преклонении перед молодостью, правоверные скорее отдадут свою жизнь, чем станут отступниками.

Стив Тёрнер

Марк Болан

Он родился 30 сентября 1947 года в больнице Хэкни, в Восточном Лондоне. Второй сын у Филлис и Сида Фельдов. Окрестили его Марком.

Танцуя, я появился из чрева
Странно ли, стать танцевать так рано?
Танцуя, я слёг в могилу
— Космический танцор

Его семья жила в доме с террасой в лондонском районе Стоук Ньюингтон. Его отец торговал косметикой и поддерживал доход содержанием лавки с дешёвыми ювелирными изделиями на Петтикоат–лейн. Его мать торговала овощами в лавке на рынке на Беруик–стрит в лондонском районе Сохо.

Первой его школой была начальная школа Нортвуд, и говорят, что в это время он близко подружился с Китом Рейдом, позднее писавшим тексты для группы Procol Harum.

Иногда он помогал своей матери в овощной лавке и, поскольку поблизости находилось кафе Ту–Айз — за углом, на Олд–Комптон–стрит (там были открыты такие таланты, как Томми Стил и Клиф Ричард) — говорят, что он частенько забегал туда и помогал разносить кофе, в последствии он признавался, что и сам проходил там прослушивание, но безуспешно.

Я танцевал — мне было восемь
Странно ли, танцевать так поздно

Когда ему исполнилось одиннадцать, он пошёл в среднюю школу Вильяма Вордсворта. Он стал членом своей первой поп группы Сюзи и Хула–Хупы, в которой пела Хелен Шапиро, позже завоевавшая славу международной поющей звезды–школьницы.

Я танцевал — мне было двенадцать
Я танцевал, когда мне было а–а–эх
Странно ли, танцевать так рано?
Танцуя, я появился из чрева.

Когда ему было четырнадцать, его семья переехала в Южный Лондон, и он стал посещать школу Хилл Крофт. Однако ходил

туда он недолго.

Марк Болан, ноябрь 1972: Я бросил школу, когда мне было четырнадцать. Меня исключили. С их стороны это было очень любезно. Просто я не считал, что меня учат тому, что мне хотелось знать. Я ходил туда около шести месяцев. Я просто перестал туда ходить. Никто не имел ничего против. Так что всё было очень мило.

Он начал выказывать особый интерес к поэзии и романтической литературе. Его любимыми авторами, которые произвели на него наибольшее впечатление, были Дилан Томас и Рембо.

> Разве неправильно — понимать
> Страх, внутри человека таящийся?
> Что это — быть сумасшедшим?
> Не воздушным ли шаром быть?

Эрик Холл: Существовало такое заведение, дом «штип» [в переводе с еврейского означает отбирать у кого–нибудь деньги], что–то вроде увеселительного заведения с игральными автоматами, пинболлом, и тому подобным. Ну, и там встречались все ребята из Стэмфорд Хилла. Мне было тогда лет двенадцать. Я или мои братья покупали журналы вроде Вог или Таун, и в них были опубликованы фотографии этого маленького манекенщика, модного красивого мальчика, местного парня, которому повезло — Марка Фельда. Он был звездой уже тогда. Когда мы с ним действительно познакомились, мне было лет пятнадцать. Ему думаю, было около четырнадцати. Он всё ещё учился в школе, а манекенщиком подрабатывал в свободное время, разумеется неофициально. Но он всегда был знаком с миллионом людей. Он посещал клубы. Насколько я помню, это был клуб Эль–Торо, в Сент–Джон-Вуд на Фингли–роуд. Это было что–то вроде местной еврейской дискотеки. Учтите, большинству ребят было уже лет по двадцать, они были старше Марка лет на пять. Там бывало много голубых. Им, конечно же, нравился Марк, и они давали ему дополнительную работу в журналах.

Он снялся в ТВ-серии в небольшой роли преступника, врага актёра. Сэма Кидда. Он рекламировал костюмы торговой фирмы Джона Темпла.

Он служил в магазине одежды в Тутинге, а по вечерам мыл посуду в баре Уимпи.

Вместе с американским актёром Риггсом О'Хара он посетил Париж, где, по слухам, изучал магию под руководством некоего пожилого человека, которого позднее он называл «магом».

Он не прошёл своё первое прослушивание для записи на EMI, но на Декке он выпустил свою первую сорокапятку с песней «Чародей», на вторую сторону которой была помещена «Вслед за восходящим солнцем». На этикетке было указано имя Марк Боуленд. Очевидно, рекламные агенты Декки сочли словосочетание «Марк Фельд» недостаточно выдающимся. Тем не менее, на некоторое время он взял себе псевдоним Тоби Тайлер и стал певцом в стиле фолк. Его первым менеджером стал Саймон Нэпиер—Белл, и по его протекции Марк попал в группу Дети Джона, которая прославилась, в основном, благодаря их рекламной кампании, во время которой по всему Лондону были расклеены плакаты, на которых группа была изображена в обнажённом виде, правда в кустах. Дети Джона гастролировали по Германии вместе с The Who, и именно для этой группы он написал песню «Дездемона».

Иногда он считал необходимым для себя потусоваться на улицах.

Марк Болан, ноябрь 1972: Я зарабатывал фунтов по 30 в день. Но для этого работать приходилось с девяти утра до полуночи. Через некоторое время от этого начинаешь терять голос. Кроме того, очень холодно.

Нависла пасть зимы над нами
Ячменные поля бесплодны
ни колоса на них
Хрипит сумерек ранних ведьма,
пред ней — владельцы
Царства снежной седины.
Зима, зима, зима,
Кто ты, как не Зла слуга?
Смотри: синие птицы в часовнях замёрзли,
Просят пощады колокольчики их сердец
У жадных крыльев летучих мышей,
у клешней зимы,
У царства снежной седины.
— The Throat of The Winter

В те времена вовсю процветал «хайп», и я выступил на Ready, Steady, Go и занимался тому подобными вещами.

Б. П. Фоллон: Думаю, познакомился я с ним на Ready, Steady, Go в году 66–м. Он участвовал в одной программе с Джими Хендриксом. Это было удивительное шоу, потому что в нём были они оба — и если использовать клише: это — два волшебных человека, и они очень понравились друг другу. Я был ими

очарован, но в те времена это было очарование на расстоянии.

Марк Болан, ноябрь 1972: Ничего особенного не происходило, хотя в те времена ко мне проявлялся достаточный интерес. Но мне надоело заниматься всеми этими делами, и поэтому я провёл два года в написании песен и улучшении, насколько это было возможно, своей игры на гитаре.

Джун Болан: Я познакомилась с Марком в 1967 году. Я работала на Блэк—Хилл-Энтерпрайзес в маленькой конторе на Александер–стрит. Марк зашёл повидаться с Питом Дженнером и Эндрю Кингом. Он хотел, чтобы мы его менеджировали. Понимаете, тогда у нас был Floyd, а Марку нравился Сид Барретт. Я была в конторе и вдруг почувствовала, как в моей голове что–то пульсирует, это было необыкновенное чувство. Я вышла к ним и спросила, не хотят ли они кофе, вот и всё. И тут вошёл он. Выглядел он весьма эксцентрично. Он был в брюках своей мамы, в стоптанных ботинках и в дырявом школьном блейзере.

«Какой забавный парнишка!» — подумала я.

Но у него были невероятные глаза. Это было физическое притяжение, как я уже говорила, меня будто по голове ударило. Но таким уж был Марк. Он мог войти в комнату в ужасном виде, похожем на засранца, но в нём было своё очарование. То есть, тогда он не был знаменит, меня привлекла вовсе не его слава или что–то подобное …Так или иначе, Пит и Эндрю спросили у меня, что я о нём думаю. Я ответила, что слышала «Душистый Сад» Джона Пила, и что шоу мне понравилось. Я слышала всего две его песни, включённые в это шоу, но они не были похожи ни на кого… Что–то должно было случиться…

Джон Пил: Впервые я услышал о Марке в 1967 году, когда я работал на пиратской радиостанции Радио—Лондон. Тогда я только–что вернулся из Калифорнии. Это было сразу же после того, как он ушёл из Детей Джона, и он прислал мне свою демонстрационную пластинку и ряд плёнок, записанных им вместе со Стивом Туком. Он спросил у меня, что я думаю о его песнях. Они мне очень понравились, и поскольку на Радио—Лондон это было возможно, я выпустил их в эфир.

Джун Болан: … На следующий день у них была игра в Иллингском колледже, и Эндрю предложил нам съездить туда и посмотреть на их концерт — на Марка и Стива Тука. Это было дневное шоу, мы приехали к его середине и досидели до конца. У них был маленький усилитель Вокс-АС, но не было никакой подзвучки, абсолютно ничего, просто один микрофон на согнутой вешалке. Но в нём было нечто такое, что невозможно отвергнуть. После концерта мы сказали ему, что можем отвезти его домой. По счастью у Floyd был свой Бентли, и, поскольку права были только

у меня, вела его я. В те дни для меня это было большое событие. Мне было всего двадцать, и, на мой взгляд, в Бентли разъезжали исключительно шикарные люди. Тем не менее, мы отвезли Марка в дом его матери, у неё был небольшой сборный блочный дом в Уимблдоне, который назывался «Летнее Время», мы его там высадили, и вместе с Эндрю вернулись на работу. Примерно через час зазвонил телефон. Это был Марк. Он сказал, что должен немедленно со мой встретиться. Я подумала:

«О, Боже! Уже проблемы!»

Я сказала Питу и Эндрю, что, возможно, это по делу, и они решили, что мне стоит пойти. Когда я туда пришла, я вошла, и Марк сказал мне:

— Я в тебя влюбился, и я не знаю, что с этим поделать…

И это было просто чудесно.
Дни мои — опавшие листья,
Когда нет тебя.
Слова мои — щербатый меч,
Когда нет тебя.
Где ты,
Солнце сияет радугой.
Страхи мои — прозрачней воды
Когда нет тебя.
Слышу одну пустоту, любимая,
Когда нет тебя.
— Dove

Джон Пил: … он мне нравился как человек, и мне нравилась его музыка. С той поры, если я где–то вёл концерт, то я просил Марка со Стивом приехать и поиграть. Зачастую, устроители бывали не слишком этому рады, потому что им не нравились люди, сидящие на сцене и молотящие по детским инструментам и поющие в странной, непривычной манере. Но, всё же, пришло время, и им это начало нравиться, и мы вместе провели достаточно много концертов, я думаю около двадцати — двадцати пяти, что–то вроде этого.

Джун Болан: Он получал по 5 фунтов за игру. Поскольку он жил в Уимблдоне, такси домой плюс все издержки обходились ему примерно в пять фунтов.

Джон Пил: Я имел больший статус, чем они, но потом всё изменилось. Они стали «Тираннозавром Рэксом, которых представляет Джон Пил», как оно, впрочем, и должно быть. С тех пор, с точки зрения Марка, дела шли лучше и лучше.

Джун Болан: Через два дня после нашего знакомства мы

решили жить вместе. У меня был Хиллмен Коммер, которым я очень гордилась. Хорошо помню, что он обошёлся мне в 40 фунтов, и что в фургоне был матрац. Я должна была быть с ним, поэтому я подъехала к дому его матери, постучала, в дверь, забрала его, и следующие четыре ночи в Уимблдон Коммон мы провели вместе в моём маленьком фургончике.

Даная Брук, Ивнинг Ньюс, 10 марта 1978: «В те дни Марк и Стив Тук играли в парках бесплатно. Марк пел и играл на акустической гитаре. Стив подпевал на бонгах.»

Джун Болан в интервью Данае Брук, Ивнинг Ньюс: Они сидели на газонах, а люди собирались вокруг, чтобы их послушать. Бесплатно. Тогда бывали и такие игры.

Даная Брук, Ивнинг Ньюс: «Скоро Марк бросил играть в парках и перешёл в [клуб] Миддл Ёрт в Ковент–Гардене. Это было место, где ребята могли послушать живую музыку и потанцевать под неё.»

Тони Висконти, продюсер пластинок Болана, основной человек, способствовавший успеху ТиРэкс: Оба моих начальника, Дэвид Платц и Денни Корделл, приказали мне найти группу, которую можно продюсировать. Я походил по клубам. В то время — это был 1967 год — существовали только рок–группы «Цветочной власти». Однажды вечером я зашёл в клуб Неопознанный Летающий Объект и увидел Тираннозавра Рэкса, в зале сидело 300 загипнотизированных слушателей. У них была очень плохая микрофонная система, но было ясно, что у Марка очень необычный голос. В те дни он здорово пел трели. Кроме того, я обратил внимание на реакцию публики: они реагировали не только на музыку, они были заворожены его образами.

Джун Болан: Я хочу сказать, что он умел брать всего аккорда четыре или около того. Но он садился по–турецки со своей акустической гитарой и пел песни, которые никто никогда не слышал. Слова в них даже не рифмовались, это не были песни типа «кровь–любовь». В них были необычные слова, странные фразы, полные ссылок на диковинную мифологию, наполовину созданную им самим, а наполовину позаимствованную из греческой и персидской мифологии.

Квартет ветров мягко стонет,
Моя новая рука гладит её ожерелье,
в оправе этрусского золота
Оцарапана летом голова её птицы,
Она смотрит на спартанского гонца
Крадущего время
избранного Принца Скорости.

Мой кубок промок осенью
Осенними слезами по моей покойной кошке Эрне
Серебряной сёрферше, чародейке брызг.
Она укрыта шартрезом.
Соколиный проблеск белых зубов,
Разделённых кружевными побегами корицы.
Мы укрылись и поехали в прекрасной
Колеснице времён исчезнувшей Византии
Царства, когда–то державшего
весь мир в цепях.
— Wind Quartet

Марк Болан, ноябрь 1972: На самом деле, я не слишком нуждаюсь в том, что обо мне говорят люди. Полагаю, среднему рок–н–роллеру я могу показаться слегка эксцентричным или необычным. Когда мне было шестнадцать, я обучался магии и понял многое из того, что происходит во Вселенной, но я знал это всегда. Просто я не был уверен, верно ли это. В своём раннем творчестве я писал о… ну, чтобы выразить себя, я использовал научную фантастику, потому что в то время так было принято.

Тони Висконти: Поскольку зарабатывал он мало, одевался он в лохмотья и играл на гитаре ценою в 12 фунтов.

Джун Болан: У него была маленькая гитара Сааuки, копия Гибсона; одна из всех этих японских копий. По пятницам я отдавала её в заклад, если за неё давали подходящую сумму. По счастью, всегда что–то подворачивалось, к понедельнику деньги у нас появлялись, так что он шёл и выкупал её.

Тони Висконти: … барабанщик играл на взятых взаймы барабанах. Стив Перегрин Тук. Меня всё это поразило, и я сказал, что я должен их продюсировать. По мне, группа ничего не стоит, если в ней нет чего–то своего, а они не были похожи ни на кого. Марк выглядел очень странно и пел весьма необычно; он и впрямь был похож на «танцующего эльфа». Я боялся с ним заговорить. Вместо этого я подошел к барабанщику, но он направил меня прямо к Марку. В этот вечер Марк был доволен собой — он отыграл удачно, и сказал мне:

— Ты примерно шестой импресарио, который подошел ко мне на этой недели. Я буду иметь тебя в виду. Как, ты говоришь тебя зовут?

А потом он добавил:

— Знаешь, меня хочет продюсировать Джон Леннон.

Конечно же, он всё это выдумал. Он всегда был склонен к преувеличениям.

Джун Болан: Для человека, не получившего формального образования, он обладал необыкновенным интеллектом. То есть, он ходил в школу, но там его всё отвращало. Для него это была пустая трата времени.

Тони Висконти: Думаю, я был первым импресарио, когда бы то ни было к нему обратившимся, потому что уже на следующий день он появился у меня в конторе. Они со Стивом Туком пришли и отыграли для Дэнни Корделла прямо в моём кабинете; это сошло за прослушивание. Они казались очень стрёмными, но Дэнни уже слышал о цветочных делах, так что он сказал:

— Скоро андеграунд будет в моде, так что пусть они будут нашей талисманной андеграундовой группой.

С этими словами он выдал мне аванс — о, не помню — порядка 400 фунтов. Это означало четыре студийных дня. Мы записали первый альбом, включая сорокапятку Debora/Child Star, мы сделали запись, наложения и смикшировали его за четыре дня. Это было самое начало.

Даная Брук, Ивнинг Ньюс:

«- Было здорово жить, — вспоминает Джун, — Были новые звуки новые художники, новая философия.

Трогательная лирика Марка Болана была обращена ко всему поколению подрастающей молодёжи. Он был частью перемен, через которые она проходила, и его музыка отражала их видения и их реальность.»

При рождении брызг
Как дитя дня
Как белая звезда, укрытая и далёкая, —
Тюльпан — вот кто ты.
Тёплая и мудрая, как немой
В своём одеянии из ударов грома
царственная и израненная, сжимающая рог
Меандров мая.
Сонные видения темноты
Серебряные сатиры в парках
Статуи, зовущие поклонятся дню
Поскольку мы — всего лишь люди.
Каналы, пенящиеся грязью,
Чернильные мечты нашего времени.
К Солнцу, где некто белый
Рифмует их в стихи
На холмах дрожь
Делает Титанов больными.
Вокруг летают ангелы, и я целую землю

Загипнотизированный всем увиденным.
Виноградники, исполненные любовью
К белому голубю, парящему в небе,
Позеленевшему и истощённому от тоски
Но пастбищам целомудрия.
К счастью, он жив.
Мерцающие глаза, как король,
Как моря твоей кожи,
Как белая звезда, укрытая и далёкая, —
Тюльпан — вот кто ты есть.

Джун Болан: Нам было негде жить, так что мы нашли чердачное помещение без горячей воды в доме на Бленхейм–стрит. Оно обходилось нам в три фунта шесть пенсов в неделю, во всём доме не было ни одной ванной. Мы прожили там три года. Я целый год работала на Блэкхилл, а Марк писал песни, слушал музыку и иногда играл концерты.

Тони Висконти: Он легко приспосабливался к обстоятельствам. Получая мизерные деньги, он умудрился добиться успеха с Тираннозавром Рэкс. Всё началось с игры в Раундхаус. Они получали по 5 фунтов за вечер, а спустя пару месяцев после завершения работы над альбомом, после того, как он вышел, они начали получать фунтов по 60, а потом и по сто двадцать за вечер. Всё произошло очень быстро.

Мик О'Холлорэн: Я начал работать на Марка году в 69–м. Я прекрасно помню, как я получил эту работу. До этого я работал на поп–группу Love Affair, у них было несколько успешных сорокапяток, но к тому времени их заработки сильно упали, и меня вместе с другими парнем по имени Чарли уведомили о грядущем увольнении. В то время мы покупали всю аппаратуру у одной фирмы в кенсингтонском Овале, и одной из их служащих, с которой мы поддерживали хорошие отношения, была женщина по имени Пинки. Она знала, что я женат, и что у меня есть ребёнок, и она сказала:

— Я знаю отличную работу, которая тебе подойдёт. Это работа на Тираннозавра Рэкс.

Тогда я о них и слыхом не слыхивал.

Джун Болан: Постепенно за игры стали платить больше, то есть фунтов по 20 за вечер — понимаете, по 20 фунтов! Для нас это была уйма денег. Мы вносили квартплату раз в месяц. Это вставало нам в 28 фунтов, 9 шиллингов и 6 пенсов, а просто так такую сумму набрать было невозможно.

Тони Висконти: Он умел уживаться на любом уровне: он

всегда пользовался преимуществами успеха, всегда делал следующий шаг. От Питера Дженнера и Эндрю Кинга/Блэкхилл Энтерпрайз он ушёл — те продолжали принимать заявки на выступления по 25 футов. Марк понимал, что может получать больше. Однажды он выхватил телефонную трубку прямо из руки Питера Дженнера и сказал:

— Нет, теперь Тираннозаурус Рэкс играет по 100 фунтов за вечер.

Он ушел от Питера Дженнера и Эндрю Кинга и увёл с собой их секретаршу Джун, ставшую его роуд–менеджером. Я хочу сказать, что он знал, как использовать людей, и он знал, что ему нужно. Как я уже говорил, он умел пользоваться успехом на любом уровне.

Б. П. Фоллон: В следующий раз я встретился с ним в 1969 году в конторе Айленд Рекордс. Он зашел повидать Криса Блэкуэлла и попросить его менеджировать свою группу. Крис посоветовал ему обратиться к людям из менеджмента EG. В то времяй я был пресс–атташе Айленд. К своему удивлению, я обнаружил, что на Айленд я выполняю кучу работы на Королевский Румянец, которые только что собрались. И я ушел от них и стал работать на тех, кто менеджировал Румянец и Марка — на EG.

Мик О'Холлорэн: Я связался с некоей Джун, и она предложила мне зайти на собеседование днём после двух. Я пришел и постучал в дверь. Кто–то выглянул из окна на последнем этаже и крикнул:

— Подождите, я через минуту спущусь и впущу вас!

Я подождал несколько минут, дверь открылась, и, кто, как вы думаете, предстал передо мной? Этот маленький человечек, такой красивый, с натуральными вьющимися волосами! Самый невероятный человек из всех тех, кого мне приходилось видеть в те дни. Знаете, я глазам своим не поверил.

Тони Висконти: Он начал называть себя Космическим Панком уже году 71–72–м.

Джун Болан в интервью Данае Брук, Ивнинг Ньюс: Он был первым, кто произнёс эти слова: «Я просто панк Ист—Энда». Он не получил официального образования, но он много читал, и я думаю, что это слово он позаимствовал из американского сленга 20–х годов, времён Стейнбека.

Б. П. Фоллон: Он был задирой. Ему нравилось мягко и вежливо говорить людям: «Fuck You».

Эрик Холл: Я не знаю никого, кому бы он не нравился.

Мик О'Холлорэн:

— Я пришел насчёт работы, — сказал я.

— О, входи, — ответил он. — А я думал, что ты — таксист.

— Нет, я пришёл узнать, — сказал я, — не требуются ли вам роуди.

Мы разговорились, и он угостил меня чашкой кофе. И в процессе разговора я понял, что это Марк Болан.

Джун Болан: Я жила его жизнью и хотя я получила лучшее, чем он образование и имела больший словарный запас — понимаете, что я имею в виду, — я хочу сказать, что я занималась всем бизнесом, налогами, тем, сем и всем прочим, потому что в нём напрочь отсутствовал практицизм. Но он был моим полным творческим мировоззрением. Я часами слушала, как он играет, смотрела, как он сочиняет, печатала все его тексты.

Марк Болан, ноябрь 1972: Случилось так, что я понемногу стал сокращать тексты. Вы можете обнаружить, что так поступает большинство поэтов. После пары лет написания «цветочной» поэзии — я не хочу сказать, что она плоха, но она не слишком подходит для рок–н–ролла — то, что я пишу сейчас, это просто уличная поэзия. Я пишу рассказы, которые, на самом деле, возможно, похожи на старые песни, но я хотел, чтобы их оценило максимально возможное количество людей, и мне показалось, что песни нужно писать по–новому.

Факельная дочь болот,
Её поцелуй похож на кнут Луны,
Девы рассвета танцуют
Под её молодую солнечную музыку.
Дитя Природы.
Драгоценные камни гремели в голове её сердца,
Она владеет щитом рек.
Однажды она приказала моим мыслям стать белыми,
И ночь исчезла, как птица.
Дитя Природы.
Пожни за спиной перчатку золота.
Люби перчатку истины.
— Elemental Child

Тони Висконти: Джун умела с ним говорить. Она могла заставить себя слушать.

Даная Брук, Ивнинг Ньюс: «Она независима, энергична, творчески практична. Именно её динамизм в сочетании с музыкальностью Марка и его способностями к сочинительству дал ему возможность достичь того, чего он жаждал больше всего — славы. Но именно слава в конечном итоге разрушила его эмоциональную безопасность, его творческий выход, его

внешность и, возможно, в конечном итоге, его жизнь.»

Б. П. Фоллон: Прежде всего, это было удивительное приключение.

Мик О'Холлорэн: Казалось, что куда бы мы ни шли, слава шла за нами.

Б. П. Фоллон: У них была игра в Ноттингеме, и она прошла очень успешно. Именно с неё начался рок–н–ролльный прилив, и Боли начал превращаться в рок–н–ролльную икону. Мы обсуждали это после игры. Это было необъяснимое чувство.

Мик О'Холлорэн: Они слушали его даже когда он просто сидел и говорил; он любил с ними поговорить. Не знаю, то ли он их гипнотизировал, то ли что ещё, но он сидел по–турецки и он мог держать аудиторию в руках минут по десять, а то и больше, не играя при этом вообще. С того момента, как он выходил на сцену, ему очень редко приходилось специально успокаивать публику.

Б. П. Фоллон: Необходимо пояснить, что он всегда был силён на сцене, даже до того, как у него появились успешные сорокапятки. Он всегда привлекал много зрителей… Он излучал невероятную безвременность.

Мик О'Холлорэн: В Марке важно было то, что он любил всех, он просто вообще любил людей.

Марк Болан в интервью Дэвиду Нейллу, Рекорд Уикли: Если вы найдёте время поговорить с людьми с улицы, то вы поймёте, что, в принципе, они милые люди. Но обычно никто себя этим не утруждает.

Б. П. Фоллон: Выступать на Top of The Pops в первый раз достаточно стрёмно. Знаете, чем вы менее известны, тем раньше вам нужно там быть. Мы туда приехали, и они страшно удивились, что мы не — ну, не разгуливаем повсюду, не суём носы во все дырки — просто присутствуем. Нас не пустили в бар Би–Би–Си, и мы сидели снаружи на полу в ожидании волшебного приглашения посетить священную обитель, этот чёртов бар Би—Би-Си. Боли сказал:

— Чего они от нас ожидают? Того, что мы будем пить росу из лепестков роз?

Джун Болан: Когда мы впервые поехали в Америку (Марк, Стив, и я), их агентом и нанимателем был Стив О'Рурк; сейчас он менеджер Pink Floyd. Стив Тук тогда сильно торчал на LCD. Не то чтобы он им баловался. Он принимал его по два–три раза в день. На сцене он превратился в растение — представляете, в маленьком клубе, человек на сто, он вдруг начал на сцене раздеваться и стегать себя ремнями и т. д. Это было лет десять назад. Это было нелепо. Когда на сцене всего два человека,

гитарист и перкуссионист, нельзя, чтобы перкуссионист переставал играть на бонгах, и гитарист оставался один со своей акустической гитарой. Электрической гитары тогда ещё не было. Мы расстались со Стивом в Америке. Мы его оставили. Он познакомился там с какой–то цыпой и сказал, что не намерен возвращаться домой, на что мы ответили ему, что, мол, пусть он убирается на все четыре стороны. Мы вернулись в Англию, не представляя себе, что нам делать.

Мик О'Холлорэн: Они отыграли в нескольких нью–йоркских андеграундных клубах, и, я думаю, по тем временам, довольно успешно. Но во второй раз они туда не поехали. По ряду причин они от этого отказались. Я думаю, что Марк надеялся на, то, что перед тем, как предпринять вторую попытку у него будет успешная сорокапятка. Он увидел, что такое Штаты, и я думаю, что именно этого он и ждал — успеха.

Джун Болан: Однажды мы сидели в пивной — думаю, что это было в Рёбак на Кингс–роуд — и кто–то, убейте, не помню кто, сказал, что у него есть друг–оформитель, который хорошо играет на бонгах. Им оказался Микки Финн. Выглядел он очень необычно: он был красив, очень красив. Марку был нужен кто–нибудь, кто мог бы петь, поскольку Стив делал хорошую подпевку. Микки не мог взять правильно ни одной ноты, но он прекрасно смотрелся и прилично играл на бонгах.

Мик О'Холлорэн: Меня представили парню по имени Микки. Я, будучи слегка наивным, ничего не знал о ситуации в мире андеграунда. Они мне кое–то объяснили:

— В группе всего два человека, и Микки играет на перкуссии: всего несколько бонгов, колокольчики и т. п.

Джун Болан: Они начали работать вместе, и тогда–то и появились ТиРэкс — Микки и Марк. Они были так красивы. Все фотографы от них с ума сходили.

Микки Финн: С ним было здорово работать, очень здорово! Мы подошли друг другу и стали играть вместе. Это было, как — Ух!

Мик О'Холлорэн: У них вышел альбом «Борода из звёзд», на мой взгляд, прекрасная пластинка. Он записан просто, но там присутствуют красивые эффекты, и на большинстве инструментов играл он сам.

Газета Сан, 18 мая 1970 года: «Человек с волшебством на уме. «Борода из звёзд» — последний альбом одарённого богатым воображением дуэта Тираннозаурус Рэкс, содержит в себе «знания из книг Агадинмара». Он посвящён «Жрецам Мира, Всем Пастухам, Богам Лошадей и Моему Вассалу Имперских Знаний — Королю Грохочущих Копий».

Я спросил Марка Болана, одного из членов дуэта Тираннозаурус Рэкс, кто эти исторические личности?

— Я их выдумал, — последовал ответ, — Агадинмар, это имя, почерпнутое из книг, то есть, источник знаний. Жрецы Мира — это ссылка на моего ангела–хранителя, я очень религиозен. Грохочущие Копья взяты из научно–фантастического романа, который я пишу в данное время.»

Ухо Дракона и копьё друида
Охраняют тебя, пока Дворны ещё здесь
Ветры гнева замораживают одеяния холода
Тех, кто прячется от клыков страха.
Я люблю тебя, моя любовь,
Пожалуйста, возьми это сердце, которое
я ношу,
Пронеси мои руки, как чары
Через долины своей судьбы.
Наши жизни напоминают деревья
возможностей.
— Dragon’s Ear

Примечание Марка: Дворн — это военная машина с бронзовым скелетом, колёсами из слоновой кости и рогами газели, предназначенными для управления, — так говорил Агадинмар.

Марк Болан, 1972: Всё то, что я делаю, это поэзия, положенная на музыку.

Три мудреца Чистого Сердца,
Копатель Ямок,
Король Лебедей,
Бог Эльфов,
Пожиратель душ.
Чёрный Литон,
Наездник Звёзд,
Тираннозавр Рэкс,
Пожиратель машин.
— Strange Orchestras

Джун Болан: Тираннозаурус Рэкс. Это название появилось потому, что это простые слова, если вдуматься, и они очень фонетичны.

Огромная кошка, тираннозавром
идёт к Лилипутам,
Оркестр тихонько шумит,
солирует виолончель.

Но в Англии люди не умеют произносить это слово правильно, попросите Энни Найтингэйл, попросите её произнести это слово. Она до сих пор на это не способна. С этим словом стало трудно иметь дело. Радио, пресса — они стали странно им манипулировать. Марк был полон идей: ему было необходимо, чтобы кто–то их претворял в жизнь. Поэтому они стали называть себя ТиРэкс.

Тони Висконти: Начиная с Get It On Марк понял, что я знаю, — что я понял звук ТиРэкс. Я часто говорил о том, что на нарезке должно звучать громче, но, конечно, я должен подчеркнуть, что в музыкальное содержание я никогда особенно не вмешивался.

Стив Кюри: Как таковой, группы не было никогда, с самого начала. А было следующее: Марк звонил мне и говорил:

— Я написал несколько песен. Можешь зайти?

Я приходил к нему домой, он играл на акустической гитаре, а я работал над басовой партией. После этого мы шли с этими песнями в студию: это были просто репетиции перед студийной записью. Басовые партии мы придумывали вместе: если вы вслушаетесь в них, вы поймёте, что они очень просты. Каждая нота была выверена и рассчитана. Так мы и работали. Это всё Марк Болан. Он сам и был ТиРэкс.

Тони Висконти: Я очень увлёкся ими. Я посвятил ТиРэкс первые пять лет их жизни.

Саймон Френч, Ивнинг Ньюс, 23 июня 1970: «Как ТиРэкс добились своего в 4 часа утра.

К двадцати минутам четвёртого утра за них начинаешь беспокоиться. Они превысили заказанное студийное время, и нас охватывает нервозность. Слышны вялые шутки: «Мне не нравится всего одна нота», опять сигареты, вот только зажигалка плохо работает, и кроме последнего глоточка холодного кофе нечем перебить неприятный вкус во рту.

Они делают ещё один дубль. Девятый. Без десяти четыре мы вдруг видим, что дело сделано. Фанки. Это звук ТиРэкс.

Марк Болан говорит:

— Это можно оставить.

В его голосе звучит хрипотца.

Что бы вы ни думали, мы не сгущаем краски. В процессе работы над альбомом группе приходится попотеть и преодолеть

массу трудностей.

— Приходится повторять одно и тоже много раз, пока всё не будет в порядке, — говорит продюсер ТиРэкс Тони Висконти, — так делается девять пластинок из десяти.»

Тони Висконти: В профессиональном смысле, мы были очень схожи. Мы вместе росли. В одно и то же время мы оба не имели ни гроша за душой, и прославились одновременно.

Саймон Френч, Ивнинг Ньюс: «Сложности связаны не только с поисками музыкального совершенства. Студийное время стоит 25 фунтов в час днём и 30 фунтов ночью. Чтобы записать альбом, необходимо ориентироваться, по крайней мере, на восемь часов плюс ещё четыре заезда — на микширование. Это уже стоит две тысячи фунтов, а кроме того необходимо платить за плёнку и прочее.»

Тони Висконти: Когда сорокапятка Ride A White Swan поднялась до второго места, а это высшее положение, которого она достигла в горячей десятке, мы работали в студии над «ТиРэкс», это был первый альбом группы ТиРэкс, у нас с Марком в карманах на двоих было пять фунтов. Мы ещё не получили авторские за Ride A White Swan. Всё только начиналось, и вот мы там сидели, — мы, два тех самых друга, которые несколько лет назад начинали с Тираннозавра Рэкса, и вот мы добились своего, понимаете? Это было фантастическое чувство. Мы целый день не ходили, а летали по воздуху, и это чуть не помешало вконец нашей звукозаписи.

Мик О'Холлорэн: Они говорили незабываемые слова.

Микки Финн: Мик, я и Марк были очень близки.

Саймон Френч, Ивнинг Ньюс: «…в Лондоне существует всего около пяти студий звукозаписи высокого класса и примерно десять хорошего и среднего уровня. Поскольку пластинки записывает множество групп, получить студийное время, почитается за большое счастье.»

Тони Висконти: Обычно из студии Трайдент, где мы тогда в основном записывались, мы уходили пешком. Мы шли в Крэнкс, вегетарианский ресторан неподалёку от Трайдент.

Мик О'Холлорэн: В то время он был убеждённым вегетарианцем. Он никогда не ел мяса, даже запаха его не переносил. В то время он не ел даже яиц.

Тони Висконти: Мы могли позволить себе только горячий картофель, горячие булочки и чашку жасминового чая.

Саймон Френч, Ивнинг Ньюс:

«- Второй дубль, — говорит бесстрастный голос из контрольной.

Внизу, в тускло освещённой студии за двойным стеклом

ТиРэкс кажутся двумя одинокими, но увлечёнными людьми. Это означает, что пока не будет достигнут нужный результат, им придётся сделать около девяти дублей, каждый из которых Марку и Микки нужно будет прослушать с почти религиозным экстазом.»

Тони Висконти: В те дни не было абсолютно никаких наркотиков.

Джун Болан: Он ни разу в жизни не принимал LCD.

Тони Висконти: Мы были очень чисты и бедны.

Эрик Холл: Наркотики. Я должен быть очень честным. Я слышал от людей и до сих пор слышу, что он употреблял наркотики, и, зная Марка, я это допускаю, хотя, я ни разу не был тому свидетелем. Но сам я этого никогда не делал.

Джун Болан: Он никогда не курил траву, потому что в Англии траву или гашиш всегда смешивают с табаком и потому, что считалось, что не курить, это асоциально — то есть, в 68–м, когда вы приходили в гости, все вокруг пыхали и принимали LCD. Это были дни мира–любви–хиппи–кайфа. Никто не отказывался. Это было не принято.

Тони Висконти: В те дни к кому бы вы ни приходили на сессию звукозаписи, у всех с собой были горы кокаина. Тогда это был модный наркотик, и мы все немножко с ним побаловались, так сказать, пофлиртовали. Но я был одним из самых близких к Марку людей, и честно могу сказать, что он побаивался наркотиков. Он никогда не курил марихуану.

Джун Болан: Поэтому он поступал так: он задерживал дыхание. Он буквально не умел курить, он не знал, как вдыхать дым в лёгкие, поэтому он задерживал дыхание минуты на три, а потом передавал дальше косяк, чтобы не «терять лицо».

Тони Висконти: Но он был очень неравнодушен к шампанскому и бренди. Однажды на вечеринке кто–то над ним подшутил. Ему в стакан подложили LCD, и он, сам того не желая, совершил путешествие, которое, судя по всему, оказалось ужасным, это неблаговидный поступок по отношению к кому бы то ни было.

…и я сразился с великим червем,
Посланным вкусить от моих ягуаровых ног.
Я сделал себе крылья из его кожи,
Я превзошёл Икара
И взял нас в полёт над, сырым мясом.
Пластмассовый крик пронзил
мою лодыжку:
Я пролетел слишком близко

от его сердца Брута.
— The Scenes Of Dynasty

Джун Болан в интервью Данае Брук, Ивнинг Ньюс: Марк был очень целеустремлённым. Он хотел стать знаменитым, и он этого добился. Подобно лошади в шорах, он знал, куда он идёт и как найти тех людей, которые помогут ему туда придти.

Эрик Холл: Он знал нужных людей. Умно!

Тони Висконти: У него бывали забавные идеи. У него было разработано что–то вроде философии на ту тему, что если он будет выступать как просто Марк Болан, то у него будет меньше работы чем, если он будет выступать как ТиРэкс, понимаете? Это было глупо. За деревьями он не видел леса. Все знали, что это просто Марк Болан и его группа, и что он называл эту группу ТиРэкс.

Джун Болан: Самой судьбой ему было предопределено делать то, что он делал.

Даная Брук, Ивнинг Пост: «Это был самый успешный и продуктивный период Марка. Он использовал свои таланты — и случилось то, что, как оба они всегда знали, и должно было случиться: он поднялся на гребне волны тинейджеровского обожания, и это вывело ТиРэкс в первые ряды музыкальной сцены начала 70–х.»

Тони Висконти: В ранние годы, когда Болан ещё только начинал, а у Боуи уже был Space Oddity, между ними существовало злобное соперничество. Насколько я помню, они всегда ожесточённо соперничали. В то время я продюсировал их обоих и я упросил Марка поиграть на одной из пластинок Дэвида, Prettiest Star. Он наиграл красивое соло… За исключением последнего ТВ-шоу, которое Марк сделал вместе с Дэвидом Боуи, это был единственный случай, когда они пришли к согласию. Они никогда не были особенно дружны. Я хочу сказать, что Дэвид очень открытый человек и Дэвид хотел бы дружить с Марком.

Джун Болан: Марк был настоящими Весами — творцом. В этом была вся его жизнь… Он, бывало, сидел в гостиной и читал музыкальные газеты, или ещё что–нибудь. И вдруг он вскакивал, бежал в музыкальную комнату, хватал бумагу и ручку и, как маньяк, начинал писать. Он ничего не говорил. Я слышала аккорды, которые он пытался подобрать к словам, затем дверь захлопывалась, и я знала, что он занялся делом всерьёз. И иногда через полчаса я слышала:

— Иди сюда и послушай. Что ты об этом думаешь?

Я слушала, и если мне что–то не нравилось, я прямо говорила

об этом. Он взвизгивал и отвечал:

— Могла бы этого и не говорить.

А я говорила:

— В таком случае, мог бы и не спрашивать.

Он опять захлопывал за собой дверь. Через некоторое время он возвращался и показывал, как он изменил то, что я ему предлагала изменить. Но говорить об этом ему было нельзя. И я говорила:

— О, это замечательно. Это и впрямь хорошо.

И он отвечал:

— Да. Нужно было именно что–то такое.

Но он всегда работал очень быстро. Он был не из тех, кто сидит целыми днями за обдумыванием партий и слов. Всё случалось так, будто какая–то сила выталкивала из него его песни.

Стив Тёрнер, Бит Инструментал, ноябрь 1971: «В новом доме Марка в Мейда Вейл есть музыкальная комната, где он записывает на плёнку свои идеи. Гитары лежат на полу, а на стенах висят плакаты Джими Хендрикса. Единственной аппаратурой в комнате являются магнитофон Бреннел и орган неизвестного происхождения. Рассказывая о том, как он работает, Марк говорит:

— Я играю часа два, а потом вдруг перехожу в другое измерение, где у меня начинается очень творческое настроение. Тогда я записываю всё подряд.»

Стив Кюри: Он знал, куда он идёт. В те дни он был другим, У него был драйв, это было до того, как он начал употреблять алкоголь и прочие дела. Это трудно объяснить на словах, но встретить человека, который точно знает, куда он идёт!.. В ноябре 1970 он сидел на Лэдброук—Гроув, без конца писал, точно зная, что собирается делать, и ничего не могло его остановить. Это была яростная энергия, и за это я его так уважал. А умер он в то время, когда мы были в дурацкой ссоре. Что ж…

И мы с тобой прыгнем
В полуночную синеву,
И я вырежу флейту
Чтоб на ней ты играл
— The Friends

Он никогда, никогда никого не слушал, вот в чём была его проблема. Он был способным человеком: его можно было отдать на недельку в обучение лучшему гитаристу в мире, и Марк стал бы играть в три раза лучше, но к несчастью он никого не

слушал… Но, в первую очередь, именно это, принесло ему успех.

Тони Висконти: Он с большой неохотой следовал музыкальным советам. После того, как я писал аранжировки, мы садились, и он заставлял меня проиграть все партии. Когда мы играли [смычковое] сопровождение, он его прослушивал, и мы шли дальше, только если он был окончательно уверен в том, что оно подходит. Иногда он просил меня изменить несколько нот, или выбросить их: я, имея классическое образование, как и любой другой аранжировщик или композитор, иногда склонен слегка переборщить. Но когда мы делали Get It On, Марк вообще не представлял себе в ней струнные. У нас в студии уже сидели музыканты со смычковыми инструментами, необходимыми в двух других песнях, и я набросал эту простую струнную партию — просто одна высокая тянущаяся нота через всю песню то там, то тут — простая партия. У нас оставалось полчаса, и я сказал:

— Вперёд, Марк! Давай попробуем это.

Мы впервые не стали обсуждать аранжировку. Я просто не стал у него спрашивать, а взял и поступил по–своему. Он сказал:

— Здесь смычковые не нужны.

Я настаивал на своём:

— Марк, давай попробуем.

Наконец, он согласился, и мы их записали. И он сказал:

— Эй, это подходит! Это подходит! Здорово!

И дело было сделано. В Get It On есть смычковые. И они есть практически на всех наших последующих сорокапятках.

Джон Пил: Его поклонники с некоторым трудом восприняли его переход к электрическому звуку, поскольку это был очевидный шаг по направлению к Top Of The Pops, что представляет собой уникальный процесс.

Б. П. Фоллон: Этим он настроил против себя определённое количество людей, и, думаю, что это его расстроило.

Марк Болан, 1972: Я всегда лучше играл на электрической гитаре, чем на акустической. Я просто хотел, чтобы люди об этом знали.

Джон Пил: Мне и самому это не слишком понравилось.

Б. П. Фоллон: Но затем появилось множество новых поклонников, и они присоединились к тем, кто были и раньше, так что, фактически, никто ничего не потерял.

Стив Тёрнер, Бит Инструментал, ноябрь 1971: «Всего у Марка в музыкальной комнате лежит девять гитар. Два Фендера Стратокастера, один Фендер Телекастер с датчиком Гибсон, один [Гибсон] Лес Пол 1959 года, один Гибсон Спешиал, один Гибсон Летящая Стрела, один акустический Гибсон и один акустический Эпифоун.

Марк Болан, 1972: Когда в 67–м мы начинали, все подражали Cream и Хендриксу, и, в основном, это был тяжёлый рок. Единственным способом пробиться, это делать что–то прямо противоположное. К 1970 году многие стали играть акустическую музыку. Если бы я не стал делать то, что делаю сейчас, то я бы кончил, как Кэт Стивенс, чего бы мне не хотелось. Лучше пусть я буду ё***ной рок–звездой, потому что я могу делать всё, что я хочу.

Тони Висконти: Когда бы я ни говорил Марку, когда бы я ни повторял в его адрес критические замечания на ту тему, что все его пластинки начали звучать одинаково, Марк отвечал:

— Чепуха! Я постоянно прогрессирую. Ты слышал, как я играю на гитаре на последней пластинке?

Я говорил:

— Да. Но дело не только в гитаре. С гитарой всё в порядке. Ты должен найти время и выучить несколько новых аккордов.

Я хочу сказать, что я довольно часто настраивал его гитару и показывал ему новый аккорд для его песни, совершенно очевидный аккорд, как, к примеру, для того, чтобы с ля–мажор перейти на ре–мажор, потребуется ля–мажор–семь, (как ля–мажор). Он же представлял себе ля–мажор–семь, как ля–мажор, если убрать со струны один палец, в результате чего появлялась посторонняя нота, что само по себе очаровательно. Иногда это получалось.

Джон Пил: Последние пять–шесть лет я не виделся с Марком потому, что как только вышел Get It On, он тут же принёс эту пластинку Джону Уолтерсу (который продюсирует мою программу на Би—Би-Си), чтобы мы могли пустить её в эфир, как мы и поступали со всеми его предыдущими сорокапятками. Мы прослушали её и подумали, честно, если это Марк, то мы не будем это передавать, потому что мы хотим быть честными по отношению к нашим слушателям и к самим себе. Марк воспринял это как предательство, и с тех пор я видел его всего один раз.

Марк Болан, 1972: Я не ограничен. Мне не нравятся люди, которые загоняют меня в угол. Меня это злит.

Кит Алтхем, Лук–Нау, 1970: «Похоже, что его можно только или любить, или ненавидеть, но мне он нравится, что, вероятно, имеет свой резон.»

Джун Болан в интервью Данае Брук, Ивнинг Ньюс: В нём было что–то, не поддающееся определению, от чего у вас по спине бегали мурашки, а волосы вставали дыбом.

Кит Алтхем, Лук–Нау: «… возможно, истина заключается где–то посередине между двумя полюсами, и, по крайней мере, это может быть сказано в защиту Марка Болана.»

Б. П. Фоллон: Он не был святым, но он не был и ужасным греховодником.

Тони Висконти: Когда сорокапятка Ride A white Swan поднялась до второго места, мы страшно напились. Это был единственный случай, когда Марк не смог справиться с успехом. На некоторое время он потерял равновесие. Затем вдруг через пару недель он осознал, что, наконец, стал звездой.

Марк Болан, ноябрь I972: У меня нет иного выбора, кроме как считать себя идолом тинэйджеров. Мне нравится жить. Это часть моей жизни, и мне придётся пройти через всё это и наслаждаться этим. Мне не нравится платить за успех. Мне нравится та артистическая свобода, которую я получил, я могу делать то, что хочу. Конечно, деньги это полезная вещь.

Тони Висконти: В действительности, он стал настоящим затворником. С тех пор, как пришёл успех, он редко выходил из дома, он редко ходил пешком — он всегда разъезжал в лимузинах. Люди с улицы никогда ничего не знали о его буйствах, о наркотиках, о его нищете и тому подобном.

Он создал своё собственное окружение. Нам приходилось вынашивать его фантазии и помогать ему их осуществлять, и мы не должны были протыкать мыльный пузырь: Марк не хотел, чтобы он лопнул.

Джун Болан: Несомненно, он был самовлюблённым. Целиком и полностью. Но тогда мы оба считали себя очень особенными людьми. Я, и до сих пор так считаю.

Б. П. Фоллон: Он был необычайно красив.

Тони Висконти: Он определённо жил в своём собственном мире. В тот единственный раз, когда мы с ним гуляли вместе, мы прошлись от моего дома к винному магазину, и мне пришлось идти с одним из его телохранителей. Ему это казалось шикарным. Это была едва ли не первый раз, когда он пешком прошёл три квартала. Мы купили три бутылки вина. Кассирша его узнала. Большое дело! Телохранитель был ни к чему, но это была наша самая долгая совместная прогулка за исключением тех старых дней, когда мы записывались на студии Трайдент.

Кит Алтхем, Лук–Нау: «Есть такие, кто с насмешкой относится к использованию им грима и блёсток, и, как правило, это люди из той компании, которая аплодирует неистовому Алисе или комплексующему Боуи.»

Марк Болан в интервью Дэвиду Нейллу, Рекорд Уикли: Я ношу то, что мне нравится, то, в чём мне удобно. Это помогает мне расслабиться. Эти типы носят тёмные костюмы потому, что они думают, что станут в них невидимками. Я не указываю им, что они должны носить, дело не в одежде.

Кит Алтхем, Лук Нау: «Болан — это поп–музыка. Иногда он забавен, изредка тяжёл, а чаще всего игрив. То, что началось с серии воплей во времена Пресли, Ричарда, Ли Люиса и Эдди Кохрэна, сегодня трансформируется «Маленьким боппером» в новую поэзию смеха и фантазии.»

Марк Болан в интервью Дэвиду Нейллу, Рекорд Уикли: Я ношу женские туфли потому, что они мне нравятся, и они недорогие. Люди имеют право носить то, что они хотят. Я ношу то, что помогает мне жить в этом тяжёлом обществе.

Тони Висконти: Я уверен в том, что он был бисексуален. Но мне не приходилось ловить его на этом за руку.

Прогуливаясь по обочине дороги,
Я встретил человека со звёздной кожей.
Он сказал: «Парень, не хочешь посмотреть?»
Но могло ли это дать мне любовь?
Дать мне любовь,
Дать мне любовь из сердца Бога?
И мы пошли гулять.
— Beltane Walk

Джун Болан: Скажем так, он был честолюбив.

Танцуя у водоворотов
Я встретил девушку,
она была орудием Бога.
Я сказал: «Не хочешь потрястись?»
Но могло ли это дать мне любовь?
Дать мне любовь,
Дать мне любовь из сердца Бога?
И мы пошли гулять.

Тони Висконти: Я уверен в том, что Марк был бисексуален, но в этом Боуи заткнул его за пояс тем, что первым официально объявил прессе, что он бисексуален. И, думаю, что Марка это слегка огорчило.

Джун Болан: Все эти дела насчёт того, что он голубой появились потом в прессе потому, что тогда было модно это говорить. Но на самом деле любовь с мужчинами казалась ему отвратительной.

Марк Болан в интервью Яну Айлсу, Рекод Миррор, 1 декабря 75: Я бисексуален, но я верю в то, что я гетеросексуален, поскольку мне определённо нравится женская грудь. Мне всегда

хотелось быть стопроцентным голубым, это гораздо проще, но не слишком весело. У вас лучшее из обеих областей. Но я думаю, если вы голубой, или какой–нибудь там ещё, у вас столько же удовольствии. Во всяком случае, я это проверил и убедился, что предпочитаю девочек.

Прогуливаясь по западному ветру,
Я встретил парня,
который был моим приятелем.
Я сказал, «Мальчик, мы можем спеть вместе».
Так мы и поступили:
Дай нам любовь,
Дай нам любовь,
Дай нам любовь из сердца Бога,
И тогда мы пойдём гулять.

Тони Висконти: Уверен, у него были один–два романа с мужчинами, но он усматривал ужасную «потерю лица» в том, что Боуи публично его в этом обставил.

Стив Кюри: В сексуальном плане он предпочитал женщин, но, с другой стороны, ему нравилась мужская компания.

Я познакомился с человеком,
он был очень мил.
Он сказал, что его зовут Рай.
В то время я не понимал,
Что его лицо и ум были моими.
Хиппи Гамбо — он плохой.
Разрубить его на куски,
сжечь его на костре.
Он считал, что будет хорошо и правильно,
Если я всю ночь буду им восхищаться,
Но утром, с восходом солнца,
Он достал свой автомат.
Он выстрелил мне в душу,
он выстелил мне в ум
И ушёл, но я уйти не мог.
Хиппи Гамбо — плохой.
Разрубить его на куски,
сжечь его на костре.
— Hippy Gumbo

Джун Болан: Возможно, вы не поймёте смысл этой песни, но я

точно знаю, о чём в ней поётся. Это песня о человеке, в которого Марк был влюблён, когда ему было пятнадцать и с которым он жил шесть месяцев.

Стив Харли: Правду знают лишь те, кто мог быть с этим связан — настолько близко с ним связан.

Глория Джонс: На самом деле, его никто не знает, он был личностью.

Джун Болан: Мы были вместе буквально по 24 часа в сутки на протяжении трёх–четырёх лет. У нас была квартира без горячей воды и ещё одна ниже этажом, которую мы расширили. У нас были два этажа в одном доме за 11 фунтов в неделю. Мы проломили в стене дыру и таким образом получили огромную комнату. Наверху была небольшая музыкальная комната, которую мы звукоизолировали прокладками из под яиц и прочими штуками, и кухня без горячей воды. Однажды мы проснулись, и он сказал:

— Хочешь, поженимся?

Ты такая сладкая,
Ты такая прекрасная.
Я хочу, чтобы ты целиком и полностью
Была моей.
Потому что ты моя крошка,
Потому что ты моя любовь.
Девочка, я новобранец
Твоей любви.
Ты так замечательна
Со своими красивыми кастаньетами.
Вселенная
Отдыхает в твоих волосах
Тобой приятно обладать,
Так же, как и автомобилем.
Если бы я осмелился,
Я бы назвал тебя Ягуаром.
Дикие ветры обдувают
Твои замёршие щёки.
То, как ты касаешься меня своим бедром,
Повергает меня в слабость.
Твоя мотивация
Так сладка.
Твои вибрации
Жгут мне ноги
Девочка, я вампир твоей любви.
И я намерен сосать тебя.

— Jeepster

Мне было двадцать семь, и я подумала, ну а почему бы и нет? Раньше мне не приходилось выходить замуж, а мы прожили вместе три с половиной года, и наши жизни абсолютно не изменились. Ну и мы пошли в Кенсингтонский Отдел Регистрации и спросили:

— Как это делается? Что для этого нужно?

Нам сказали, что нужно уплатить такой–то задаток и получить специальное разрешение, или же придётся ждать три недели, но платить вдвое меньше. Мы сказали:

— Нет!

У него оставалось немного денег, он получал чеки от Общества Авторских Прав и тому подобное, так что какие–то деньги у нас были. У нас всё ещё был фургон — мы поехали на наше бракосочетание в фургоне — и он сказал, что мы берём специальное разрешение. И через три дня мы поженились.

Микки Финн: Я был на их свадьбе.

Стив Кюри: Я не слишком много общался с Джун.

Б. П. Фоллон: Она фантастична.

Стив Кюри: Просто она была женой Марка.

Б. П. Фоллон: Она была очень важна как для карьеры Марка, так и для Марка, как личности, она отлично его знает.

Стив Кюри: Она ездила с нами на гастроли.

Микки Финн: Она производила все расчёты. Она отвозила нас на все выступления, и она заклеивала проколы в шинах.

Б. П. Фоллон: Она — прекрасный толкач.

Стив Кюри: Она никогда не делала мне ничего плохого, она в меня ни разу не стреляла.

Б. П. Фоллон: Она могла показаться очень жёсткой, но в глубине души она мягкая, как бисквит.

Стив Кюри: У неё всегда были наготове полотенца, когда мы возвращались со сцены, она всегда следила за благополучием группы, за тем, чтобы гримёрные были клёвыми. Она очень заботилась о группе.

Б. П. Фоллон: Она очень, очень сильно уравновешивала Марка. Она научила его многому касательно логики. Я хочу сказать, что в своё время он был не слишком логичен по отношению к, так называемым, практическим аспектам жизни.

Даная Брук, Ивнинг Пост: «Когда я с ними познакомилась, а это произошло в 1971 году, их было почти не отличить друг от друга, они были как два астральных близнеца. Оба худые, большеглазые с тёмными вьющимися волосами, которые не

столько ниспадали, сколько, как птичьи крылья летали вокруг их лиц прерафаэлитов.»

Стив Кюри: Я познакомился с Марком при помощи старой доброй Мелоди Мейкер.

Мик О'Холлорэн: Марк решил, что ему нужна полная группа, и они поместили объявление, что им требуется басист.

Стив Кюри: В Мелоди Мейкер было маленькое объявление: «Гитаристу и перкуссионисту требуется басист». Не был даже указан номер почтового ящика. Было сказано: обращаться по такому–то адресу.

Мик О'Холлорэн: Мы прослушивали нескольких разных басистов в маленьком зальчике рядом со Слоном, это был школьный зал. Пришёл и Стив Кюри, он пришёл с женой.

Стив Кюри: Итак, я вошёл в эту репетиционную комнату, и мы начали играть. Мы поиграли минут двадцать, и он сказал:

— Ну что же, мы тебе позвоним.

На этом всё и закончилось.

Мик О'Холлорэн: Этого парня Мик с Джун выбрали потому, что, как они сказали, у него хватило духу прийти на прослушивание вместе с женой, понимаете, будто бы ему было всё равно, получит он работу, или нет. Он сказал, что поступил так по своим личным соображениям.

Стив Кюри: Это была очень странная встреча, потому что я всегда был рокером, но до этого я играл в джаз–роковой группе из одиннадцати человек, и я подумал: «Господи Иисусе, музычка типа трень–брень!» Но на том этапе он решил сделать поворот в своей карьере и из посредственной цветочной звезды превратиться в рок–н–роллера.

Мик О'Холлорэн: Для того времени он был очень хорошим басистом. Так Стив и получил работу.

Стив Кюри: Тогда работа была простой: мы играли по два отделения, всего сорок пять минут. Я не был поклонником Тираннозавра Рэкс, это была не моя музыка. Но когда Марк объяснил направление, в котором он намеревался двигаться дальше, я зашёл к нему домой — тогда он жил на Лэдброук–Гроув, и он проиграл мне кое–какие плёнки и дал мне общее представление о том, чем он собирался заниматься. Он решил бросить все эти хиппейные штучки. Я сказал:

— Отлично. Я согласен.

Первой сорокапяткой, на которой я играл, была, конечно же, Hot Love.

Тони Висконти: В период Hot Love и Get It On, когда у нас были деньги — конечно же, были — мы проводили в студии больше времени, добивались заметно лучшего звука и

занимались кое–каким новаторством.

Стив Кюри: Я хочу сказать, что он был удивительным ритм–гитаристом. Послушайте Hot Love и Get It On — это классические номера в размере 4/4, под них невозможно не притоптывать ногой.

Тони Висконти: В моей жизни это было просто невероятный период. И, разумеется, в жизни Марка. Это было невероятное ощущение того, что успех всё растёт и растёт. Не знаю, в каком возрасте начинал Марк, но я отыграл свою первую профессиональную игру, когда мне было двенадцать. Знаете, когда ты, наконец, добиваешься успеха, это удивительное чувство. А когда ты делаешь то, во что веришь, это ещё более удивительно.

Питер Коул, Ивнинг Таймс, 28 января 1972: «Всю неделю они ходят в школу. Но по субботам и воскресеньям они собираются перед алтарём: толпа из двухсот тинейджеров выказывает своё почтение маленькой божественной личности, которая может оказаться или же не оказаться дома, вот за тем окном.

Поп–суперзвезда Марк Болан так и не появляется. Он слышит, как девочки скандируют:

— Выходи, Марк! Мы знаем, что ты дома!

Он улыбается и ждёт, пока они не уйдут.»

Тони Висконти: Был момент, когда Hot Love продавалась по двадцать шесть тысяч штук в день. Она была номером первым семь недель подряд.

Б. П. Фоллон: Тогда они были хороши на сцене. Лучше их не было никого.

Питер Коул, Ивнинг Таймс: «После того, как шоу окончено, они толпятся у дверей гримёрной Марка, страстно желая хоть одним глазком взглянуть на своего героя. Иногда он приглашает их по двое. Он раздаёт им свои фотографии с автографом, дарит им по обязательному поцелую и они уходят, осчастливленные на многие недели и месяцы.»

Б. П. Фоллон: Когда начались все эти беспорядки, и дети стали сходить с ума, он сумел фантастически их контролировать. Я помню одну из игр: весь зал ходил ходуном, поэтому менеджер вышел и заявил:

— Пока все не усядутся на свои места, шоу не начнётся. Иначе люди могут пострадать.

И со своей точки зрения, он рассуждал вполне логично. Но Марк взял микрофон и сказал:

— Ну что, никто не пострадает, а?

И в ответ все закричали:

— Нет!

Никто так и не пострадал, что, на самом деле, довольно

удивительно, поскольку это был сущий ад. Он умел успокоить публику и опять поднять её на ноги.

Джун Болан: Он всегда планировал свои действия. И всё всегда шло по его плану.

Тони Висконти: У него были два года творческих успехов.

Б. П. Фоллон: Что касается его влияния… я хочу сказать, что он заставил таких людей, как Камни оторвать свои задницы и задуматься над своим положением. А позволило ему это сделать то, что он был невероятно силён.

Джун Болан: Он постоянно работал.

Стив Кюри: Он был городским парнем, ему нравились блеск и сверкание. И лимузины.

Б. П. Фоллон: Иногда не знаешь, насколько рок–н–ролльная группа сильна, пока не посмотришь на публику и не увидишь, что в зале все похожи на звезду. И это произошло. Это было невероятно.

Джун Болан: Мы не были в отпуске несколько лет.

Тони Висконти: В те дни я существовал только для Марка Болана. Я записывал Камни, я записывал Ральфа МакТелла, но я знал, что интересует меня только Марк.

Джун Болан: Наш первый отпуск был восхитителен. Мы отправились в Вест—Индию, на Барбады. Мы были вдвоём: без роуди, без личных ассистентов. Представляете? С Портобелло—Роуд в Вест—Индию вдвоём, держась за руки!

Когда мы туда добрались, я взяла напрокат машину, а гостиница была просто чудесной. Выяснили, что за две недели до нас в ней останавливалась мать Элтона, так что о нас все знали и отнеслись к нам очень мило. Мы прожили там две недели: набрались здоровья, загорели. Марк хотел, чтобы я покаталась на водных лыжах, но тогда я не умела плавать. Сам Марк тоже не умел плавать, только я об этом не знала, и хотя он ненавидел любой спорт, я поверила ему, когда он заявил, что плавать он умеет. Поэтому я сказала, что если он будет кататься на водных лыжах, то я тоже буду, и он очень смело сказал:

— Окей.

И вот этот шестифутовый чёрный красавец, член Олимпийской сборной — прекрасный человек — начал учить Марка. В следующий момент Марк был по горло в воде, а лыжи летели по воздуху сами по себе. Он сделал множество попыток, но примерно через час, когда руки у него уже отваливались, а задница промокла насквозь, он наконец сдался. Он старался, у него болели руки, но думаете, он хотя бы раз встал на эти лыжи? Ни разу. Он был так обижен. Я хочу сказать, что он должен был всегда быть победителем, а тут его побили два куска дерева и

катер — этого он не мог вынести. Он вылетел из воды ураганом и сказал:

— Иди и, чёрт возьми, попробуй сама. Это — дурацкий спорт. Кому нужно стоять в воде на двух деревяшках? Надеюсь, ты понимаешь, что теперь я, возможно, никогда больше не смогу играть на гитаре. Посмотри на мои руки. Они искалечены!

На самом деле на них не было ни царапины. Но он весь день просидел на пляже, воздев свои руки к Солнцу в надежде на то, что так они вылечатся быстрее. Но хуже всего было то, что я научилась кататься на водных лыжах с первого раза, хотя раньше никогда этим не занималась. Может быть, всё дело в чувстве равновесия… Это были две замечательные недели.

Я собираюсь танцевать со своей принцессой
При свете волшебной Луны.
Когда я иду своей дорогой,
Я говорю, хей–хей.
Я собираюсь поговорить со старцами
И рассказать им обо всём хорошем
В наших сердцах.
Я буду босиком танцевать со своей крошкой
При свете волшебной Луны.
Когда я убью самый чёрный день,
Тогда мы сможем танцевать.
В ожидании этого таинственного
и радостного дня
Мы будем играть и молиться.
— By The Light Of A Magical Moon

Мы с Марком вернулись с Барбадов в понедельник, а уже в среду летели обратно туда вместе с Ринго. Втроём. Ринго с Марком тогда были очень дружны, он был для нас как отец, он нас очень многому научил, он удивительный человек. Морин, жена Ринго, не захотела лететь с нами, потому что она терпеть не может солнце, а Ринго без неё никогда раньше не отдыхал (тогда они были ещё женаты).

И вот, мы втроём сидели в первом классе самолёта. Всего в нашем салоне было восемь человек, и на экране показывали смешной фильм с Вуди Алленом. Вскоре мы втроём довольно сильно налились, поскольку в те дни джамбо–джетов, Боингов 747, ещё не было, и это был четырнадцатичасовой перелёт с посадкой в Антигуа. Выпивка — бренди и шампанское — в первом классе бесплатная, и мы совершенно окосели и уже не могли стоять на ногах. Мы смотрели фильм в наушниках.

Остальные пассажиры в салоне были настоящими сварливыми занудами и не хотели смотреть фильм: они хотели читать. Но мы издавали столько шума, что к нам подошёл какой–то старикашка, постучал нас по головам своей книгой и приказал нам извиниться и заткнуться. Марк аж подавился малиной, или чем–то вроде этого. Мы были здорово пьяны. Этот тип пошёл и пожаловался капитану, пилоту, или как там их называют — я его звала водителем — и вот, приходит водитель, готовый нас отчитать. Понимаете, мы сидели в наушниках и совершенно себя не слышали. Мы что–то друг другу кричали, и, должно быть, для остальных звучали как стадо баньши. Водитель пришёл и сказал, что пассажиры жалуются на шум, и когда он это говорил, он посмотрел на экран и вдруг сам начал хохотать. Ринго уступил ему своё кресло, и капитан сел рядом с Марком. Мы все вчетвером были буквально в истерике, и тот тип, который на нас жаловался, впал в ступор и ржал вместе с нами. Весь полёт на Барбады мы провели в полной истерике. Мы — Ринго, Марк и я — провели там ещё две недели. Но у Ринго было что–то с кожей, и ему пришлось носить смешные картонные наносники, шляпу, тёмные очки и футболку, рукава которой он закатывал до локтей. Мы с Марком загорели дочерна, а бедному Ринго приходилось сидеть в носках, поскольку у него сгорели лодыжки. Мы ели, пили и шлялись по клубам. Для Ринго это было здорово, потому что он ни разу не отдыхал один из–за того, что был постоянно занят со своей группой. Это был наш первый шикарный отпуск, даже два за один месяц!..

Я даже никогда не думала: Боже, я так горжусь тобой, потому что ты добился успеха. Просто я всегда знала, что так будет. Это звучит странно. Но это правда.

Дэвид Нейлл, Рекорд Уикли :

«- Успех может прийти мгновенно, — говорит он, — но когда он приходит, вам приходится с ним уживаться.»

Микки Финн: Успех — это клин, он нас и расколол.

Джун Болан: Мы заказывали шампанское. Я хочу сказать, что по началу быть знаменитым очень весело. На улицах к нам подходили девочки, рвали на себе волосы и прочее, но потом всё это превратилось в сущий ад… Мы переехали в дом на Клэрендон —Гардене и провели целое лето на четвереньках, потому что в этом доме были огромные окна, то есть, или держать занавески всё лето закрытыми, или стоять на четвереньках, потому что дом всё время осаждался девочками.

Стив Кюри: Не знаю, поймёте ли вы меня, но у него было слишком много поклонниц. Меньше всего приходилось заботиться о том, чтобы они вас любили. Это была борьба за то,

чтобы выжить, а не за то, чтобы к вам подошли с полдюжины маленьких красоток. Нам приходилось прятаться.

Дэвид Нейлл, Рекорд Уикли: «Однажды когда они остановились в гостинице, расположенной слишком близко от театра, она на несколько часов была осаждёна сотнями поклонниц.

Прошли те времена, когда любая группа могла получить подобную реакцию аудитории, вызванную таким интенсивным ритмом, как у ТиРэкс. Менеджер одного из театров пригрозил остановить шоу, поскольку люди могли пострадать. После того, как Марк удостоверился в том, что не пострадает никто и предложил оплатить залу любой возможный ущерб, шоу было продолжено.»

Джун Болан: Мы жили по соседству с зоо в Риджентс—Парке. Мы очень дружили с гориллой по имени Гай. У меня есть его огромные плакаты, и когда я его навещаю, он ведёт себя уморительно. Это от того, что мы знакомы много лет. Мы с Марком обязательно приходили к нему раз–другой в неделю и приносили ему цветную капусту или что–нибудь ещё. Мы думали, что мы просто два человека из Мейда—Вейл, ходящие в зоопарк. Но однажды мы заметили снаружи вереницу автобусов. Наверное, это была школьная экскурсия. Как бы то ни было, мы стояли и смотрели на Гая, как вдруг услышали крик:

— Смотрите! Это Марк Болан! Марк Болан!

Я обернулась и увидела, что на нас несётся толпа маленьких девочек. Марк взглянул на них, схватил меня за руку, и мы убежали. Больше в зоопарк мы не ходили.

Мик О'Холлорэн: Мы приехали в Экстерский университет — это было что–то вроде этих грандиозных балов. Когда Марк отыграл своё отделение, вся публика поднялась с пола (потому что они сидели на полу) и стала кричать, аплодировать и требовать биса. Я никогда не видел ничего подобного. И он сыграл ещё один номер, от которого все вошли в транс. Невероятное шоу.

Марк Болан в интервью Питеру Коулу, Ивнинг Таймс: На самом деле дело не в моих способностях к манипулированию людьми. Просто публика сама хочет, чтобы с ней так поступали.

Адриан: С той секунды, как он вышел на сцену, я не мог оторвать от него глаз. На него было невозможно не смотреть.

Мик О'Холлорэн: Куда бы мы ни направлялись, за ним всегда следовали эти, как мы их тогда называли, фрики. То есть, они не были явными сумасшедшими, они были нормальными людьми. Но это было что–то вроде культа. В это трудно поверить. Куда бы мы ни приезжали, аншлаг был везде.

Тони Висконти: Когда я гастролировал с группой, был период, когда мне приходилось буквально следовать за ними из страны в страну и записывать их, настолько они были популярными. Один из альбомов, кажется, это был Electric Warrior, мы записывали в четырёх разных странах. Одни номера записаны в Дании, другие во Франции, третьи в Лос—Анжелесе. Jeepster была записала в Нью—Йорке. Два разных города. Я следовал за ними повсюду.

> Поймай яркую звезду
> и помести её себе на лоб
> Произнеси несколько заклинаний,
> и — вперёд!
> — Ride A White Swan

Даная Брук, Ивнинг Ньюс: «Они жили в динамичное и созидательное время социальной истории. Превалировавший тогда дух авантюризма и культурных перемен позволил семенам образных идей упасть в плодородную почву. Марк Болан был полон идей, и это было его время.»

Тони Висконти: У меня всегда было чувство, что если Марк немного улучшит свою технику, чего он так и не сделал… у него были обаяние, смелость, лидерство, почти всё, кроме техники и настоящего академического образования, которого ему не хватало для некоторых вещей, которые он намеревался сделать. Взять хотя бы фильм, который он сделал с Ринго. В нём были неплохие моменты. Было видно, что у человека есть воображение, но понимаете, сначала он должен был узнать кое–что о кинематографии, пройти курс, или прочитать кое–какие книги.

Марк Болан в интервью Стиву Тёрнеру, Бит Инструментал, октябрь, 1972: Этот фильм [Рождённый для буги] так важен потому, что это реалистичный фильм. В основном это фильм о лучших моментах концерта с различными вставками и эпизодами. Кроме того, в нём много смешного. То есть, он действительно очень забавный. В нём нет сюжета, это аудиовизуальный рок–н–ролл космического века. Он ни о чём. В нём нет темы. Он обо мне и о группе.

Стив Кюри: Фильм «Рождённый для буги» в действительности был полным эго–трипом. Я просто играл на концерте в Уэмбли, и больше никакого отношения к фильму не имел. Это было столкновение эго-Марка с эго-Ринго: они пытались произвести впечатление друг на друга.

Ринго Старр в интервью Тони Ношану, Нью Мюзикал Экспресс: Однажды я позвонил ему и сказал:

— Заезжай ко мне. У меня есть идея. Хочу знать, что ты об этом скажешь, да или нет?

На этой встрече мы и подружились. Затем я услышал, что он собирается заснять своё выступление в Уэмбли. Ну, а на Apple есть киногруппа, и я сказал:

Почему бы этим не заняться мне? Ведь я твой друг.

Марк Болан в интервью Стиву Тёрнеру: В целом, это один из наших лучших концертов, Плюс то, как мы с Ринго валяем дурака, плюс студийные съёмки, смонтированные так, что, как я надеюсь, они стимулируют тело и душу. Мне он нравится.

Стив Кюри: Самое смешное, что единственное, что мне пришлось сделать — это заново переписать свою басовую партию в студии Apple. Между Марком и Тони случилась крупная перепалка, потому что на концерте в Уэмбли гитара Марка не строила, а он отказывался в это поверить.

Тони Висконти: Я понимал, что с ним лучше спорить с глазу на глаз. Если это случилось бы в студии, полной людей, разразилась бы война. Он знал всего шесть–семь аккордов. Если бы я в присутствии других музыкантов указал ему на то, что он берёт не те аккорды, разразился бы сущий ад. В ранние дни я позволял ему делать всё, что он хотел, он был настолько авангардным, что на выступлениях ТиРэкс разносил гитару в щепы. Но когда он делал прямой рок–н–ролл, вроде Get It On, мне приходилось определённо указывать ему на некоторые вещи. Одно время он ходил к Эрику Клаптону и смотрел игру маэстро и кое–что перенял у него, но отказывался это признавать.

Марк Болан в интервью Энн Найтингейл, Пети Коат: В финансовом плане Рождённый был крупной игрой, мы вложили в него наши лучшие средства, и если бы он провалился, мы бы оказались в серьёзных долгах. Также, риск заключался в приёме его критиками, и, как оказалось, фильм не получил хороших рецензий. Его все ругали. Но ругали его не за то, за что следовало бы, и поэтому меня это не беспокоило. Критики ругали его за то, что, как фильм, он не был шедевром. Но он был сделан для поклонников ТиРэкс и больше ни для кого. Именно это так расстроило критиков.

Тони Висконти: Однажды он сказал мне, что критики слушают его всего один раз. Это было когда его облажали впервые, и он быстро создал самооборону против нападок. Когда он прочитал первую плохую рецензию, он плакал. Он несколько дней пребывал в депрессии. А потом, когда он из неё вышел, он больше никогда так не расстраивался. Он просто сказал:

— О, музыкальные критики — это куча дерьма. Они не делают пластинок. Это я сижу в студии и делаю их…

Знаете, я разделяю его мнение.

Стив Харли: Пресса никогда не понимала его; пресса просто не могла его понять. Если взять английскую музыкальную прессу, журналистов и репортёров, то он был выше их всех в том плане, что он был ближе к сумасшествию. Для того чтобы его понять, понять его буквально, не просто понять смысл того, что он говорил, а понять его личность и сочувствовать ему, необходимо иметь чрезвычайно богатое воображение. Но у них, чёрт возьми, на это нет времени. Им всё было безразлично. Им нравилось быть циничными, потому что они журналисты… Нет. С ними у него не было ни малейшего шанса.

Марк Болан в интервью Энн Найтингейл: Изначальная идея была проста, документальные съёмки концерта в Уэмбли со вставками, освещающими различные аспекты моей жизни. Эта идея развивалась до тех пор, пока фильм не стал почти сюрреалистическим. Так всё и было сделано, и это было в кайф. Элтон играл с нами несколько часов, и мы сделали много рок–н–роллов. В итоге у нас оказалось множество часов отснятого материала. Часть съёмок происходила в саду Леннона, где я сделал попурри из лучших вещей в сопровождении струнного оркестра. Все ели кремовые торты, а Микки играл вампира, и у него с подбородка капало земляничное варенье… жуть! Но, в принципе, это было просто рок–н–ролл. В фильм вошло всё, вроде Get It On, и он показывает, что представляет собой ТиРэкс. И это прекрасно, поскольку об этом быстро забывается. Когда я смотрел фильм, то мне казалось, что я вижу нечто, происходившее двадцать лет назад. Фильм делался очень свободно. Создаётся впечатление, что всё было сделано заранее, но это не так. Мы получили удовольствие от работы над ним, и я доволен результатом. Я по–настоящему счастлив.

Тони Висконти: Если бы фильм снимал действительно хороший режиссёр, Марк не продержался бы и пяти минут на экране.

Стив Кюри: Марк был индивидуалистом, Марк никогда бы не стал играть в чьей–либо другой группе; это подтверждает вся его карьера, начиная с периода Детей Джона, он вырабатывал Новое Направление, но в чьей–нибудь чужой группе он играть не смог бы.

Тони Висконти: Он пытался манипулировать людьми, общественным мнением. Возьмём, к примеру, обложку альбома The Slider, на ней — он в цилиндре… Ну, вообще–то эту фотографию сделал я. Я точно помню, как сделал её во время съёмок «Рождённый для буги», когда Ринго был занят своей 35–мм камерой Эрроуфлекс. Ринго был режиссёром, и всё такое, а я

играл дирижёра оркестра. Марк был фотографом, и он дал мне свой Никон и сказал:

— Сделай несколько снимков.

Он надел цилиндр и стал позировать, а я отснял целую плёнку. Несколько недель спустя он показал мне у себя дома контактные отпечатки.

— О, здорово, это я снимал, — сказал я, — это я сделал эти кадры.

— Отлично, обведи те, которые сделал ты и подпиши их, а я использую их для альбома и укажу тебя как автора, — ответил Марк.

И, о чудо, они появились на передней и задней стороне обложки. Но написано было:

«Фотографии сделаны Ринго Старром»

Да ещё большими буквами, что меня сильно возмутило.

Эрик Холл: Он всегда заботился о том, чтобы знать нужных людей.

Тони Висконти: Как мне кажется, в этом заключалась его извечная борьба. Бывали случаи, когда я просиживал с ним все ночи напролёт, работал над пятнадцатисекундным соло второй гитары: бывали времена, когда он хотел быть музыкантом, а бывали времена, когда он просто хотел быть звездой.

Б. П. Фоллон: Он мог бы быть художником, он мог бы быть скульптором. Он был талантливейшим человеком, который использовал рок–н–ролл потому, что этот вид общения был для него самым приемлемым.

Стив Харли: Принять тот факт, что он — простой смертный, обычный парень, было свыше его сил. Если бы ему об этом сказали, он мог бы встать и дать вам в челюсть.

Тони Висконти: Это было его противоречием. Оно всегда было в нём. Я умел запечатлеть его творческие моменты. Я мог записать его на плёнку, когда он действительно хотел стать артистом. К сожалению, в большинстве случаев он хотел быть звездой.

Стив Харли: Сказать Марку Болану: «Ты вовсе не звезда, ты обыкновенный кошак, который записывает пластинки и пишет песни» — считалось ересью. Это было бы святотатством.

Дэвид Нейлл, Рекорд Уикли, 1 января 1972: «Это было время последнего глотка на сон грядущий в обитом плюшем баре гостиницы. Пятьдесят степенных коммивояжёров, собравшихся на торговую конференцию, пили свой джин. Минуту–другую они не обращали внимания на миниатюрную фигурку в зелёных дамских туфлях и поношенной норковой шубке. Как только они её заметили, в баре воцарилась тишина, которую прервал крик

четырёх из них: «Хватай её!»

Личность в норковой шубке вскочила в полный рост, составляющий немногим более пяти футов, и объявила:

— Вполне возможно, что через год на меня будет работать пятьдесят человек вроде вас. На улице стоит мой Роллс—Ройс. Если бы вы видели, как я из него выхожу, вы бы относились ко мне с уважением. Перед тем, как вести себя оскорбительным образом, вам стоило бы об этом подумать.

Коммивояжёры поняли, что это Марк Болан из группы ТиРэкс. Несомненно, для них это был уникальный экспириенс.

Тони Висконти: В период Ride A White Swan, Get It On и Telegram Sam, он оказал на британскую музыку определённый эффект. Я имею в виду то, что музыка развивалась в опасном направлении, становясь слишком серьёзной для себя.

Джон Блейк, Ивнинг Ньюс, 23 мая 1973: «ТиРэкс, группа, пользующаяся большим успехом со времён Monkees, прекратила своё существование в современном виде.

— В настоящее время мы нигде не играем вживую, — сказал мне Марк Болан, когда мы встретились с ним в баре в Сохо.

Он пришел в бар в боа из перьев от Хэрродса, ценой в пятьдесят фунтов, держа в руках серебряную трость. Похоже, что его никто не узнал.»

Стив Кюри: Это Марк навязал нам глэм, одежды, ну все эти штучки. Бытовала поговорка:

«Замеченный одетым в футболку, будет расстрелян на рассвете.»

Б. П. Фоллон: Выкобенивается именно мужское начало; этот элемент пытались отрицать, но Болан поставил всё на свои места.

Стив Кюри: На гастролях мы часто «теряли» чемоданы. Нас всех посылали в магазины одежды «Бабушка едет в путешествие» и «Алкасура» на Кингс–роуд, но мы «теряли» все наши покупки в одном чемодане. Пара фунтов носильщику — «потеряй» чемоданчик.

Глория Джонс: Когда я начала работать на Марка, со мной были ещё две певицы, и одна из них решила одеть на сцену платиновый парик. Я это говорю к тому, что как такое можно совершить, имея дело с мистером Боланом? Я этого момента никогда не забуду; он был таким смешным. Мы зашли в артистическую, и Марк сделал круглые глаза типа «О», а это ещё что? Понимаете, мы хотели, чтобы одна из девушек выглядела действительно психоделично. Марк был великолепен. Он подошёл к ней и сказал:

— Милочка, мне наплевать на то, сколько у тебя париков. На сцене ты никогда не сможешь перещеголять Болана.

Мы все легли от хохота.

Мик О'Холлорэн: Конечно же, он носил очень необычную одежду, не ту одежду, которую обычно носят все.

Б. П. Фоллон: Он всегда был на шаг впереди.

Элвин Стардаст: Он не стоял на месте. Он постоянно шёл впереди.

Тони Висконти: На записи Марк всегда одевался так, будто это были концерты. Он делал шоу для всех присутствующих, будь то инженеры или посыльные. Неважно, для кого, Марк Болан и в студии оставался звездой.

Стив Кюри: Помню, мы записывались в Мюнхене с Донованом. Марк был сопродюсером и помогал ему советами. Каждые две минуты он выходил из контрольной в студию и указывал Доновану, что играть и как играть.

Тони Висконти: В музыкальном плане он возродил рок–н–ролл. Он вернул его назад в новой форме. Газеты назвали это глэм–роком.

Стив Кюри: Что касается игры на гитаре, Марк был забавным гитаристом. В нём была заключена такая колоссальная энергия, что если всё не делалось так, как этого хотел он, это не делалось вообще.

Тони Висконти: Он дал возможность добиться успеха Дэвиду Боуи. Был недолгий период, когда он был действительно революционером. Заботясь об имидже и будучи неистовым, он сделал рок–н–ролл респектабельным — именно в этом заключается его реальная заслуга.

Стив Харли: Я скажу вам, каким он был: помимо того, что он был прирождённым фантазёром, он был исключительно, до ошеломления, исключительно щедрым.

Стив Кюри: Он был щедр во всех отношениях.

Тони Висконти: Бывало, он говорил в таком духе:

— Когда Get It On войдёт в горячую десятку в Штатах, я куплю тебе Харли Дэвидсон Электрослайд.

Несколько месяцев спустя песня поднялась в десятку, но мотоцикл так и не материализовался. Он постоянно всем нам обещал мотоциклы: он пытался подделываться под имидж Элвиса.

Стив Кюри: Он купил мне золотые часы. И, по крайней мере, полдюжину гитар.

Стив Харли: У меня сохранилось очень много подаренных им вещей. Он приходил и дарил мне книги или пластинки, дубликаты которых было невозможно достать. Я точно знаю, что он не смог бы достать их снова. Но он надписывал их каким–то неразборчивыми иероглифами и настаивал на том, что они мои.

Стив Кюри: На одних из гастролей по Америке мы с ним поссорились, а на следующее утро ко мне в дверь постучал роуди и принёс мне от него в знак примирения две гитары.

Стив Харли: У него не было тяги к материальным ценностям, и хотя некоторыми вещами он дорожил, он часто раздаривал их в знак любви. Однажды мне понравился прекрасный, переплетённый в кожу томик Шекспира из полного собрания сочинений, которое стояло в доме Марка. На следующей неделе Марк принёс его мне в подарок, написав на титульном листе:

«От современного барда Кокни Ребелу, которого я люблю. Марк».

Джун Болан: Он был отличным парнем. Понимаете, он не был похож на других. Это звучит ужасно, особенно теперь, когда его нет в живых, но он был не таким, как все.

Тони Висконти: В жизни встречаешь не так уж много людей, рождённых быть лидерами. Если бы он не был певцом или рок звездой, он мог бы стать политиком.

Робин Нэш: Марк обладал удивительным обаянием, но его невозможно описать словами.

Тони Висконти: Он был очень обаятелен, он был красив, он точно знал, что хотел и не стеснялся тех способов, которыми это получал.

Дэвид Нейлл, Рекорд Уикли, 1 января 1972: «Менеджеры ТиРэкс вынуждены изощряться, чтобы доставить группу со сцены в целости и сохранности… и ещё сложнее вывезти её из театра. Для этого использовались даже кареты Скорой Помощи и полицейские фургоны.»

Тони Висконти: За глаза люди часто его ругали, но они уважили его и делали то, что он им говорил. И им это нравилось — быть членами его команды. Но иногда он хватал через край.

Стив Кюри: По отношению к нему я испытывал сильные отеческие чувства. Однажды из–за него я ввязался в драку в лондонском аэропорту.

Б. П. Фоллон: Мы с ним ни разу не поссорились.

Тони Висконти: Он обладал внутренней силой и магнетизмом. Мне приходилось видеть его в приступах ярости, когда он орал на мордоворотов в два раза выше его самого. То есть, наверняка, он бы не смог от них защититься. Но в его присутствии они тряслись от страха, потому что в нём чувствовалась сила. Он был очень, очень сильной личностью, очень волевым.

Стив Кюри: Он подбил мне глаз, а я разбил ему губу, причём всё это произошло из–за пустяка. Но, с другой стороны, он был пьян. К сожалению, он начал верить в собственные сказки, вроде

восемнадцати Роллс—Ройсов и тридцати шести яхт.

Джон Блейк, Ивнинг Ньюс: «… он сказал, что напряжение, вызванное гастролями, начинает сказываться на его психике.

— Психически, это бы меня убило. Все эти напряжения сводят тебя с ума. Правда. Половину всего времени я не уверен в собственной нормальности. Этому способствует миллион разных вещей. Напряжение фантастическое: я понимаю, что я — это индустрия, ворочащая миллионами фунтов, но на самом деле, я всего лишь ребёнок.»

Тони Висконти: Думаю, его первый менеджер Питер Дженнер точно его охарактеризовал: «цветочный ребёнок, носящий нож в рукаве».

Даная Брук, Ивнинг Ньюс: «Пик его карьеры пришёлся на 1971 год, но он не удержался на гребне волны, думаю, потому что стал избегать своих старых друзей, положивших начало его творческому росту. Он пребывал в постоянной паранойе, покупал людей за деньги и затем вдруг обнаруживал, что они не могут дать ему то, что даёт любовь и общность интересов.

— Он потерял чувство реальности, — говорит Джун, — он был ослеплён своим собственным мифом.»

Стив Кюри: Марк никогда не был продюсером. Он страдал мегаломанией по отношению к каждому инструменту. Его невозможно было образумить и записать просто бас, барабаны и немного клавишных. В тот день, когда Марк впервые услышал о синтезаторах, на записях появились тридцать тысяч струнных! Из–за этого он утратил свой простой, почти наивный музыкальный стиль. Он хотел с чьей–нибудь помощью стать новым Риком Вейкманом, но его творчество представляло собой очень наивный прямой рок–н–ролл. Уверен, именно это и послужило началом его падения.

Тони Висконти: Я старался не верить в то, что говорили газеты насчёт того, что, дескать, всё у Марка Болана звучит одинаково. Я пытался говорить:

— Нет!

Марк Болан в интервью Дэвиду Нейллу, Рекорд Уикли: Я не высокомерный человек. Я становлюсь высокомерным только тогда, когда меня плохо обслуживают из–за того, что считают чудиком. Просто им нужно дать понять, что у тебя есть деньги, и что ты готовы их потратить.

Тони Висконти: Он терпеть не мог тратить деньги.

Мик О'Холлорэн: Как только у него появлялись успешные сорокапятки, он начинал беспокоиться о деньгах.

Тони Висконти: В связи с налоговыми проблемами альбомы приходилось записывать за границей, и если Боуи ехал и снимал

во Франции замок на месяц и привозил с собой своего шеф–повара и так далее, то Болан снимал студию на три дня и заставлял нас работать на износ, буквально все семьдесят два часа подряд.

Мик О'Холлорэн: Но в тот период, когда я начал работать с Марком, он нисколько не беспокоился о деньгах. Мы не беспокоились ни о чём, пока у нас были башли на бензин, чтобы добраться туда, где у нас была игра.

Стив Кюри: The Slider был записан за 72 часа 30 минут. У меня до сих пор хранятся накладные.

Тони Висконти: Примерно в этот период я сказал:

— Этот парень зарабатывает кучу денег. Так почему нам приходится всё это терпеть?

И вот тогда–то я слегка разочаровался. Я перестал быть его поклонником.

Стив Кюри: Моим любимым альбомом стал Electric Warrior. В нём чувствовалось сильное влияние Тони Висконти.

Тони Висконти: Понимаете, мы стали конвейером. Всё делалось так быстро. Мы просто добавляли обычную реверберацию и получали звук ТиРэкс. За все эти годы я выработал формулу: понимаете, один вид эха на голос Марка, другой — на барабаны, фазоинвертер на гитары, и затем, всё это пропускалось через компрессор. Всё делалось именно так, и очень быстро… Поймите, мы подходили к конечному микшированию через полчаса, в то время как обычно это занимает несколько часов, или даже половину дня!

Марк оборачивался ко мне и говорил:

— Дёшево, не правда ли?

Он признавал тот факт, что мы довели это дело до абсолютной науки, до абсолютной формулы. Меня можно было разбудить ночью, посадить за пульт, и я всегда бы точно знал, что мне делать. Так и происходили звукозаписи ТиРэкс.

Стив Кюри: Мне кажется, что если бы дуэт Болан—Висконти продолжился, они могли бы стать новыми Леннон—МакКартни. Музыкальное образование Висконти плюс творческий гений Марка.

Тони Висконти: Я был слегка разочарован. Наши пути разошлись. Мне было вручено уведомление об увольнении.

Марк Болан в интервью Киту Алтхэму, Лук Нау: Я полагаю, что я идол тинейджеров. Но я не идол тинибопа, и я буду оскорблён, если в газетах напишут обо мне не как о музыканте, а кроме этого, я считаю себя кем–то вроде поэта. По крайней мере, судя по темпам продажи моего поэтического сборника, можно предположить, что ряд людей верит в то, что у меня есть кое–что

такое, что стоит прочитать.

Стив Харли: Я хочу сказать, что в Dandy In The Underworld были великолепные строчки, фантастические строчки. То есть, это, конечно не Т. С. Эллиотт, но в то же время это были очень странные, фантастические тексты. Там были удивительные слова, вроде принца Темноты…, но в музыкальном — альбом не стал шагом вперёд.

Тони Висконти: Если взять во внимание такое ограниченное знание музыки, то факт, что он зашёл так далеко и добился своего, говорит о гениальности. Но надо сказать, он прекрасно знал поэзию и то, как пользоваться словом. В поэзии он был очень к р у т. Фактически превосходен.

Лань Нижинского
Кусочек нашего мира,
Видимый лишь глазом сердца.
Рога белы,
Кожа нашего Бога,
Его дети стояли
Удивительными и прекрасными,
Как море.
Лань Нижинского
Напоминание о Земле,
Какой она была когда–то.
Схожа по плоти,
По своему волшебству
С жемчугом раковин,
Дыхание которых
Неповторимо.
Лань Нижинского
Была рождена
Мыслями
О доброте.
Золотые подковы на ней,
Ткань далёкого будущего Земли,
Парящего, сверкающего
Высокого.
— Nijinsky Hind

Марк всегда был прекрасным поэтом. Его ранние тексты были невероятными, и даже его рок–н–ролльные тексты были достаточно нахальными и образными.

Марк Болан, ноябрь 1972: Автомобили особенно часто встречаются в моих текстах потому, что интересно выглядящие

машины похожи на произведения искусства; то есть, в современном мире всё является произведением искусства. Но я использую их потому, что всё, что я вижу, это автомобили везде и повсюду, и люди наделяют их колоссальным сексуальным статусом. Поэтому меня в них многое интересует. С другой стороны, я не знаю, как они функционируют, что меня слегка очаровывает.

Мой Мустанг Форд.
Моя крошка знает, что я недалеко.
Моя крошка считает, что я ей изменяю
Моя крошка спрашивает, где я был.
Моя крошка считает, что я ей изменяю.
Всё это проложено крокодильей кожей.
Моя крошка знает, что я не дурак.
Моя крошка говорит: эй, спокойно!
Моя крошка не понимает,
что я загипнотизирован
Всё это проложено крокодильей кожей,
Мой Мустанг Форд!
— Mustang Ford

Стив Харли: Марк был настоящим bona fide поэтом, и не слушайте, что вам говорят другие люди. Он был поэтом. Я читал его сборник стихов The Warlock Of Love, которым он очень гордился, а также стихи, которые он писал до самого конца; он постоянно писал. Он их писал постоянно. Он мне их читал. Он стоял посредине комнаты и, читая Шекспира или свою поэзию, подражал Лоуренсу Оливье.

Марк Болан, ноябрь 1972: Когда я не смотрю на себя в зеркало, я не думаю о себе, как о поэте, или как о музыканте. У меня бывают дни, когда я гитарист, и тогда я целыми днями играю на гитаре; мне просто не хочется петь. Бывают дни, когда мне кажется, что я Карузо, и я пою до тех пор, пока голова не начинает идти кругом. А бывают дни, когда я только пишу. На данном периоде моей жизни я — эсклюзивно звезда рок–н–ролла.

Б. П. Фоллон: Боли умел что–то дать людям. В этом он был силён.

Глория Джонс: Он любил бизнес. Ему нравилось быть исполнителем.

Тони Висконти: Удивительно, что с таким ограниченным знанием музыки он зашёл так далеко. Я думаю, что это возможно только для гения… Именно поэтому я был с ним так долго.

Б. П. Фоллон: Я ушёл от него в 72–м. Я достиг того, чего

хотел: я рассказал о нём людям.

Микки Финн: Мы расстались потому, я хотел отделиться и писать со своей собственной группой. Я предложил расстаться. У Марка всегда был свой собственный путь, но на этот раз всё зашло слишком далеко. Мне была нужна передышка.

Джун Болан: Я бросила его в конце 73–го. Должно быть, это было лето 73–го.

Б. П. Фоллон: Но мы не перестали видеться и тому подобное, так что это не выглядело так, будто мы очутились на разных планетах.

Микки Финн: Я точно не знаю, огорчило ли его то, что мы с ним расстались, но я определённо был расстроен. Мы с ним прожили шесть или семь гастрольных лет, и вдруг его не стало рядом. Я просыпался дома, снимал телефонную трубку и просил обслужить меня, будто я всё ещё был на гастролях, будто к какой–то гостинице, я так привык к подобным вещам.

Джон Блейк, Ивнинг Ньюс, 23 мая 1973: «Мы разговаривали о женщинах, потом о жёнах, а потом о его жене Джун.

— Я очень люблю Джун, — сказал он, — но люди чертовски меняются, а я этого никогда не замечаю. Но сейчас я счастлив. Брак — это колоссальное средство против сумасшествия… Без Джун я потерял бы годы своей жизни. Несомненно.

Мик О'Холлорэн: Марк позвонил мне и сказал:

— Поднимись ко мне, я хочу с тобой поговорить в моей комнате.

Я поднялся к нему, и он сказал, что Джун его бросила… Я не мог в это поверить. А потом он сел и заплакал, как ребёнок.

Джун Болан: Это произошло после альбома The Slider, это началось именно тогда. Мы были на гастролях, и он стал невероятно агрессивным. На самом деле, он никогда не был агрессивным, и если он злился или раздражался, то он бил себя по голове. То есть, меня он не ударил ни разу. Обычно подобное с ним случалось, когда выступления проходили неудачно, по его мнению.

Марк Болан в интервью Дэвиду Хэнкоку, Нэшнл Рок Стар, 23 октября 1976: Однажды это вдруг случилось. По прошествии времени после ухода Джун со мной начали случаться приступы насилия. Это поэтическая сторона моей личности — проламывать экраны телевизоров и бросать ножи в фотографии Элвиса Пресли.

Стив Харли: Марк был олицетворением рок–н–ролла. Он был настоящей звездой, и он осознавал свой имидж. Но, фактически, он оставил его незавершённым. У него бывали позы Элвиса, движения Элвиса и звёздное отношение Элвиса.

Джун Болан в интервью Данае Брук, Ивнинг Ньюс: Он был совершенно непосредственной личностью. Поэтому я никогда не могла не считаться с его присутствием. Он всегда жил только настоящим моментом. Но он всегда себя контролировал.

Б. П. Фоллон: Где бы ни бывал Боли, он всегда оставлял память о себе.

Стив Харли: Он всегда был звездой. Он не верил, что может быть кем–то ещё.

Стив Кюри: Самое удивительное, что я видел в своей жизни — это день рождения Элтона, Марк послал ему огромный плакат со своей фотографией с концерта в Уэмбли, на котором написал:

«Жаль, что тебя там не было, а я — самый великий»

Он послал его с роуди в грузовике фирмы Авис, что было не слишком дружелюбно. В конце концов, этот плакат оказался в плавательном бассейне.

Глория Джонс: Мы были в Париже; это было примерно в 74–м, что–то вроде того. И он оплатил авиабилеты из Англии в Париж всем журналистам. Он хотел иметь возможность дать там интервью, чтобы детишки в Англии, ну, знаете, поклонницы и прочие, были в курсе того, что он делает.

Тони Висконти: Он всегда считал, что людям необходимо напоминать о том, что ты пользуешься успехом, иначе они перестанут обращать на тебя внимание. Свою ложь он оправдывал тем, что говорил:

— Просто я профессионал.

Помню, он постоянно снимал фильм с Дэвидом Найвеном. Это была ложь; Дэвид Найвен никогда не признавал, что он делает фильм с Марком Боланом. И если вы нажимали на Марка, он говорил:

— Ну, я не делаю фильм. Просто я профессионал. Приходится говорить подобные вещи.

В этом ему не стоило переигрывать. Ему не нужно было этого делать, но он это делал.

Стив Кюри: В аэропорту Орли произошёл забавный случай. Марк покупал билеты, а перед ним стоял какой–то парень, и Марк сказал:

— Пропусти меня вперёд, я — Марк Болан.

Этот парень не сдвинулся ни на дюйм. Этот парень оплатил свои билеты золотой карточкой Американ Экспресс, а Марк всегда мечтал иметь такую. Это испортило Марку настроение на целый день.

Эрик Холл: Даже в те дни Марк любил пощеголять именами знаменитостей, страшно любил, должен вам сказать. Он мог позвонить и сказать:

— Что ты делаешь в воскресенье днём?

Я отвечал:

— Извини, но я занят.

Марк и говорит:

— Жаль, потому что ко мне на обед придут Дэвид Боуи, Дэвид Найвен, Франк Синатра и король Сиама…

Имейте в виду, что никогда ничего нельзя было знать заранее. Не исключено, что если бы в воскресенье я пришёл бы к

нему на обед, то я застал бы там и Франка Синатру, и сиамского короля, и всех прочих. Таким уж он был.

Стив Кюри: В спорах с ним я всегда выкладывал ему всю правду. И если он продолжал лгать, я или вставал и уходил, или говорил ему:

— Не надо мне вкручивать.

Он не мог скрыть правду от группы, потому что мы и так её знали.

Тони Висконти: Понимаете, у Марка был такой характер, что он не мог постоянно не врать.

> Играя с глиной,
> Вылепил твой скелет,
> Глаза твои сделал
> из сладостей детства.
> Но под взглядом твоим
> Я наг и гол,
> И не могу сказать ни слова.
> — Juniper Suction

Стив Харли: Это была лёгкая патология. Это нельзя назвать враньём. Он не лгал. Но он жил в фантастическом мире, который сам создал вокруг себя. Его воображение было настолько активно, что после пары стаканов он начинал терять связь с реальностью. Им начинало управлять его воображение. Это было близко к шизофрении. Если он начинал пудрить мне мозги, я говорил:

— Слушай, не вешай мне на уши лапшу. Избавь меня от этого. Ври кому–нибудь другому, потому что я-то тебя знаю. Я знаю правду, так что не нужно мне это говорить.

Это не было простым подшучиванием. То есть, он мог выносить подобные вещи, но только от тех, кого любил. Он умел не обижаться. Ему говорили:

— Эй, Марк, успокойся и кончай эти дела. Давай поговорим о том, как всё обстоит на самом деле.

Он мог это принять и не обидеться. Иногда если его уличали во лжи, он ужасно обижался на несколько минут. В школе его постоянно застукивали за курением в туалетах, понимаете? Он не обижался… просто иногда выглядел обиженным.

Эрик Холл: Он говорил мне:

— На следующей неделе у меня выставка в Париже.

— Марк, ты это говоришь Эрику? — отвечал я.

Он этак забавно на меня смотрел, улыбался, а потом заговаривал о чём–то совершенно другом. О, я знаю, что у него были способности к рисованию. Я это знаю. Но меня это не

впечатляло… с другой стороны, он был очень впечатлительным парнем.

То, что Тулуз–Лотрек
Нарисовал какую–то девицу голой,
Не даст тебе права
Мои ночи красть
И оставлять меня нагим.
— Desdemona

Стив Тёрнер, Бит Инструментал: «Марк сказал мне, что в этом году наибольшее влияние на него оказали Чак Берри и Альфонс Муха. До того, как вы побежите в ближайший магазин грампластинок за последним альбомом Мухи, я должен вам объяснить, что на самом деле Муха — художник! Марк показал мне альбом с несколькими его работами, который он снял с книжной полки. Кроме того, он объяснил мне, какой эффект архитектура может оказывать на восприятие человеком музыки, в зависимости от того, в какой комнате она звучит.»

Стив Харли:

— Эй, — говорил он. — Я снимаю фильм, фильм за шесть миллиона долларов. В главной роли будет Джек Николсон. Я — продюсер. Я тоже буду в нём сниматься. И — гм — ты тоже будешь в одной из главных ролей.

— Да? И о чём же он?

— Я только что окончил сценарий.

— И о чём сценарий?

Он вставал, расхаживал по моей комнате из угла, в угол, иногда останавливался, чтобы к чему–нибудь прислониться. Затем поджимал губы и начинал:

— Там будут два героя. Одному повезёт за карточным столом. Другой…

— Да, да? — говорил я.

Он идёт в другой конец комнаты. Все глаза устремлены на него. Все загипнотизированы его сумасшествием. И все понимают, что он их дурачит. Иногда это бывало страшно смешно. Он был ужасно изобретательным. То есть, он с ходу мог придумать целый сценарий. И если он вам не нравился, тут же появлялся следующий. Единственным, кто не понимал, что он нас дурачит, был сам Марк. Даже если ему об этом говорили, он в это не верил. Но я любил его за это.

Б. П. Фоллон: Чтобы летать, ему не нужны были самолёты.

Джун Болан: Он был похож на губку, в лучшем понимании этого слова. Он хотел учиться, и он учился. Но он учился лишь

тому, что его интересовало. Общее образование и тому подобное его не занимало. Но он был необыкновенно начитан, но писал он очень фонетично — он не имел представления о правописании… Он учился у людей. Он брал у них самое лучшее, он впитывал это в себя после того, как давал им свои ярлыки.

Тони Висконти: Он читал не так уж и много. Он заставлял других читать ему вслух.

Стив Тёрнер, Бит Инструментал: «Именно в этом ему помогала Джун. Она прочитала ему всю классику и всего Властелина Колец Токина.

Хотя из Марка и сделали поп–звезду и всё то, что из этого вытекает, он далёк от того, чтобы стать наивным искателем славы с рядом странных представлении об Апокалипсисе. Даже поверхностный взгляд на его книжные полки достаточно говорит о тех областях, в которых он начитан. Здесь представлены поэзия, научная фантастика, мистицизм, ужасы, магия и восточная философия, а ещё в одной стопке книг стоят жизнеописания таких героев рок–музыки, как Элвис, Адам Фейт, Томми Стил и Beatles.»

Тони Висконти: Он слушал много музыки. Часто Марк брал напрокат 16–мм фильмы, и мы хохотали, просматривая их. Был период, когда он купил Полароид, и мы с ним сделали сотни фотографий друг друга. Он любил рок–н–ролльную жизнь. Правда. Он на самом деле любил её.

Стив Тёрнер, Бит Инструментал: «Коллекция его пластинок также обширна, и, должно быть, существует немного артистов, не представленных в ней. Как сказал Марк, он слушает всё, чтобы знать, что происходит.»

Стив Харди: Он был музыкальным маньяком, он был влюблён в музыку, в современный рок. Рок–н–ролл был всей его жизнью. Он приходил и знакомил меня с новыми американскими чёрными делами. Он восторгался ими, и мы говорили о том, как круто играют эти кошаки и как здорово они продюсируют.

Тони Висконти: Он покупал пластинок по пятьдесят в неделю, и слушал их все, затем проигрывал мне песню–другую и спрашивал, что я о них думаю. Я говорил, что это неплохо, а он отвечал, что это фуфло. Он ставил мне Эрика Клаптона и говорил:

— Тони, как тебе это?

— Вот это был хороший ход, — говорил я.

— Фуфло! — отвечал он.

Он утверждал, что может играть лучше, чем Эрик. В нём была такая черта, что он должен был врать — даже мне. Он просто не хотел признавать свой музыкальный уровень.

Стив Харли: Послушайте, он был Поэтом.

Адриан: Он был лучшим в мире поэтом. В школе у меня были сложности с экзаменами по литературе. Я не хотел писать о Вордсворте и прочих; я написал сочинение о Марке. И, в конце концов, завалил экзамен.

Эрик Холл: Я видел его стихи. Я не силён в поэзии, так что, возможно, не мне судить, но мне, как представителю публики, они показались бессмыслицей. Я просто не знаю, что он хотел ими сказать.

Стив Кюри: Как только Марк начал всё делать сам, у меня пропал весь интерес.

Тони Висконти: Группе не нравилось, что песни записываются так быстро. То есть, я ещё только отстраивал звук барабанов, у меня ещё не были включены все микрофоны для тамтамов, а Марк прибегал, слушал пробную запись и говорил:

— Мне нравится. Так и оставим.

Билл, барабанщик, начинал ругаться. Он говорил:

— Я ещё до сих пор не знаю эту чёртову песню!

Марк отвечал:

— Не беспокойся. Всё будет хорошо. Я наложу на это пять или шесть гитар.

Многое делалось спустя рукава, и группа обижалась за это на него.

Стив Кюри: Для меня волшебство было утеряно.

Глория Джонс: В музыкальном плане Марк всегда следил за своим направлением. Он был творцом своей музыки.

Тони Висконти: Было время, когда Марк пытался продюсировать. Он прошёл через период, когда он злился на меня за то, что я сделал для ТиРэкс так много, понимаете? Через некоторое время я играл бас на отдельных пластинках, а после того, как: Фло и Эдди [Волман и Кейлан] перестали делать для него подпевку, её стал делать я. Это я пою так высоко в _____ и я же сделал аранжировку струнных. Я был звуком ТиРэкс в такой же мере, как и Марк. То есть, он писал песни, играл на гитаре и пел. Всё остальное делали мы с группой.

Стив Харли: Марк этого не понимал. Он не понимал, что для него же лучше не быть автономным, а обратиться к кому–нибудь ещё и иметь вторую пару ушей, беспристрастных и объективных по отношению к тому, что он делает.

Тони Висконти: Я в него верил. И я всегда верил в то, что он будет прогрессировать. Я полагал, что он будет расти. Я всегда знал, что он знает шесть–семь аккордов, но мне казалось, что это всего лишь несколько месяцев, что он разучит ещё несколько. Он мог бы взять отпуск на несколько месяцев, даже на год, и

вернуться с чем–нибудь действительно фантастичным.

> Однажды из детей мы превращаемся
> во взрослых.
> Однажды мы изменяемся.
> — Seapull Woman

Он этого не сделал, и поэтому мы с ним расстались. Я бы сказал, что, начиная с Telegram Sam он не прогрессировал. Я думаю, что всё превратилось в формулу. Мы на этом застряли. Я оставался с ним вплоть до сорокопятки Truck On и для меня это был предел.

> Если бы я мог вырасти
> Сам по себе,
> Я бы вырос сам.
> Если бы у меня был трон,
> Ты бы могла назвать его своим.
> Если бы я заплакал,
> Мои слёзы были бы твоими
> И они открыли бы любые замёрзшие двери,
> Ну, давай вести себя, как друзья.
> — Diamond Meadows

Знаешь, иногда он бывал ужасно груб, и нам это было крайне неприятно. Но одно время всё было нормально. Жаль.

Стив Кюри: Раньше я работал на корабле стюардом, и мы устраивали забастовки. В определённый момент я самоустранился от работы в группе. Я говорил, что мы не будем играть, если не будут удовлетворены наши определённые требования. В редкие дни мы все путешествовали в одном классе. Но как–то раз мы летели через Атлантику в Лос—Анжелес, и Тони Хоуард [менеджер Марка] пришёл к нам в хвост и начал на нас мычать так, будто мы были стадом скота. Вот так. Когда мы вышли из самолёта, мы отказались играть. И мы победили. Мы получили места в первом классе. Но это были проблемы с менеджером. Марк тут был ни причём.

Джун Болан: Америка ему повредила; она его уничтожила.

Мик О'Холлорэн: У него в жизни была амбиция: добиться успеха в Штатах. Пробиться в Штатах с пластинками, понимаете? Знать, что тебя там знают.

Тони Висконти: Он не оказал на Штаты никакого влияния.

Джун Болан: Он хотел завоевать Америку. Это превратилось в

навязчивое желание, Он потерял связь с реальной ситуацией. Я думаю, что поскольку здесь всё случилось так, как он это планировал, то он считал, что и в Америке всё будет так же, что она сдастся, как Англия, Германия и Япония.

Стив Кюри: На американских гастролях он прочитал нам 45–минутную лекцию. Он начал с того, что мы недостаточно хороши, и что он может заменить нас в тридцать секунд.

> Я Король шоссе,
> Я Королева танцев.
> Посмотрите на меня, танцующего
> На балу у Губернатора.
> Я социальная персона,
> Я переодетое создание.
> Вот человек с кнутом
> На серебряной губе,
> Живущий в моих глазах.
> — Rip–Off

Джун Болан: Он совершил поразительные гастроли по Японии, и, я думаю, что он полагал, что всё будет продолжаться автоматически. Но, конечно же, этого не случилось, поскольку Америка совсем другая. В Америке люди более требовательны. Они требуют более высокого стандарта профессионализма. Кроме того, здесь он нашёл мост между хиппи и тинибопперами. А в Америке такого не бывает. Америка очень трафаретно и расчётливо подходит к тому, к какой категории или аудитории артист в основном обращается.

Марк Болан, ноябрь 19792: Существуют лишь люди. Их нельзя считать «аудиторией». Я до сих пор получаю письма от 45–летних интеллектуалов, в которых они пишут о моих текстах, о том, что я хотел сказать в песне Metal Guru, а она была, распродана тиражом восемь миллионов.

Стив Кюри: У одной из нью–йоркских больших гостиниц, не помню, на какой улице, произошла довольно известная история. Дэвид, наш барабанщик, вышел из гостиницы последним. Мы все с вещами набились в одну машину, а Марк с Глорией были в другой. Итак, Марк вышел из своей машины, и увидел, что все сидят в жуткой тесноте. Он открыл дверь, и, поскольку Дэвид шёл последним, он вытолкнул его силой на улицу. За ним последовали его вещи. После этого Марк захлопнул дверь и запер её. Но в те времена он много пил.

Глория Джонс: У Марка не было проблем с пьянством. То есть, он пил, но до того, как мы с ни стали близки.

Джун Болан: В то время он очень много пил.

Глория Джонс: Виною этому был шоу–бизнес.

Стив Кюри: Он пил водку и вино. Я видел, как однажды во время звукозаписи, начавшейся в два часа дня и окончившейся в четыре или пять утра, он выпил четырнадцать бутылок красного вина. В этом он не мог собою управлять. На следующий день он просыпался и не помнил, что он сделал в студии.

Мы встретились за железным канатом.
Мой коньячный язык был похож на червяка.
— Scenescof Dynasty

У нас была масса коробок с чистой лентой, а в то время, когда он крепко пил, у него начиналась острая алкогольная мегаломания. В студии он говорил:

— У меня есть отличная идея для песни.

И нам приходилось как можно быстрее её записывать. Потом он стирал все свои гитары и использовал только басовый и барабанные треки, на которых всё и было основано… Это не метод работы над песней.

Джун Болан: Он пил на последних гастролях по Америке, на которых я была с ним, на них он и познакомился с Глорией.

Глория Джонс: Я познакомилась с ним в 1972 году.

Б. П. Фоллон: Я считаю Глорию удивительной певицей.

Джун Болан: Мы наняли её как приглашённую вокалистку — на подпевку и она прихватила с собой на гастроли ещё двух каких–то цып.

Глория Джонс: Мне позвонил Тони Хоуард, менеджер Марка, они были в Хьюстоне. И он спросил, не могу ли я найти ещё двух девушек.

Джун Болан: Глория не великая певица, но она очень хороший музыкант, и оказалась отличным продюсером.

Глория Джонс: Мы приехали в Континентал—Хай-Хаус, и его лакей открыл нам дверь и пригласил нас пройти и присесть. Он вышел и заказал нам чай, и, в конце концов, минут через десять из спальной в гостиную вышел Марк и — о, он роскошно выглядел.

Джун Болан: Гастроли начались, и на этих гастролях он стал вести себя очень специфически, потому что проходили они неудачно.

Было здорово, знать её
Было здорово, растить её.
Не хочу, чтобы кто–то

Навязывал мне мои радости.
Улыбнись своей улыбкой и вон отсюда.
— Scenescof

Я бросила его из–за Глории.

Прошли времена, всё было прекрасно.
Дни пьяны, как от вина.
Все дети
С цветами в волосах,
У взрослых
Вместо цветов — кинжалы.
— Raw Ramp

Он потерял своё направление.

Стив Кюри: Однажды часа в три ночи в Мюнхенской гостинице я обнаружил его, бродящим по коридорам. Я возвращался из ночного клуба. Он стоял весь в слезах, потому что он ощутил вибрации всех людей, убитых нацистами во Вторую Мировую войну.

Б. П. Фоллон: Он был знаком с такими вещами, которые не поддаются логическому объяснению.

Стив Кюри: Я отвёл его в свой номер и всю ночь поил его кофе.

Джун Болан: Он всегда считал, что я предала его, когда ушла. И он меня так и не простил.

Глория Джонс: Он не подъезжал ко мне целый год. А потом, когда мы решили, что должны быть вместе, это было прекрасное решение. В этом не было ничего непристойного.

Джун Болан: Я больше не могла это терпеть. Я проходила через это слишком много раз. Я знала, что умру, если останусь. Я понимаю, что это звучит в стиле Сары Бернар, но я знала, что должна была уйти.

Глория Джонс: Неважно, как люди пытаются это преподнести. Я не разрушала ничьих семей.

Джун Болан: Он был не таким как все. С ним было очень трудно наладить какие бы то ни было отношения, потому что он был не таким, как все. Обычно, люди чему–то учатся от одних отношений и пользуются этим в следующих. И так продолжается всю жизнь. То есть, это обычное житейское дело. Но мне от этого легче не было. Всё это просто за*бало, потому что он был не таким, как все. Я не хочу сказать, что он был сверхчеловеком или сверхгуманным; он был очень специальным человеком, но я не

могу найти нужные слова.

Мелки поступки
Детей человека.
Их зрение затуманено
От начала веков.
Они потеряны, как лев
В каньонах дыма.
Девочка, я не шучу.
— Monolit

Он был личностью двадцать четыре часа в сутки. И от этого никуда было не деться.

Марк Болан в интервью Яну Айлсу, Рекорд Миррор: Недавно я расстался с женой. Это меня не слишком обеспокоило. Я хочу сказать, что разве я похож на человека с разбитым сердцем?

Джун Болан: Это ещё один случай, когда он коснулся чей–то жизни.

Марк Болан в интервью Яну Айлсу, Рекорд Миррор: Мы просто расстались. Мы больше просто не могли оставаться вместе.

Джун Болан: Я не знаю, что такое хорошие мужья. Я знала только Марка.

Марк Болан в интервью Яну Айлсу, Рекорд Миррор: Большинство времени я отсутствовал. Думаю, что быть женой звезды рок–н–ролла очень трудно, потому что приходится жить в чьей–то тени, а я к тому же ещё и сумасшедший, как и все люди искусства.

Я мог бы любить тебя, как планету.
Я мог бы приковать твоё сердце к звезде.
Но нет в этом смысла.
Радуйся жизни.
Надеюсь — она будет долгой.
— Life's A Gas

Джун Болан: В конце концов я почувствовала, что больше ничего не могу ему дать. Я была выжата. Я была использована до конца.

Мик О'Холлорэн: Я никогда и представить себе не мог, что они с Джун расстанутся. Казалось, что они так влюблены друг в друга.

Марк Болан в интервью Дэвиду Хэнкоку, Нешнл Рок Стар,

октябрь 1976: Мы поженились только потому, что тогда это было забавно. Теперь это кажется глупостью. Случилось так, что она меня бросила, и мы расстались.

Джун Болан в интервью Данае Брук, Ивнинг Ньюс: Понимаете, это был его третий роман. Он не умел пойти и завести маленькую интрижку. Ему обязательно нужно было влюбляться. До этого я дважды прошла через всё это: один раз это была художница, другой — певица, и все признаки были налицо.

Мик О'Холлорен: Я не мог себе представить, что это произойдёт. Думаю, что тогда начались плохие предзнаменования: что ни происходило бы, происходило что–то нехорошее.

Джун Болан в интервью Данае Брук, Ивнинг Ньюс: Я знала, каким он становился, когда влюблялся, потому что всё бывало так, как когда–то у нас. Когда я узнала о Глории, я не могла этого вынести опять. Это было слишком больно.

Марк Болан в интервью Дэвиду Хэнкоку: Три года — достаточное время, чтобы устать от человека. В настоящее время [октябрь 1976]. Глория не хочет вступать в брак, не хочу и я. Все эти старые штучки насчёт женитьбы ради ребёнка — чушь собачья.

Адриан: Однажды Глория подвезла меня из Бирмингема в Лондон. Это было после концерта. Она крепко привела его в порядок.

Глория Джонс: Я не определяю Марка в музыкальном плане, я появилась в жизни Марка, чтобы дать ему то, чего раньше у него не было.

Б. П. Фоллон: По–своему, она ближе Марку, хотя Джун была ему тоже близка, но по иному, в сумасшедшем смысле. Глория также очень сильна, но иначе, чем Джун.

Марк Болан в интервью Дэвиду Хэнкоку: Глядя в прошлое, я слишком легко отнёсся к браку с Джун. Тогда я не был свободен в своих решениях. Я работал, как ломовая лошадь, я постоянно гастролировал.

Мик О'Холлорен: На меня обрушилась масса напрягов.

Марк Болан в интервью Дэвиду Хэнкоку: К счастью, впоследствии у нас появляется выбор, в том числе и партнёров. На самом деле всё обошлось без сцен; без битья посуды.

Тони Висконти: Сейчас, после всех этих лет, я считаю, что с той поры начался полный спад. После Truck Off я с ним распрощался.

И я со своей головой
Прячусь под балдахином кровати,

И моё тело высасывается твоими глазами.
И меня трясёт и лихорадит,
И я начинаю доставлять пользу,
И после этого я сокращаюсь в размерах.
— Junicer Suction

Стив Кюри: Среди близких ему людей был один человек, который принёс ему много вреда. Он создал Марка, которого мы все ненавидели. Он превратил Марка в машину. Он вбил Марку в голову, что он величайший в мире.

Тони Висконти: Во всех отношениях он терпел некоторые неудачи. Это происходило потому, что он взял на себя весь менеджмент и всю ответственность, чего делать ему было не нужно. Его к этому никто не вынуждал. Досадно. Жаль.

Глория Джонс: Он сам создал свою карьеру.

Эрик Холл: Он всё взял в свои руки. То есть, если он хотел поехать на гастроли, он садился и сам вёл переговоры с агентом: об оплате, о процентах, обо всём на свете. Не то, чтобы он кому–то не доверял, просто ему нравился бизнес. И он обо всём ужасно беспокоился. Но именно это и делало его профессионалом.

Мик О'Холлорэн: Чего я никогда не понимал, так это того, зачем он всем этим занимался, потому что он мог бы этого и не делать; он вообще мог ни о чём не беспокоиться. Раньше он никогда не заботился о деньгах, и вдруг он превратился в нового д-ра Джеккила, или можно сказать, что в него вселился мистер Хайд.

Стив Кюри: Я не получал процентов с пластинок. Я получал свою ставку и дополнительный процент с каждой игры. Набиралось не слишком много.

Тони Висконти: До Get It On у Марка был контракт с Дэвидом Платцем. В то время я получал то, что считается для продюсера нормальными процентами. Со мной был заключён контракт на средние 2% то есть эти 2% шли от стоимости каждой проданной пластинки. Дэвид Платц по договору выплачивал мне мой гонорар — 25 фунтов в неделю, но когда у нас появились успешные сорокапятки, он уже не должен был выплачивать мне гонорар.

Стив Кюри: Когда я пришёл в группу, я имел по 30 фунтов в неделю, а когда уходил, по 80–100 фунтов в неделю плюс по 50 фунтов за игру, плюс двойную оплату за запись.

Тони Висконти: Когда контракт Марка с Дэвидом Платцем подошёл к концу, он не стал его продлять. В один прекрасный день я получил от поверенного в делах Марка безобразное

письмо, в котором было сказано, что на данном этапе карьеры Марка он не считает нужным выплачивать продюсеру оговоренные проценты, и что я должен работать за меньшую плату. ТиРэкс становились всё более популярными, и я был одним из тех, кто внёс главный вклад в этот феномен, поэтому я позвонил ему и поинтересовался, в чём дело? Целый год после того, как Марк ушёл от Дэвида Платца я работал, полагая, что мне будут продолжать выплачивать мои 2%, и тут вдруг я получаю это письмо. Я сказал Джун, что навряд ли Марка, захочет говорить со мной на эту тему, но я знаю, что на людей работают подобные поверенные, которые и подают им подобные идеи, так что я не собираюсь во всём обвинять Марка. Но он был слишком смущён, чтобы обсуждать это со мной, поэтому Джун сказала:

— Почему бы тебе не пообедать с этим поверенным?

Так я и поступил. Этот тип хотел принизить мой вклад в ТиРэкс. Он сказал:

— А, собственно, кто такой продюсер? Что он делает? Просто нажимает кнопки. Это Марк — творческий гений.

И так далее.

— Марк не имеет ни малейшего представления о том, для чего служит каждая из этих кнопок, — возразил я.

Я сказал, что я сделал многое, но сидя там, мне пришлось защищаться от этого гнилого поверенного, имени которого я называть не буду! Я опять позвонил Джун и сказал:

— Послушай, такого мне не надо. Если вы мне не будете выплачивать 2%, обещанные год назад, то я лучше уйду.

Марк всё ещё не хотел со мной разговаривать, так что ко мне пришла Джун. Она была вся в слезах, и сказала что она знает о нашей встрече, и что ей всё это очень неприятно. Таким образом процент ко мне вернулся, но теперь уже 1%.

Стив Кюри: Я не заработал уйму денег, но мне всё это нравилась. В любом случае, какую плату вы сможете запросить за работу, которая приносит вам удовлетворение?

Мик О'Холлорэн: Он спросил:

— Сколько тебе платили в Love Affair?

— Тогда мне там платили 20 фунтов в неделю, — ответил я.

— Мы дадим тебе в неделю 20 фунтов, но если ты нам подойдёшь, то будем платить больше, — сказал он.

Я согласился, и он добавил:

— Если мы будем получать больше, то больше будешь получать и ты.

На мой взгляд, было совершенно справедливо.

Стив Кюри: Я знаю, что мог бы зарабатывать и побольше, но у меня есть хорошая квартира, машина, мотоцикл и лошадь. Мне не

приходится ходить в час дня на деловые встречи, касающиеся суперналогов. Мне и вправду нравились и музыка и Марк.

Мик О'Холлорэн: Он постоянно менялся. Он уже не был тем милым Марком, которого все мы знали раньше, и это было печально, потому что раньше он был со всеми добр и деликатен. Если бы вы знали его тогда, вы не смогли поверить своим глазам.

Тони Висконти: Я решил, если Марк собирается так меня обосрать, то это конец игры. В то время я только что женился [на Мэри Хопкин], и мы ждали ребёнка. Мне предстояли расходы, и поэтому я принял эти условия: меня урезали на 1%.

Мик О'Холлорэн: Его знали, любили и им восхищались такие люди, как Джон Пил, Боб Харрис, другие разные известные в этой стране люди. И вдруг они заметили перемену. Я уверен, что они её заметили. Они начали от него отдаляться. На большинство концертов Марка кто–нибудь приходил. Приходили повидаться с ним и Боб и Джон Пил, и разные другие люди. Но как только он начал меняться, все они постепенно его покинули и стали неважно о нём отзываться. Они не виноваты. То, что они говорили, было совершенно верно. Марк не понимал, что те, кто был с ним в 1969 году или примерно в тот период, относились к нему лучше всех. Кроме того, они были настоящими друзьями.

Тони Висконти: Он всегда настаивал на том, что он прав и знает, что делает, но я думаю, единственное, во что он верил, были тиражи проданных пластинок. Когда, в конце концов, они стали идти на убыль, он, наконец, начал понимать, что что–то обстоит не так.

Глория Джонс: Я расскажу вам, что происходило в то время, когда у него были проблемы с проживанием в этой стране: в 1974 году его беспокоили проблемы о налогах. Поэтому мы много путешествовали.

> Лети, как птица в небе,
> Лети, будто ты птица,
> Лети, как орёл в солнечном луче.
> — Ride A White Swan

Самое последнее путешествие мы совершили на океанском лайнере Франс, я никогда его не забуду, потому что оно было самым чудесным. Помню, мы были посреди океана, и у Марка остались только кредитные карточки, он захотел посмотреть не сможет ли он достать денег прямо там, и он телеграфировал своим ассистентам. Это было поразительно. Он сказал:

— Эй! Ты только посмотри на меня. Я получаю башли посередине Атлантики!

Поймай яркую звезду
помести её себе на лоб
Произнеси несколько заклинаний,
и вперёд!
Посади к себе на плечо
чёрного кота,
И утром ты будешь знать всё,
что знаешь.
— Ride A White Swan

В то время мы с Марком переехали в Сент–Джонс–Вуд. Там у нас была прекрасная квартира. И он очень расстраивался, потому что он всегда очень любил Англию. Но потом мы стали жить в Беверли—Хиллз, в Каньоне Бенедикт. У нас был чудный дом, бассейн, апельсиновые, лимонные и грейпфрутовые деревья. Но хотя у нас и был этот замечательный дом, но всё же, это был не Лондон. Поэтому всё это время он был как бы в расстройстве, потому что хотел жить в Европе. Так мы переехали в Монте Карло. Замечательная квартира с видом на Средиземное море, а задний балкон выходил на швейцарские Альпы. Но он много работал. Фактически, он создавал новый звук, очень похожий на звук новой волны, с которым многие играют сейчас, в 1978 году.

Он создал этот прекрасный звук года три–четыре назад.

Стив Харли: Хотя он и понимал, насколько изменилась рок–сцена за последние пять лет, и что люди хотят другой музыки, и что в мире появились новые невероятные музыканты, играющие отличную музыку, казалось, что его это не трогает. Он продолжал использовать нас и со своими котярами играть Get It On, понимаете, Get It On'77, и меня это всегда огорчало. Я много раз ему говорил это настолько твёрдо, насколько это возможно, чтобы его не обидеть. Я выбирал момент и говорил:

— Послушай! если ты понимаешь, что новая музыка так хороша, если ты понимаешь, что она замечательна, так почему ты сам не пытаешься развивать свой собственный стиль?

Ему не доставало сочетания его стиля с хорошим продюсером. Его нужно было за руку привести в студию и давить на него!

Тони Висконти: Его музыкальное образование было достаточно поверхностным; оно не шло ни в какое сравнение с образованием Элтона Джона. Марк не придумывал новых аккордов, поэтому я не мог с ним пойти далеко. Мне приходилось продолжать делать для него просто струнные аранжировки.

Элвин Стардаст: В музыке есть нечто большее, чем просто

музицирование; большое влияние оказывает и личность. Я думаю, что личность проявляется в понимании песни, и когда Марк писал нечто такое, что некоторыми принималось за глупый баббл–гам или ву–боп, а другими за наиболее творческие молодёжные рок–н–ролльные песни, это не имело никакого значения. Важно то, что в этих песнях проявлялась личность Марка и его энергия.

Эрик Холл: На него сильное влияние оказала Глория.

Глория Джонс: Когда я пришла в группу ТиРэкс, мы как бы смогли перенести звук в другое измерение, потому что я играю на клавишных; фактически у нас было два клавишника, у нас был ещё и Дайно Дайнс.

Стив Харли: Она за ним присматривала. Она контролировала его эксцессы. Но нельзя сказать, что он был её марионеткой. Ни в коем случае. Если хотите знать правду, то Марк был очень неуправляем. Если вам интересно знать, почему Марк не развивался в музыкальном плане — чего он не делал даже до последнего времени, когда мы с ним писали вместе, — то знайте, что за несколько дней до трагедии он всё ещё пытался заново переписать Get It On. Он не продвинулся вперёд со времён Get It On и Ride A White Swan.

Глория Джонс: Что касается творчества, у Марка всегда было более или менее то, что он хотел. Что касается меня, мне всегда казалось, что всё то, что он сделал и то, что он делал перед смертью, было прекрасной музыкой.

Боб Харт, Сан 18 февраля 1977: «Стильный Марк снова играет Рок! Под зализанными набриолиненными волосами скрывается всё тот же Марк Болан, человек, съевший не одну собаку в этом безумном, безумном мире поп–музыки.

Он знает, что значит бороться за признание, что такое, быть самой крутой звездой в городе. Знает, как больно терять успех.

Впервые Марк чувствует себя достаточно уверенным для того, чтобы поговорить о своей борьбе с пьянством и депрессией. О своём энтузиазме к новой энергии Рока, приведшей к взрыву британского панк–рока.

«Я считаю себя пожилым представителем панка. Если хотите крёстным отцом панка.»

«Для начала 70–х глэм–рок был хорош, но к 1974 году он мне наскучил.»

«Я употреблял наркотики — в особенности, кокаин. И я стал много пить. Теперь мне не так уж хочется быть рок–звездой.»

Стив Кюри: Опять–таки, вы же знаете, каким он был. В отношении алкоголя или какого другого стимулятора, он был как ребёнок: он не знал когда остановиться. Он тоже бывал пьян, но

он валялся на полу и продолжал просить, чтобы ему ко рту поднесли сифон и влили ему ещё глоток. Он сильно увлекался наркотиками; к несчастью дешёвыми: кокаином не лучшего качества. Я и сам не откажусь от понюшки, но то, что употреблял он…

Боб Харт, Сан:

«- Но 1977 год будет другим. С появлением панков, в бизнесе вдруг стало больше энергии, — продолжает Марк. — Я бросил наркотики, я бросил пить шесть недель назад. Я хочу работать. Этот год будет моим годом.»

Глория Джонс: Марк собирался сделать меня звездой диско фильмов, номером первым. Мы снимали фантастические фильмы с музыкой из моих пластинок. Это должно было стать новой фазой: он хотел заняться режиссурой. Конечно, он и раньше снимал фильмы с Ринго, но теперь он собирался заняться этим серьёзно.

Робин Нэш: В студии мы всегда отлично ладили. У нас не было проблем. Совершенно очевидно, что Марк был истинным профессионалом. Если ему нужно было сделать дело, он приходил и делал его.

Глория Джонс: Он был рождён исполнителем.

Тони Висконти: Когда положение вещей ухудшилось, он не вернулся и не попросил меня опять работать на него, потому что, ну, думаю, дело было в его собственной гордости. Кроме того, я опять работал на Боуи, а между ними всегда существовало ужасное соперничество. Дэвид здесь ни причём, это Марк всегда завидовал Дэвиду.

Боб Харт, Сан, 10 сентября 1977: «Марк Болан стал удивительной ТВ-сенсацией. Он уговорил избегающую камер звезду Дэвида Боуи быть гостем на последнем шоу его еженедельного поп сериала Марк.»

Эрик Холл: Я помню, как Боуи прилетел из Штатов на Гранаду, чтобы участвовать в дневном шоу. Это было последнее шоу Марка из всей серии, и для него это был важный день. Я хочу сказать, что Дэвид — крупная, очень крупная звезда, и заставить его приехать из Америки — это нечто.

Тони Висконти: Марк начал глэм, но Дэвид его развил. Марк остался на том же уровне: он одевался определённым образом, носил блестящие пиджаки с вышитыми на них нотами и тому подобное. Дэвид же дебютировал с прекрасными причудливыми костюмами, сшитыми известнейшим японским модельером. Марк не умел думать на подобном уровне. Он всегда был завистливым и ревнивым, и то, что я опять работал с Дэвидом, оттолкнуло Марка от меня.

Глория Джонс: Я никогда не забуду, как я увидела его впервые. Голубые тени вокруг глаз, голубая шелковая рубашка с рукавами в виде крыльев. Он был великолепен.

Тони Висконти: Он подарил Дэвиду Боуи гитару, на которой тот играл на том последнем ТВ-шоу.

Боб Харт, Сан: «Болан сказал мне:

— Это была идея Дэвида, выступать в программе. На этой неделе он случайно оказался в городе и позвонил мне, поскольку мы с ним старые друзья.»

Стив Кюри: Марк всегда был намного круче Дэвида Боуи.

Тони Висконти: Дэвид взял гитару Марка, а когда Марк погиб, люди Марка захотели, чтобы Дэвид её вернул.

Эрик Холл: В то время в профсоюзах были волнения. Я не обвиняю профсоюзы, но у них там есть какой–то запрет на сверхурочную работу или что–то вроде этого, и когда Марк захотел переделать какой–то дубль, ему просто отключили электричество. Он, конечно, накинулся на Мюриел, которая была продюсером. Но она тут была не причём. Она ничего не могла поделать. И бедный Марк пошел в артистическую и заплакал. Он плакал целый час.

Мюриел Янг: Я познакомился с ним, когда ему было пятнадцать, и я никогда не переставала удивляться его восприятию мира, его проницательности, его познаниям и его преданности любимой музыке.

Боб Харт, Сан: «После того, как Боуи просмотрел отснятый материал, он сказал мне:

— По–моему это отличное шоу!»

В настоящее время Болан ведёт переговоры о следующей серии из тринадцати частей, которая будет сниматься в новом году.

Мюриел Янг: Он весь состоял из шуток, поз, афоризмов, юмора и огорчений; он был как тучи и солнце. Он чувствовал, он страдал, он смеялся, и он жил. Он не потерял ни одной минуты своей жизни.

С утром
Мы встанем и уйдём
Мы — пилигримы лета.
Наш поводырь — стриж.
— The Pilgrim’s Tale

Элвин Стардаст: Он всегда был живым.

Б. П. Фоллон: Когда Глория уезжала на гастроли, он по ней безумно скучал.

Стив Харли: Серьёзно, я никогда не видел, чтобы мужчина мог так скучать по женщине, как он скучал по Глории.

Глория Джонс: Мы оба что–то искали, и мы это нашли, потому что у нас было много общего.

Б. П. Фоллон: Они фантастически подходили друг к другу.

Глория Джонс: В тот первый день всё было забавно, потому что когда он вошёл в комнату, и нас ему представили, мы с ним посмотрели друг на друга, и наших взгляды слились.

Б. П. Фоллон: Они были похожи на двух рок–н–ролльных близнецов.

Под бибоповой Луной
Я — сумасшедший, тоскую по тебе.
Под мамбовым Солнцем
Я должен быть твоим единственным любимым.
— Mumbo Sun

Крис Велч, Дейли Мейл, 17 сентября 1977: «Немногие осознавали реальность жестокого и беспощадного бизнеса так, как он. Немногие умели превращать фантазии и мечты в факты.»

Элвин Стардаст: Для меня, Марк был тем, чем вообще является музыкальный бизнес, рок–н–ролл и индустрия развлечений. Я всегда так считал. Он всегда был продуктивен, он всегда выдавал что–то новое.

Мюриел Янг: Во время съёмок нашей ТВ серии я во многом полагалась на него, и я до сих пор не могу поверить в то, что мы с ним никогда не снимем её продолжение, о котором мы говорили перед его гибелью.

Глория Джонс: Он был так интеллигентен.

Крис Велч, Дейли Мейл, 17 сентября 1977: «Марк Болан, поп–звезда, превратившаяся из цветочного ребёнка в глиттер–рокера, погиб вчера в автомобильной катастрофе.»

Ричмондский Отдел несчастных случаев: «Несчастный случай произошёл в 05.58 16 сентября 1977 года. О нём было сообщено в полицейский участок района Барнс.»

Мюриел Янг: Я испытывала к нему огромную привязанность и благодарность… Его советы были всегда точны. Он знал весь сценарий наизусть, но он был как предсказатель: он всегда знал, что произойдёт в следующий момент.

Крис Велч, Дейли Мейл: «Его идеи всегда превосходили его возможности автора, поэта и гитариста, но он понимал поп–музыку лучше других, лучше, чем большинство его критиков и современников.»

Эрик Холл: Я встречался с ним на той неделе, когда он погиб.

Мы сидели в ресторане у Мортона: Глория, брат Глории Ричард и Марк. Я ушёл около часа ночи. Это был чудесный вечер.

Дженнифер Шарп: Марк пришёл примерно в четверть первого, и он был ужасно смешной. На самом деле, он зашёл повидаться с моим приятелем, но поскольку час был поздний, тот их выставил; на следующий день ему нужно было рано вставать на работу, но Марк, Глория и её брат подумали: «Двенадцать часов. Надо куда–нибудь пойти». И они зашли сюда в надежде на приятное завершение вечера. После ужина они спустились в бар. Им очень понравилась девушка, которая играла на пианино в ресторане наверху. Я помню, что он ей очень восхищался, а Ричард даже говорил, что, возможно, станет её продюсировать.

В ту ночь в баре играла хорошая музыка. На пианино играла Расс вместе с басистом, саксофонистом и трубачом. Царила великолепная музыкальная атмосфера, и, знаете, Марк с Глорией круто на этом заторчали. Это напоминало старомодный джем, где разные талантливые музыканты выходят и играют только потому, что получают от этого удовольствие. Думаю, что последующие два часа все просто слушали музыку, болтали и кайфовали. Затем начала играть Глория, сперва с неохотой, но Марк её поддержал, потому что хотел, чтобы её все послушали.

Она прекрасно играла и прекрасно пела. Минут сорок пять она пела, песни о любви к нему. Это было так здорово. Было раннее утро, нас было человек восемь или девять, и, абсолютно честно, все мы были очарованы. Было очень трогательно находиться в обществе Марка, бывшего, по общему мнению, звездой и Глории, очень преуспевающей певицы и продюсера. Кроме того, это были два человека, влюблённые друг в друга и использующие свои таланты и музыку как средство выражения привязанности. И это трогало как с человеческой, так и с профессиональной точки зрения. По сравнению с этим, обычные способы сказать «я тебя люблю» казались мелкими.

Не помню точно, когда все разошлись; думаю, примерно в половине четвёртого утра, поскольку мы все распрощались и отправились по домам. Я помню, что они собирались на пикник, и мы все собирались составить им компанию. А потом они поехали домой.

Крис Велч, Дейли Мейл: «Курчавый певец ТиРэкс мгновенно погиб, когда фиолетовый Мини Г. Т., который вела его американская подруга Глория Джонс, врезался в дерево в районе Барнс Коммон неподалёку от его дома. Ему было всего двадцать девять лет.»

Джун Болан: Я узнала о его смерти по радио в новостях в 7:30 утра. В то утро я проснулась рано, не знаю почему, включила

радио, и поймала конец новостей, что–то вроде… «Болан погиб в автокатастрофе…» Я продрала глаза, и тут же зазвонил телефон. Это была Ронни Мани. Она сказала, что это неправда. Я ответила, что не могу сейчас говорить и повесила трубку. Первые мои мысли были о родителях. Я думала только о его матери. Его мать всегда его идеализировала.

Стив Кюри: В 8:30 утра мне позвонил Крис Адамс, роуди, которого я знаю много лет. Он рано проснулся и слушал утреннюю сводку новостей. Потом мне позвонили из конторы… Я просто не мог в это поверить… Очень тяжело, когда тебе звонят вот так.

Тони Висконти: Первой моей реакцией, как и у всех остальных, был шок.

Б. П. Фоллон: Когда я услышал, что он погиб, я совершенно охренел.

Тони Висконти: Пресса попросила меня сделать заявление, но я не мог сказать ни слова. Я не мог сказать ничего. Я просто не мог в это поверить. Если бы даже я знал, что кто–то должен умереть, то о нём я подумал бы в последнюю очередь. То есть, Боуи живёт гораздо безрассуднее, чем когда бы то ни было жил Марк, а он доживёт до ста лет.

Адриан: Я не верю в то, что он умер. Вместе с ним умерла часть меня.

Эрик Холл: Я узнал об этом из утренних десятичасовых новостей, когда ехал в контору… Просто не верилось.

Крис Велч, Дэйли Мэйл: «Мисс Джонс, мать двухлетнего сына Болана, Роллана, была доставлена в больницу со сложным переломом челюсти… Ей до сих пор не сообщили о трагедии.»

Дженнифер Шарп: Каждый день и каждый год в автокатастрофах погибает множество людей, но это статистика, которая вас не трогает. Но когда кто–то, кого вы знаете и, когда это происходит так внезапно, возникает это ужасное чувство, ну, знаете, что все мы смертны.

Крис Велч, Дэйли Мэйл: «В четверг вечером пара зашла, перекусить в ресторан Мортона на Беркли–сквер. Катастрофа произошла на обратном пути, когда они уже приближались к особняку Болана в Патни, на Юго—Западе Лондона, Мини с Боланом, сидящим на пассажирском сидении [он не умел водить машину], сошла с трассы в процессе пересечения арочного моста. Машина пробила забор и врезалась в конский каштан.

Несколько минут спустя аварию обнаружил брат Глории Ричард Джонс, переехавший мост в другой машине.»

Джун Болан: Я вместе с Полом и Денни (он владелец парикмахерской Суини) немедленно отправилась к его матери.

Это заботило меня больше всего, и я думала:

«Боже мой! Если она узнает, она сойдёт с ума.»

Его отец работает носильщиком в одном из кварталов Патни, и я в полной истерике постучалась к ним в дверь. Его отец открыл дверь, посмотрел на меня и захлопнул дверь прямо перед моим носом. Я постучала опять, и на этот раз дверь открыл его брат. Он подошел и обнял меня; он видел, в каком я нахожусь состоянии, и он провёл меня во двор, куда выходило окно кухни. Его мать открыла окно и заорала на Гарри:

— Нечего её обнимать. Убей её!

Этого я не забуду по гроб жизни.

Тут у меня началась настоящая истерика, и Гарри меня отпустил; вероятно он понял, в каком состоянии его мать. Тут выскочила его тётка и попыталась прекратить эту сцену, потому что Гарри пытался меня ударить. А сложен он как кирпичный сортир, и этот здоровенный парень попытался меня ударить! Я засунула руки в карманы своей норковой шубы и сказала:

— Гарри, если ты хочешь меня ударить, то бей, потому что я не могу себя защитить.

Затем я повернулась и пошла обратно к машине. Он побежал за мной, но вместо того, чтобы ударить меня, этот чёртов идиот начал дубасить машину! И всё это время его мать продолжала ругаться из окна.

Крис Велч, Дэйли Мэйл: «Мир рок–музыки потерял одного из своих лучших друзей…»

Глория Джонс: Я потеряла своего возлюбленного.

Адриан: Он был самым важным фактором в моей жизни.

Глория Джонс: Он был единственным мужчиной, которого я действительно любила, и я больше никого не смогу так полюбить.

Дженнифер Шарп: Я зашла в бар и выпила, сидя на том самом месте, где мы сидели вместе, прошло всего несколько часов, жизнь продолжалась, но для него новый день так и не наступил… Это ужасное чувство — человека больше нет, и теперь он остался только в людской памяти. Давайте надеяться на то, что если где–то там что–то есть, то, он, возможно, счастлив.

Глория Джонс: Когда Марк умер, всё кончилось.

Джун Болан: Он не испытывал страха перед смертью как такового. Мы с ним не спали ночь за ночью, потому что он боится ложиться спать. Его ужасала мысль о том, что он может заснуть и не проснуться. И он в это верил.

Не бойся
Ни ужаса ночи,
Ни стрелы летящей днём,

Ни чумы бродящей ночью,
Ни полуденного разрушения,

и затем, перед тем, как, наконец, лечь спать, он добавлял:

Благослови Господь
Эту комнату.
Аминь.

Эту молитву Марк Болан читал всю ночь. Её рукописный вариант он всегда носит с собой.

У него был такой склад ума, — что ему всегда было чем заняться, поэтому он не ложился спать. Иногда мы не спали по три ночи подряд. Он играл в трик–трак, что–то рисовал, играл на гитаре, записывал свои песни на плёнку, писал много стихов и записывал на магнитофон, как я их читаю. А если он всё–таки ложится, он берёт с меня слово, что я разбужу его через полчаса, и я его будила, так что он знал, что не спит и жив. Затем он опять ненадолго засыпает… Это было не из–за наркотиков, выпивки или чего–то такого. Просто он страшно боится умереть во сне. Я думаю, он боится этого потому, что для него это не самый блестящий способ распрощаться с жизнью… Он не боится смерти. Он верит в то, что родится снова. Для него это очевидно и бесспорно… И поэтому, хотя он и умер, я говорю о нём в настоящем времени.

Стив Кюри: Мы с Тони Ньюменом, также полтора года работавшим на Марка, только что завершили гастроли с Крисом Спеллингом, и мы говори ли о нём в настоящем времени… Печально, что он так кончил. Он был рок–звездой, пустой оболочкой. Он не смог бы стать ни Питером Буном, ни Адамом Фэйтом: он не смог бы стать респектабельным. Это было ему не свойственно, так что, возможно, так всё и должно было случиться… Он всегда хотел быть звездой рок–н–ролла.

Джун Болан: Я видела его после того, как он погиб. Он был прекрасен. Когда я снимала с его головы покрывало, я не знала, что я увижу, но оказалось, что у него на лице лишь крохотная царапина, будто он порезал подбородок во время бритья. Я посмотрела на его лицо, и он выглядел так, будто спал, только когда я его поцеловала, он был холодным.

Тони Висконти: Мы с женой были на похоронах Марка, и это были одни из самых грустных минут моей жизни.

Гардиан, 21 сентября 1977: «Вчера почитатели поп–певца Марка Болана собрались на его похороны вокруг белого лебедя,

сделанного из цветов.

Это произошло на службе в лондонской Голдерс Грин. На похороны приехали также Род Стюарт и Дэвид Боуи.

Лебедь, сплетённый из хризантем имел четыре фута в высоту и пять футов в длину. Перед ним красными, зелёными, синими и серебряными цветами было выложено имя Марк. Этот своеобразный венок, символизирующий один из крупнейших хитов мистера Болана Rids A Whits Swan, записанного группой ТиРэкс в 1970 году был прислан Тони Хоуардом, менеджером и другом певца. На его ленте было написало:

«В жизни, в любви, в смерти»

Тони Висконти: Похороны едва не превратились в балаган. EMI приглашала нас приехать в нанятых ею семи–восьми лимузинах. Мы приехали в лимузине с Дэвидом Платцем, моей женой Мэри и ещё двумя людьми, и были крайне возмущены. Там были и истинные поклонники, оплакивавшие Марка, но там было и множество других, так называемых, с фотоаппаратами, кинокамерами и книжечками для автографов. Как только поп–звезда выходила из лимузина, её окружали поклонники. Не скажу что все, но многие из них набрасывались со своими блокнотами для автографов, забыв о том, что это похороны, и что здесь также присутствует и его семья.»

Гардиан: «Другие венки и букеты прислали: Элтон Джон, Клифф Ричард, Элвин Стардаст, Кит Мун, Гарри Глиттер и члены группы ТиРэкс.»

Тони Висконти: Это была пародия на похороны, и я был ужасно огорчён. Во время службы я синел на хорах, и все слышали, как плакала мать Марка; она рыдала от всего сердца, и его брат тоже плакал. Джун сидела недалеко от меня и тоже плакала.

Джун Болан: Они пытались не пустить меня на похороны. Они не сказали мне, где находится тело, поэтому я разузнала это с помощью Скотланд—Ярда. Я была на похоронах, но старалась не попадаться им на глаза.

Гардиан: «Среди присутствующих на похоронах были Элвин Стардаст, Стив Харли, Мэри Хопкин и члены группы The Damned и Brotherhood of Man.»

Тони Висконти: Но хуже всего была кремация! Меня убила эта автоматизация, то, как эта штука — эта рука, как в «Звёздных войнах», высунулась из пола и перенесла гроб в соседнее помещение. Я не мог сдерживать слёзы и вышел. Мы с Мэри были ошеломлены. Мы стали искать наш лимузин и сели не в тот. Нас оттуда выгнали, и мы стояли там, замерзающие и потрясённые. И тут к нам, к Мэри, Роду Стюарту и другим, начали подходить эти

детишки и спрашивать автографы.

Томпсон Прентайс, Дейли Мейл: «Вчера поп–идолы Род Стюарт и Дэвид Боуи остались почти незамеченными в толпе скорбящих поклонников. Поклонники думали только о певце Марке Болане.»

Эрик Холл: Я помню, что когда в день кремации Марка мы сидели в синагоге, Майк Мэнсфилд мне сказал:

— Можно представить, как он танцует здесь, словно на сцене и говорит, «ну вы, дураки чёртовы».

Там были Боуи, Род Стюарт, Стив Харли и многие другие. Ему бы это понравилось. Так он и должен был уйти.

Томпсон Прентайс, Дейли Мейл: «Когда гроб везли в крематорий Голдерс Грин, в Северный Лондон, до него пытались дотронуться истерично рыдающие поклонницы в болановских шарфах, шляпах и значках.»

Тони Висконти: Мне хотелось побить одну или двоих из них. Чтобы не превращали всё это в фарс.

Стив Кюри: Может статься, что Марк захотел бы, чтобы его похороны были обставлены получше. Ему, скажем, понравилось бы, если бы вся площадь перед EMI была перекрыта, и чтобы все машины двигались в длинной процессии.

Томпсон Прентайс, Дейли Мейл: «Его семья и друзья громко плакали, когда раввин Генри Годштайн сказал:

— Ирония заключена в том, что, возможно, были два Марка Болана: настоящий — славный мальчик, любивший свою семью и тот имидж, который он создал на сцене. Сегодня те, кто знал его как одним, так и другим, объединились, чтобы оплакивать его смерть.»

Тони Висконти: Ко мне подошёл рыжеволосый парнишка и спросил:

— Вы Тони Висконти?

Я ответил, что, мол, да, это я. Я был настроен очень враждебно, потому что решил, что он подошёл попросить у меня автограф. Но он сказал:

— Я просто хочу поблагодарить вас за то, что многие годы вы помогали Марку делать такую прекрасную музыку.

Я ответил:

— Ты очень, очень любезен.

Джун Болан: На следующий день первое, что я сделала, это пошла и сказала, что я хочу посмотреть на урну с пеплом. Они сказали, что это невозможно, потому что единственным, кто имел на это право, был Гарри [брат Марка].

— Но я его вдова, — сказала я.

Когда он погиб, мы ещё не были разведены. Они не знали,

как поступить. Они просто исполняли свои обязанности. Один из них пошёл, с кем–то посоветовался, вскоре вернулся, извинился и сказал, что это невозможно. Я сказала, что просто так не уйду. Со мной была моя хорошая подруга Сюзи Дион, и мы уселись прямо там. В конце концов, они сказали:

— Ладно, пошли.

Это было прекрасно. У меня с собой были цветы, потому что на похоронах я их оставить не смогла. Иначе мне бы пришлось продираться с ними сквозь толпу людей, и меня бы увидела его мать. Я не стала этого делать. Я принесла гардении. Никто не знал, что это самые любимые цветы Марка. В их поисках мы обшарили весь Лондон. В том месте, где он был кремирован, они поставили урну на алтарь и встали рядом. Я сказала:

— Послушайте, всё в порядке. Я не собираюсь её украсть и ничего с ней не сделаю. Просто я хочу с ним поговорить.

Так я и сделала. Я положила свой букет гардений и немножко с ним поговорила. А потом ушла. Мне было хорошо. Я думаю, что если бы я не видела его труп, я бы говорила, что он не умер. Не знаю, просто он не казался мёртвым. Я не хочу сказать, что он бы возродился или что–то в этом роде. Просто он не казался мне мёртвым.

Глория Джонс: После тою, как родился ребёнок, Марк уже не так старался жить такой жизнью, будто он предмет культа, поскольку он стал отцом. Конечно же, как и все остальные, Марк верил в перевоплощение после смерти.

Марк Болан в интервью Яну Айлсу, Рекод Миррор, 1 февраля 1975: Я верю в перевоплощение после смерти. Я знаю, что я возвращался в этот мир уже трижды. У меня бывают такие озарения. Я был менестрелем, и, возможно, этим объясняется мой интерес к литературе, поэзии и музыке. Я помню, что я был кавалеристом, а кроме того, знаете, я помню то место во Франции, где мне довелось побывать: это был дом постройки XVI века, который я раньше никогда не видел, и всё же я помню, что я бывал в нём раньше.

Эрик Холл: Мне его не хватает. Конечно же, мне его не хватает. Он был моим приятелем, очень близким приятелем.

Б. П. Фоллон: Мне не хватает его по эгоистическим причинам, потому что я не могу ему теперь позвонить. Знаете, он совершал безумные звонки, он звонил мне в пять часов утра.

Стив Харли: Он жил, как звезда; он не мог жить иначе. Он верил в то, что его жизнь это легенда. У него было колоссальное эго, и именно это было в нём так привлекательно.

Дэвид Уигг, Дейли Экспресс, 29 сентября 1977: «Рок–звезда Дэвид Боуи основал кредитный фонд в пользу «ребёнка любви»

своего покойного друга Марка Болана. Двухлетний Ролан Болан является сыном Марка от его гражданской жены, цветной американской певицы Глории Джонс.»

Глория Джонс: Главное, что когда Ролан подрастёт, он узнает, каким замечательным человеком был его отец. Я намереваюсь воспитывать Ролана так, как мне кажется, этого хотел бы Марк.

Дэвид Уигг, Дейли Экспресс: «Боуи основал этот кредитный фонд сразу же после похорон Марка, Ролан сможет воспользоваться им по достижении восемнадцатилетия.»

Глория Джонс: На протяжении всей беременности я не чувствовала себя обойдённой вниманием, и я не чувствовала, что ребёнок нежелателен. Марк повсюду брал меня с собой. Я ездила с ним на гастроли, и он так составил их расписание, чтобы в последние месяцы беременности быть в Лондоне, потому что он хотел, чтобы ребёнок родился в Лондоне. А когда я рожала, Марк был со мной. Он чуть ли не помогал принимать роды.

Дэвид Уигг, Дейли Экспресс: «Ролан не был забыт и Марком. В своё время он также основал кредитный фонд, который вступает в силу уже сейчас.»

Глория Джонс: Он был так нежен с Роланом; они с Роланом любили друг друга. Чудесно то, что, становясь старше, Ролан становится всё больше похож на него, так что теперь со мной гуляет и на меня смотрит маленький Марк.

Дэвид Уигг, Дейли Экспресс: «Боуи с Марком были близкими друзьями. Боуи прилетел на похороны из Швейцарии. Он принимал участие в последнем ТВ-шоу Марка.

В прошлом году Марк развёлся со своей женой Джун. Однако вплоть до этого месяца решение о разводе в силу не вступило. Хотя его завещание, составленное в 1973 году, не опубликовано, очевидно, что у него несколько наследников. Когда Джун Болан узнала о кредитном фонде Боуи, она сказала:

— Это прекрасный жест. Дэвид — самый нежный и заботливый друг.

На каждом рассвете наших жизней
Сердце выковывается вновь
И соединяется знаниями с себе подобным,
Рождённым благословлением пыли жизни,
Хранящимся под его душой,
Чтобы благословить и передать его детям.
Даже если ветер унесёт мои слова прочь,
Не беспокойтесь, потому что я ваш друг.
— A Day Laye

Адриан: Я был попросту влюблён в него. Если Марк вам нравился, то вы в него влюблялись.

Эрик Холл: Все, кто встречались с ним хоть раз в жизни, любили его.

Б. П. Фоллон: Вначале мы были просто двумя кошаками, которые дружили. То есть, мы были сперва приятелями, а потом уже коллегами. Понимаете, мы были друзьями. Мы вместе веселились, вместе планировали, как завоевать весь мир. Интервью, фотосеансы и всё прочее было лишь игрой. Он считал это игрой, как оно, вообще то и должно быть. Весь музыкальный бизнес это сплошная игра.

Стив Кюри: Он был ко мне очень добр. Я буду защищать его до самой смерти. Он был отличным парнем, он всегда поступал со мной честно, без всяких штучек.

Микки Финн: Он был настоящим другом и вдохновителем. Он многое для меня значил. Мы были с ним очень близки. Мы очень трогательно относились друг к другу. Нас связывало то, что мы оба так любили рок–н–ролл.

Глория Джонс: Все те годы, что мы были вместе, он был очень заботлив по отношению ко мне и моему ребёнку. Он заботился о нас, и нам не приходилось ни о чём беспокоиться.

Кит Дивс, Сан, 19 декабря 1977: «Любовная агония трагически погибшей суперзвезды Марка Болана проявилась в его завещании.

Тридцатилетний рок певец завещал своей даме сердца и бывшей жене по десяти тысяч фунтов стерлингов.»

Глория Джонс: Когда Марк упомянул меня в своём завещании, мы не были с ним даже близки. Марк составил его в 73–м, а до 72–го мы не были даже знакомы. Роман у нас начался только в конце 73–го, он упомянул меня в завещании когда мы были всего лишь друзьями.

Кит Дивс, Сан: «Его друг так отозвался об этих равных суммах денег:

— Возможно, в конце кондов, Марк решил быть справедливым и завещал им обеим поровну.

Завещание было составлено в 1973 году — в том же году у него началась близкие отношения с этой цветной певицей.

Он завещал друзьям и родственникам 85 тысяч фунтов стерлингов. Если деньги останутся, они будут использованы в благотворительных целях. Своим родителям мистеру и миссис Фелд, он завещал 20 тысяч фунтов. Кроме того в завещании упомянуты его менеджер Тони Хоуард, получивший 10 тысяч фунтов, столько же сколько и барабанщик ТиРэкс, Микки Финн. Тони Висконти, продюсер пластинок группы и муж певицы из

Уэльса Мэри Хопкин должен получить 5 тысяч Фунтов. Завещание, пока не утверждённое официально, было составлено от имени Марка Фельда, более известного как Марк Болан, проживающего по адресу Западный Лондон, Билтон Тауэрс, 47.»

Франк Томпсон, Дэйли Мэйл: «Подруге Марка Болана может быть предъявлено обвинение в дорожно–транспортном происшествии, повлёкшим за собою смерть.»

Глория Джонс: Он хотел на мне жениться. Он всегда говорил, что хотел на мне жениться. Когда незадолго до трагедии я вернулась в Лондон, он говорил, что возможно, мы поженимся в январе.

Джун Болан: Удивительно, что он погиб в автокатастрофе. Он никогда в жизни не водил машину. Однажды он попросил меня научить его этому. Мы ехали по Гринстеду, графство Суссекс, где очень много просёлочных дорог, и вдруг он сказал:

— Поучи меня водить машину.

Я подумала, ладно, хорошо, это Мини, она от него не убежит. Он сел за руль и я сказала ему, что нужно делать, показала ему акселератор, тормоз и переключатель скоростей.

— Нажимаешь на газ, включаешь скорость, и машина трогается с места, — сказала я.

Он всё это сделал, и машина поехала. Я думаю, что мы ползли со скоростью мили три в час, когда Марк стал орать:

— Останови её, я хочу выйти! Я хочу выйти!

Он не знал, что делать, он совершенно потерял самообладание и ужасно растерялся. Больше у него не появлялось желание водить, и у него никогда не было прав… так что удивительно, что это произошло в автокатастрофе.

Глория Джонс: Я пыталась закончить свой альбом, а после этого мы собирались завести ещё одного ребёнка.

Франк Томпсон, Дэйли Мэйл: «Подруге Марка Болана американской певице Глории Джонс может быть предъявлено обвинение в вождении машины в состоянии алкогольного опьянения, причиной которого стала автокатастрофа, повлёкшее за собой смерть поп–звезды. Об этом было объявлено на вчерашнем дознании.

Мисс Джонс… хромая, вошла на костылях в кабинет следователя в Бэттерси. Даже спустя два месяца после катастрофы одна её нога находится в гипсе.

Инспектор Вильям Уилсон сказал, что после того, как она была доставлена в больницу с серьёзными травмами, у неё была взята кровь на анализ.

Он добавил:

— Рекомендовано возбудить судебное дело мисс Джонс за

вождение автомобиля в нетрезвом виде с наличием алкоголя в крови.

Ричард Джонс вспомнил вчера о том, что Мини издавала странные звуки из–за вибрации.

— Я это слышал, — сказал он, — за день до этого мы меняли одну из шин.

В ту ночь (в том, что Глория вела машину не было ничего необычного), сказал её брат, он пару раз терял их из виду, и затем, проезжая по арочному мосту, увидел, что Мини потерпел аварию. Из него «шёл дым и пар», а Болана отбросило назад.

В больнице Глория Джонс описала аварию, дав на вопросы полиции письменные ответы после того, как на её челюсть была наложена шина…

За мгновение до того, как она почувствовала, что машина потеряла управление и её заносит влево, «У меня возникло чувство, что у машины что–то отвалилось».

Следствие заявило, что подобная потеря управления могла быть вызвана состоянием покрышек Мини. Давление в одной из передних шин, которое должно составлять 28 фунтов на квадратный дюйм, на самом деле составляло лишь 16 фунтов. В одном из задних колёс давление было также значительно ниже рекомендованного. Кроме того, на одном из задних колёс были недостаточно хорошо закручено два болта. Один из них удалось завернуть пальцами на четыре оборота до того, как дальше потребовался ключ.

После того, как судья вынес вердикт о катастрофе, Глория Джонс уехала в Даймлере под молчаливыми взглядами поклонников её покойного любовника.

На них были значки: «Сохраните в сердце немножко Марка».

Глория Джонс: Когда ему пришлось покинуть страну, он думал, что, возможно, разочарует этим своих поклонников. В нём была такая отличительная черта, знаете, он любил их. И он их не бросил. Но когда вы столько гастролируете, с этим ничего нельзя поделать.

Эрик Холл: Иногда когда он снимал свою ТВ-серию, он встречался с некоторыми своими поклонниками на вокзале в Истоне, или где–нибудь ещё. Он о них заботился. Он подходил к ним, обнимал и целовал их; он искренне заботился о людях. Он их любил.

Глория Джонс: Эти дети сделали бы для него всё, что бы он ни пожелал.

Адриан: На последних гастролях мы повсюду ездили за ним, спали на вокзалах, где только могли. Одну ночь мы провели в полицейском участке. Мы попросили запереть нас на ночь, чтобы

нам было, где поспать, одеяла воняли ужасно. Гастроли длились около двух недель. Начались они в Ньюкасле. Лучший концерт был в Глазго в марте 77–го. Игра должна была состояться в субботу, но аппаратура задержалась в Манчестере, так что Марк играл в воскресенье, и играл так здорово, как только мог. Он заметил в зале меня и моего друга, и это было так, будто он играл для нас. Он это умел. Некоторые из моих друзей поехали на концерт во Францию, и Марк оплатил им счёт в гостинице.

Б. П. Фоллон: Я встречаю людей Марка по всей стране. И они навсегда останутся его людьми.

Стив Харли: Люди очень быстро забывают. Люди непостоянны.

Стив Кюри: Я был на гастролях с Крисом Спедцингом. И мне позвонили. Это были поклонники Марка из разных районов страны, все одетые в траур. На следующий вечер мы играли в Ст. Олбанс, в ста пятидесяти милях, и все они поехали на автобусе на эту игру только потому, что я был членом ТиРэкс, чтобы посмотреть на меня. У них была фотография в серебряной рамке, на которой были сняты мы с Марком, и они мне её подарили. Для них в этом была вся жизнь. Они не желают слушать о нём ничего плохого, потому что они верят в Марка как в жизненное направление.

Если слёзы проложат дорогу,
А воспоминания — путь,
Я взойду по ним прямо в рай
И вернусь с ним когда–нибудь.

— стихотворение, нацарапанное поклонником из Глазго на обложке конверта с письмом, присланном редактору в процессе работы над этой книгой.

Адриан: Вокруг него была аура.

Глория Джонс: Он входил в комнату, и вы понимали, что это особенный человек даже если вы не знали, кто он такой.

Джон Пил: Сейчас я считаю, что он войдёт в историю рока не как одна из основных личностей, но как одна из довольно интересных второстепенных фигур, интересная, в основном тем, что, на мой взгляд, он был единственным, кто из любимца «цветочных людей» превратился в идола тинибопперов.

Стив Харли: Я не непостоянен, и не забываю. Я до сих пор сажусь и смотрю на одно из кресел в моей гостиной, в котором он всегда любил сидеть по–турецки.

Глория Джонс: Прежде всего, он был прирождённым развлекателем.

Боб Харт, Сан, 6 января 1978: «Фаны салютуют звезде Марку. Поп–звезда Марк Болан превзошёл всех по итогам британского музыкального опроса читателей.

29–летний Болан завоевал шесть наград в этом опросе, проведённом газетой Рекорд Миррор.

Молодые читатели признали Болана лучшим вокалистом и лучше всех одевающейся звездой 1977 года.

Кроме того, 1–е место получило ТВ-шоу Болана Марк, его последний альбом Dandy In The Underworld и его группа ТиРэкс. А также в категории лучших концертов выбраны его последние британские игры.

Подруга Марка Глория Джонс… была признана лучшей вокалисткой года.

Вчера вечером представитель Рекорд Миррор сказал:

— Похоже, что они отдали ему последний прекрасный долг.»

Стив Кюри: Если бы не было Марка, не было бы ни панков, ни Sex Pistols, ни Дэвида Боуи.

Стив Харли: Он был выдающимся человеком.

Адриан: Он был самым красивым человеком из всех тех, кого я знал. Он был похож на маленького Бога.

Джон Пил: Он был чем–то вроде второго эшелона. Его статус был именно таков.

Тони Висконти: Он был очень, очень сильным человеком.

Микки Финн: Он был выдающимся человеком. Он обладал невероятной, самоотверженностью и энтузиазмом.

Стив Кюри: Он был отцом рок–н–ролла 70–х.

Мик О'Холлорэн: Он любил жизнь и всё в ней.

Элтон Джон: Он был верным другом, и он всегда до конца был предан тому, что он делал.

Б. П. Фоллон: Кто–то сказал мне:

— Итак, ты потерял друга.

Нет, ни в коем случае. Боли ещё здесь, и он будет здесь всегда. Клянусь, когда вы читаете это, он заглядывает вам через плечо и улыбается.

Мы с ним до сих пор поддерживаем связь. Всё дело тут просто в расширении сферы ваших контактов.

Я скажу вам:

— Боли до сих пор делает рок и круче, чем когда бы то ни было. Да благословит тебя бог, Марк, старый хрен. И спасибо. И не забудь забить для меня местечко там, да потеплее.

Элвин Стардаст: Он ел, пил, спал, жил, говоря о музыке и о жизни в шоу–бизнесе.

Джун Болан: Он был четвертью моей жизни.

Робин Нэш: Он был удачлив, и ему везло. Он точно знал, как

пользоваться своим везением и пользовался им.

Эрик Холл: Он был уникален.

Элвин Стардаст: Понимаете, он был красивым человеком. Марк был одним из тех, в ком была звёздность, которую необходимо иметь в шоу–бизнесе. А кроме того, необходимо быть сумасшедшим.

Б. П. Фоллон: Он был очень значительным, очень волшебным, очень мудрым, очень ребячливым… прекрасным.

Мюриел Янг: Он был одним из самых волшебных людей, которых я знала.

Что я могу сказать? Это такая трагическая утрата. Помимо того что он был великим профессионалом, вызывающим восхищение у всех служащих студии своим озорством и весельем, Марк внушал нам любовь к себе, а кроме того им невозможно было не восхищаться за то, что он заботился об успехе шоу, о своих поклонниках, о коллегах, о своей музыке.

Тони Ньюмен: Марк Болан был одним из новаторов, великим гитаристом и одним из первых панк–рокеров.

Кит Алтхем: Я знал его, как друга четырнадцать лет. То, что это должно было случиться сейчас, является двойной трагедией, поскольку его карьера опять пошла в гору. Его физическое и психическое здоровье в последнее время были лучше, чем раньше, и сам он был готов к тому, чтобы произвести на слушателей прежний эффект. Новая Волна вдохновила его и заразила его новым энтузиазмом.

Рэт Скэбс: Он был одним из наших величайших вдохновителей, одним из наших немногих идолов. Он очень помогал нам на гастролях, он чуть ли не ухаживал за нами. И он и его группа очень помогали нам советами. Когда он был в зените славы, все сегодняшние панки только начинали слушать музыку, и он оказал на них огромное влияние.

Джон Пил: Марк уникален тем, что из идола цветочных детей он превратился в идола тинибопперов, а это не удавалось ещё никому. Его ранняя музыка также была уникальна. Неизвестно, откуда она взялась и куда она ушла. Мы познакомились с ним, когда я работал на Радио Лондон, и он прислал мне свои плёнки. Мы были хорошими друзьями и часто проводили время вместе. Он был очень дружелюбным парнем, но я думаю, что все мы боялись, что у него в характере окажется тяжёлая черта, как впоследствии и оказалось. Жаль, что когда успех стал проходить, он начал создавать вокруг себя мифы. Лично я оплакиваю смерть раннего Марка Болана.

Тони Джеймс, басист Generation X: Когда я услышал о смерти Марка Болана, то я расстроился больше, чем когда услышал об

Элвисе.

Глория Джонс: Он был рождён для славы.

Мистер Сид Фельд, отец Марка: Он был рождён для буги, и он протанцевал всю свою жизнь.

> Моя жизнь будет лошадью без тени;
> Если я не смогу добраться до тебя.
> Под крокодиловым дождём
> Всё моё сердце болит за тебя.
> — Mumbo Sun

ДЕТИ РАРНА

Тони Висконти

В 1970 году Марк Волан начал делать наброски для своего главного произведения. Оно должно было называться The Children Of Rarn и было полно ссылками на мифологию. Оно в большей степени отражало любовь Марка к вымышленным персонажам, которым он давал имена звучащие так, будто они позаимствованы из легенд. К сожалению, он так и не завершил эту работу.

Тем не менее, он записал на плёнку ряд наиболее важных тем; просто голос и акустическую гитару. Однако, по ряду одному ему известных причин, этот проект был заброшен.

Несмотря на это, чувствовалось, что в этой записи есть нечто стоящее, и ухо профессионала обнаружило в ней определённый потенциал. Через несколько месяцев после смерти Болана Тони Висконти отыскал свою копию этой записи, и, прослушав её ещё раз, решил представить её публике в коммерческом виде. С присущим ему мастерством, аккуратно применив музыкальную современную студийную технику, он расширил музыкальную палитру оригинальной записи Марка Болана и таким образом осуществил этот проект [Кьюб—Рекордс].

Результат был прекрасен: он подтверждает артистический талант Болана и, более того, служит должным памятником ему…

Тони Висконти рассказывает о том, как семь лет назад Марк Болан сделал эту пробную запись — простую, порой небрежную, но, несомненно, значительную. Кроме того, описывает приёмы, применявшиеся им в том, что сам Марк назвал бы, пожалуй, перевоплощением Детей Рарна.

Мы дети Рарна.
Мы бродили по долам солнца.
Ребёнок заплачет,
Они летят на лебедях.
Мы дети Рарна.
И мы искатели Космоса.
Мы видели лицо нашего Хозяина.
Оно молодое и золотое
И седое от старости
Мы искатели Космоса.

Мне пришлось изрядно покопаться в своей памяти, но

просмотрев свои дневники и использовав другие детективные методы, я пришел к выводу, что это было в октябре 1971 года.

Марк написал этот материал год назад, но записал его на плёнку в моей демонстрационной комнате именно тогда. Эта лента должна была стать моей пробной рабочей записью. Насколько мне известно, тогда он записывал этот материал впервые.

Он был очень возбуждён. Он сказал, что это будет его рок–опера. Это было примерно во времена Томми, но задумал он ещё до того, как вышла Томми; это должно было стать его монументальной работой, его сержантом Пеппером. Но мы оба понимали, что она потребует много труда, чем просто 15–16 песен, которые он должен записать. Необходимы были длинные инструментальные пассажи, повествовательное декламирование, и всё это должно было быть тщательно обдумано. В результате, руки до всего этого у нас так и не дошли. В те дни мы делали сорокапятки — мгновенные сорокапятки и моментальные альбомы, которые не требовали слишком много времени, так что этой работой мы так и не занялись.

В те времена я жил в своей квартире в Патни. Наверху сидели Джун с моей подружкой; они смотрели телевизор и время от времени приносили нам чай. Мы с Марком находились внизу, в моей музыкальной комнате. У меня был двухканальный магнитофон Бренелл и, как я помню, над ним стояла настольная лампа. Запись была сделана почти в полной темноте; света хватало лишь на то, чтобы отмечать метраж плёнки. Всё это время я сидел в наушниках. Я хотел записать эту ленту должным образом. Я очень волновался, несмотря на то, что это была случайная и импровизированная запись. Хочу вам напомнить, что по роду своей профессии я никогда ни к одной записи не отношусь беспечно. Ведь я продюсер. Поэтому я установил два своих лучших микрофона: один на голос, а другой на гитару. Гитара была моя. Это была единственная гитара в моём доме: классическая гитара с нейлоновыми струнами. Он взял её в углу комнаты, сел и наиграл эту плёнку. Если бы у него была с собой электрическая гитара, то запись вышла бы иной. Я скоммутировал микрофоны себе на наушники, и он наиграл весь материал практически без перерывов. Хотя, пожалуй, один раз нам всё–таки пришлось остановить плёнку где–то посередине, чтобы он мог вспомнить какой–то забытый им момент. Он был раскован и совершенно естественен; он был совсем не таким, каким он бывал в обстановке студии, где он одевался специально для записи. В моей комнате он был более спонтанен, более дружелюбен. В этот день для него было важнее всего

продемонстрировать мне эту музыку.

Я не слишком–то хорошо знаком с сюжетом. Я знаю лишь то, что он основан на тех же легендах, что использованы Токиным: о крайне древних, доисторических временах. Марк свято верил в кельтские легенды и тому подобные вещи. Я не знаком со всем сюжетом, возможно, он так и остался незаконченным, но в принципе, речь идёт о борьбе добра и зла; белых сил с чёрными силами, и в нём масса мифических созданий, придуманных Марком, вроде Дворнов и Литонов. Это крайне смахивает на Токина. Но повествовательная часть в запись не вошла. Он не стал её записывать. Возможно, он хотел, чтобы её зачитал Джон Пил. Он определённо думал об этом, он хотел пригласить кого–нибудь вроде Джоффри Бейлдона, актёра, игравшего на телевидении кота Уизелла. Он хотел кого–нибудь, кто мог бы зачитать повествование со средне–английским выговором.

Я думал о том, что Марк сделал демонстрационную запись, и о том, что я могу с ней сделать, о том, что можно на неё наложить. Я хотел сделать черновой проект. Марк сделал бы свой, а я свой. Я не хотел ничего делать без него. Я хотел сесть и обсудить с ним длинные инструментальные пассажи, но у меня было мало времени. Я пришёл к Дэвиду Платцу, и чтобы должным образом окончить эту работу, у меня не было ни времени, ни денег. В то время и у Марка не хватало материала на две стороны, чтобы выпустить эту запись в виде альбома. Музыки было всего минут на пятнадцать.

Итак, у меня было искушение использовать Стива Кюри, Билли Леднеджа и Микки Финна [изначальных участников ТиРэк], но у меня было всего три дня: день на наложение барабанов, день на наложение инструментов и день на микширование. Поэтому я обратился к моему приятелю Энди Дункану, профессиональному барабанщику, умеющему играть с листа. Я усадил его за барабаны, поставил перед ним пюпитр с нотами, и, будучи профессионалом, он справился со своей работой за четыре часа: он играл на том–томах, бонгах, конгах, колокольчиках и на всём остальном. Он очень гибкий музыкант. Басовые партии наиграл я сам. Я играл на бас–гитаре и на ранних записях ТиРэкс, так что это была не просто экономия времени. У меня было искушение наложить кое–где и лидер–гитару, но я решил, что это будет крайне несправедливо. Это должен был сделать сам Марк. В этом он был очень силён.

Таким образом, от лидер–гитары я вообще отказался. Впрочем, пожалуй, я наиграл короткий рифф в конце We Are The Dworns, Марк сыграл, всего два такта этого риффа, так что я доиграл всё остальное. Я вывел этот рифф в его дальнейшее

повествование. Кроме того, я наложил продольные флейты, Марку нравились продольные флейты и то, что я умею на них играть, поэтому я играл на них на всех сорокапятках и альбомах ТиРэкс. И клавишные. На The Children Of Rarn я играл на меллотроне.

В качестве струнных я использовал сдвоенный смычковый квартет. Если бы смычковых было бы больше, то было бы

чересчур. Они бы перегрузили изначальную запись Марка, потому что обычно он применял дабл–трэк на голос, а гитар накладывал по три–четыре. Как я уже говорил, я не хотел использовать на альбоме лидер–гитару, так что восемь смычковых, на мой взгляд, придали записи должный баланс. Помнится, я с самого начала пытался свести воедино и звук Тираннозавра Рэкс и звук ТиРэкс.

Я хотел использовать и их ранний звук, и более позднее их звучание. Уверен, что Марк хотел бы именно того же: в некоторых местах акустическое звучание, мягкое и очень нежное, каким оно было в ранние дни, а в других местах звук должен быть чрезмерно тяжёлым, с сотней наложенных электрических гитар. Но до крайности я дело не довёл, учитывая характер материала, с которым мне пришлось работать.

В We Are The Dworns мы использовали следующий приём: я пропустил акустическую гитару через усилитель и фузз. Гитара стала звучать по электронному и искажённо. Для нейлоновых струн звук был потрясающим. Это было всё, что я смог сделать, поскольку вместе с гитарой был записан и голос Марка, а я не хотел, чтобы и голос стал искажённым. С гитарного трека искажения просачивались на голосовой, но я свёл их к минимуму.

Единственный спор, который произошёл у нас с Марком на эту тему, я завёл потому, что если он хотел, чтобы всё это звучало впечатляюще, то мы должны были сесть и поработать достаточно серьёзно: то есть, подумать о музыкальном уровне. Немного разнообразить тональности. Марк знал примерно семь аккордов и таким образом, мог играть лишь в трёх тональностях, чего явно недостаточно ни для симфонической, ни для любой другой крупной работы. Необходимы модуляции; и для того, чтобы создать должное настроение, нужно, чтобы одна тональность переходила в другую. Марк это понимал, но он не знал, как этого добиться. Когда я делал для него оркестровки, он не давал мне размахнуться; мне приходилось писать только простые аранжировки.

Думаю, что он так и не сделал ничего с The Children Of Rarn потому, что испугался. Он знал, что потребуется серьёзная работа, а он большую часть энергии тратил, чтобы

эксплуатировать журналистов. Он лез из кожи вон, чтобы его фотографии появлялись в газетах каждый день, он давал бесчисленные интервью, снимал ТВ-шоу и так далее. Он мечтал стать величайшей британской звездой всех времён. Он хотел превзойти Beatles, и, к сожалению, в пользу карьеры пожертвовал музыкой. То есть, я хочу сказать, пока он не получил две успешные сорокапятки, он занимался исключительно музыкой, а после, его интересовало лишь, как мило каждую неделю в газетах видеть свои фотографии. Так что, на мой взгляд, он побоялся всерьёз взяться за это.

У него была своя копия этой записи, то есть, моя копия не единственная. Но он её потерял. Я помню, что после того, как в 1974 году мы расстались, он попросил своего роуди позвонить мне из Лос–Анжелеса; это было в году в 75–м. Он сказал, что Марку нужна плёнка The Children Of Rarn, но к тому времени, я напрочь о ней забыл. Я забыл даже о её существовании. Я ответил, что я переезжаю, и что все мои плёнки упакованы, но если я её найду, то я её ему вышлю. В то время Марк уже не жил с Джун, но я позвонил ей и спросил, нет ли случайно у неё копии этой записи. Она сказала, что нет, что фактически у неё не осталось вещей Марка.

Должен признаться, что в то время я не испытывал к Марку самых дружеских чувств: после того, как мы с ним не общались целый год, он и сам мог бы мне позвонить, вместо того, чтобы просить об этом роуди. А ведь до того, как мы расстались, мы были такими добрыми друзьями.

Честно говоря, я не слишком усердно искал эту плёнку.

Но после его смерти и после того случая на его похоронах, я почувствовал, что я должен отыскать эту запись и посмотреть, что с ней можно сделать. Я перерыл буквально все свои плёнки и нашёл её. После многочасовых поисков, весь покрытый пылью, я её всё же отыскал. Произошло это благодаря тому рыжеволосому пареньку, который подошёл ко мне на похоронах, протянул руку и лично поблагодарил меня за то, что на протяжении многих лет я помогал Марку делать такую прекрасную музыку. Я должен был найти эту запись и принести её Дэвиду Платцу ради него и ради таких как он.

Так я и сделал.

И ТЕПЕРЬ ТАМ, ГДЕ
РАНЬШЕ БЫЛА ОДНА ВОДА,
СТОЯЛ КОРОЛЬ ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ,
ТИРАННОЗАВР РЭКС, ВОЗРОЖДЁННЫЙ И
ТАНЦУЮЩИЙ.

— из поэтического сборника
Марка Болана " Чародей любви»

Рок энд Фолк, № 173, июнь, 1981

А что, если Марк Болан не был куклой в костюме из розового шёлка, а чем–то иным? И есть ли ТиРэкс большее, чем забавная музыкальная шкатулка, которую выбрасывают, когда она перестаёт околдовывать детей?

— Ни Дилан, ни Леннон не лучше меня, и они это знают. У них твёрдое мнение на мой счёт. Я не такой, как другие и они тоже. Я всегда знал, что я не такой, с самого моего рождения, — говорил Марк Болан в 1971 году,

— Сначала я была в восторге от Кита Эмерсона, теперь для меня нет никого кроме Марка Болана. Кит — привлекательная поп–звезда, но Марк — это всё. У него такие вьющиеся волосы! Когда он ими трясёт, я схожу с ума. От пота они у него прилипают ко лбу. Это так сексуально! — сказала 15–летняя поклонница ТиРэкс после концерта в Бирмингеме в июле 1972 года.

Всю свою жизнь Марк Болан оставался подростком. Даже в конце своей карьеры, с отёчным лицом под обветшалой маской его персонаж словно застыл в поре отрочества, уже увядающего, но так и не нарушенного. Безвестность, всемирный триумф и печальный закат — всё проскользнуло по этому гладкому, открытому и доверчивому лицу и ни одна морщинка не омрачила его спокойной блаженной уверенности. Зрелость и её главный порок — цинизм не смогли овладеть этой невероятной звездой.

Таков был Марк Болан, непроницаемый для всего, что было чуждо химерам его души.

Внезапно отвергнутый?

За четыре года до его гибели на дороге в окрестностях Лондона, его приверженцы с удивлением ощутили, что Болан начал свой уход. Он не создавал своё время, он просто служил времени, которое нуждалось в нём. Сейчас все перебирают признательные свидетельства того, что сделал Болан для рок–музыки в её самые чёрные годы.

— Да, я танцевал джерк в Шандель Перро—Гирек под Get It On.

— И всё–таки то, что был Болан, это важно. Он делал большее, чем просто сорокопятки.

Подобное можно услышать повсюду.

Могу поспорить, что если собрать бытующие в наших краях воспоминания обо всём касающимся Марка Болана, то первым из них будет воспоминание об ангинах. В отличие от его имиджа, индивидуальность Болана никогда не интересовала большую

публику. В те годы для его поклонников ТиРэкс существовал только в радиопрограммах и в фотографиях на обложках пластинок.

— Я не Тарзан. Я предпочёл бы быть Флешем Гордоном или Сильвером Серфера, или… чем быть доисторическим человеком.

С самого детства Марк Фельд думал, кем бы он хотел стать. Его имя казалось ему именем доисторического человека.

Некоторое время он называет себя именем какого–то сомнительного Тоби Тайлера, потом Боуленд, и осенью I965 в восемнадцать лет останавливается на Бо[б Ди]лане. И, вместо того, чтобы влиться в ряды послушных тинейджеров, он фанатично вбивает себе в голову, что будет звездой не меньшей, чем Дилан.

В начале 60–х Болан помогал своей матери торговать по субботам в Сохо и часто служил моделью для фотографов, несмотря на неподходящий рост, из–за которого хулители даже в высший момент взлёта именовали его истеричным карликом. Всегда убийственно одетый, Болан уже был местной звездой. Когда ему было пятнадцать, журнал мод для подростков опубликовал его фотографию. На подмостках в Сохо он видел Адама Фейса, Билли Фьюри и других Клиффов. Он прочитал «Жизнь Бо Браммеля», любил Бредбери и Блейка, Токина читал вдоль, поперёк и наискосок. Токина читали все английские хиппи.

— Я не знаю, слышали ли обо мне Рей Бредбери или Боб Дилан, но я уверен, что то, что я делаю понравится им, если они однажды это услышат.

Единственной общеизвестной заслугой Марка Болана на рок–сцене с I960 по 1970 года было то, что в один из вечеров он нёс гитару Эдди Кохрэна, когда тот играл в клубе Сохо, 21 Кафе Бар.

Подготовьтесь узнать,..

…что купив в обычном для этого дела возрасте свою первую гитару, он через несколько недель извлекает из неё первое ми, и не слишком этим взволнованный, решает покрыть лаком и оставляет инструмент болтаться над своей кроватью,

…что он принимает участие в самодеятельной группе с забавным названием — Сюзи и Хулахупы,

…что в 1964 году таинственный Тоби Тайлер посылает демонстрационную запись Gloria и Blowing In The Wind,

…что в один прекрасный день 1965 года, становясь Марком Боланом, он представляет свою первую сорокапятку The Wizard в программе Ready, Steady, Go! и аккомпанирующая ему группа, вступая с опозданием, играет не в той тональности. Позднее Болан рассказывал, что тогда он «совершенно не представлял себе

как тут надо петь» и с тех пор дал себе обещание «по–настоящему работать, чтобы стать музыкантом».

Более известна его встреча с Саймоном Непиер—Беллом, который был тогда менеджером группы Yardbirds с фирмы Декка. Вместе с Китом Ламбертом и Крисом Стемпом, чей менеджмент увенчан славой группы The Who и фирмой Трэк—Рекордс, он предполагал совершить нечто великое с помощью Болана, соединив его с группой Дети Джона, убедив их, что им не хватает лишь Таунзенда, чтобы стать новыми The Who. Этим таунзендом и должен был стать Болан. Предприятие просуществовало недолго, несмотря на боевик Desdemona, выпущенный в мае 1967 года и знаменитый из–за запрета наложенного Би—Би-Си на строчку из текста: «Задери свою юбку и лети».

Дети Джона не стали расставаться со своими менеджерами и Болан оставался при пустых карманах, но с непобеждёнными принципами. Позже из пепла геройски погибшей психоделической группы родился Тираннозавр.

В это время Болану было видение.

Лёжа на кровати, он смотрел на висевшую на стене репродукцию с изображением тираннозавра. Его жена была при этом, и она подтверждает: тираннозавр готовился что–то предпринять.

— Мне было страшно, но я знал, что это я заставляю его двигаться, что моё воображение пробудило его к жизни. Потом, я понял, что если я не отведу взгляд, он меня уничтожит. Тираннозавр проглотит меня, и кровь прольётся на постель. Я чувствовал это и Джун, моя жена, тоже. С тех пор я ощущаю в себе силу. Я уверен, что ничто не сможет навредить мне.

Нужно, однако, обладать весьма сильным характером без признаков рационализма, чтобы потратить три года на сочинение песен о карликах, эльфах, волшебниках, усевшись по–турецки перед аудиторией снисходительных хиппи и имея в качестве аккомпаниаторов фанатичных дебилов, способных стучать по бонгам и трясти волосами до бесконечности.

Надо заметить, что Стив Перегрин Тук, а он тоже читал Властелина Колец, являл собой чистейший образец исчезнувшей уже породы тамбуринщиков, из тех, которые посещали вооружившись своим инструментом, любое музыкальное действо, и, засев в углу, долбили ритм от самого начала и вплоть до опустения помещения.

Почему он, а не я

В микрокосме лондонского андеграунда ТиРэкс были абсолютными звёздами. А он, лишённый средств, замученный этой унылой каторгой, решил, прежде всего, играть — а там

видно будет. Никто не понимал их, вокруг царил восторг — вот, мол, группа, которая идёт на риск. То, что они делают, по крайней мере, не есть коммерция. Действительно, от коммерции это было далеко. Проржавленные мифологические тексты с наивной и плоской обаятельной непристойностью и тощая инструментовка. Нужна была железная воля и немалая доля святого самоотречения, которых не от всякого можно потребовать, чтобы пленяться подобным. Но именно эти несчастные обстоятельства помогли поклонникам создать свой культ вокруг Тираннозауруса. И они же отвернулись от Болана и предали его анафеме в день, когда он приблизился к своей мечте, попав с одним из номеров на самую вершину.

Между тем, совершались события немаловажные, Дэвид Джонс, недавно перед этим назвавший себя Боуи, чтобы его не спутали с Деви Джонсом из Monkees, уже заставлял говорить о себе. До этого он зарабатывал по пять фунтов за вечер, демонстрируя пантомиму, призванную развлекать публику до начала выступления Тираннозауруса Рэкса. Оборот, который приняла его карьера, заставила Болана задуматься, ибо к ценности этого индивидуума он всегда относился скептически, находя его в высшей степени манипулированным. Что совершенно не относилась к нему, управлявшему своей личностью с четырёхлетнего возраста. Без сомнения, идиома «почему он, а не я» должна была подсознательно беспокоить Болана. В конце 1969 года Тираннозавр с трудом восстал после катастрофических гастролей по Америке. Стив Тук, превратившийся в осатанелого хиппи, окончательно достал Болана:

— Он жаждал поджигать города и подмешивать наркотики в водопровод.

Исход для Стива Тука был трагическим — отравление лизегиновой кислотой. Он умер спустя шесть месяцев.

Приходу большого виртуоза Микки Финна, игравшего, стоя за двумя огромными конгами в шляпе с высокой тульей, соответствует отчасти электрификация их музыки и отчасти смерть окончательно поверженного Тираннозавра. Здесь сразу дала себя знать способность Болана к коммерции: ‘Горячая любовь’ и ТиРэкс — это, конечно много удобнее, чем ‘Мой народ прекрасен, и небо у них в волосах, но теперь они довольствуются лишь звёздами в своих бровях’ и ‘Тираннозаурус Рэкс’.

Мечта

С помощью Ride A White Swan на концерте 1970 года Болан вырывается из мрака, и встаёт в полный рост. С безумной ясностью он понимает, что другого такого шанса у него не будет.

Он сожалеет лишь о том, что дело идёт ещё не достаточно быстро. Сразу после выпуска альбома T. Rex Болан ангажирует мощную ритмическую секцию. Но это не успокаивает его:

— Мне бы хотелось, чтобы альбом был тяжелее, — объясняет он журналистам с выражением крайнего сожаления.

Он отлично понял, какую публику он может взять на прицел и, особенно, как её взять, и Болан начинает гипнотизировать подростковую публику. Тяжёлые однообразные фантомоподобные буги ТиРэкса отличались безобидным буйством, незамысловатой таинственностью и гнались вперёд без ума. Песни, скроенные по единому образцу би–бап–э-лулу во всех возможных и вообразимых разновидностях, были круглы и лишены свойственной классике рока остроты.

Однажды, просматривая оборотную сторону конверта, я нашёл в знаменитой Jeepster великолепный пассаж, полностью прошедший мимо моих ушей в пору моих двенадцати лет: the way you flip your hip it always makes me weak.

Это далеко от полового цинизма и иронической непритязательности а-ля Чак Берри. В общем, Марк Болан представал перед ордами своих английских почитателей наиболее сексуальным в тот момент, когда испускал лёгкое непроизвольное рычание, воспринимавшееся как безрассудный экстатический порыв или когда он, облачённый в красиво переливающийся пиджак, подпрыгивал в своих бальных туфлях.

ТиРэкстаз

Большая пресса раньше Мелоди Мейкер и ей подобных, наблюдавших поджав губы, обратилась к этому феномену. Все публикации сходятся в одном: такого не было со времён битломании. В Вигене на концерте рухнул барьер, окружавший оркестровую яму, рухнул под тяжестью поклонников, желавших сорвать с Болана его флюоресцирующий пиджак и туфли. На двух концертах в Уэмбли, в марте 1972 года, которые всюду отмечают как апогей его карьеры, девять тысяч поклонников «преимущественно женского пола» — уточняет ММ, выли от начала и до конца шоу, давили и избивали друг друга в жажде узреть героя.

Подражали Болану во всём.

Никогда не было такого количества сатиновых брюк, сверкающих век и париков из вьющихся волос. Во всём этом, можно убедиться, посмотрев отснятый Ринго Старром фильм ‘Рождённый для буги’. Заметим, кстати, как говорят телеобозреватели, блестя глазами и вооружившись многозначительной улыбкой, что Мел Эванс был дорожным менеджером группы со знаменитым названием Beatles.

Сознавая, что его внешний облик и имидж андеграунд–эксцентрика плохо соответствовал амбиции звезды стиля глэм–рок, Болан оставил свою дремучую мифологию текстов вслед за афганскими жилетами и кривыми кинжалами. С Metal Guru и Telegram Sam он вознамерился прикоснуться к вечности. Аура, которую он возымел, убедила его, что он может подчинить себе мир тинибопперов, и прежде всего Америку, поклонников серьёзного рока, и, что издавна водится за музыкантами уже не могущими желать для себя большего по части коммерческого успеха и убеждёнными в овладении топовым артистизмом — он нацелился и на почитателей высокого искусства. Болан пишет книги, Болан занимается живописью. Болан, до той поры не упускавший из виду своих реальных возможностей, теряет управление.

— Я хочу, чтобы люди реагировали, даже если они принимают меня за какое–то маленькое чудовище. Я хочу сказать, что я сам — результат моего воображения, [вот, кстати, ключевая идея Болана и наилучший комментарий к этому персонажу]. Я Космический Танцор, откинувший материнскую грудь, идущий к могиле в танце Электрический Воин. Я не боюсь предстать перед шестью миллионами, смотрящих Top Of The Pops. Я поэт вездесущего рок–н–ролла. Люди, которых я всегда чтил в этом деле, как Клаптон или Хендрикс, вкладывали в свою музыку нечто, возводившее их в новое измерение, какие–то свойства души делали их уникальными. Я хорошо понимаю, что не собиралось быть Клаптоном или Хендриксом… Я только говорю, что беру вещи, рождающиеся в данный момент в моей индивидуальности, и я испытываю к себе, как к музыканту такое же уважение.

Он не спал, если не чувствовал в себе сил охватить так или иначе весь мир. На этот раз непонимание ситуации исходило от него самого, а не от публики. Во–первых, неприятие Болана со стороны слушателей серьёзного рока — от Roxy Music и Procol Harum до Эмерсона, Лейка и Палмера — побивало все рекорды.

«Паяц», «марионетка», Болан всюду выступал пленником своей публики, вульгарных непритязательных малолеток, не отличающихся особым умом. Заметим, что в ту пору так называемые козлята имели право на существование лишь в песнях Лу Рида или в качестве гипотетической публики Blue Oylster Cult. И богатый имидж Болана не придавал, по общему мнению, ценности его музыке — каковая музыкальная ценность отводилась на долю Хендрикса или Клаптона — а, напротив, музыка должна была в данный момент насаждать его имидж. Избрав такой замысловатый путь, Болан оказался абсолютно

современен. То, чем он себя представлял — возродившийся кельтский певец, волшебник, космический танцор — сверкающая звезда, всё это принималось во внимание гораздо меньше, чем безоглядность, с которой совершалось его воплощение: внутренний нарциссизм, стихийное бесстыдство, отсутствие рассудочности и отстранённость. Глэм–рок Боуи и Roxy Music был отработанным и холодным; у Болана он был горяч, безыскусен и, на мой взгляд, гораздо более притягателен.

Кошмар

Создавая свой образ, Болан попал в немилость у музыковедов рока, составлявших в тогдашней публике значительное большинство. Клаптон был у них настоящим гитаристом, а ТиРэкс — коммерческим дерьмом, штучкой для пигалиц. Такой стоял дух в 1972 году.

Со своей стороны, Болан, ощущавший свою отверженность в среде знатоков, продолжал безуспешно добиваться признания в качестве поэта и глубокого артиста. Поражение было предопределено. Отлив шёл постепенно и повсеместно. Недоумевающая Америка по прошествии триумфа Get It On начинает по–другому смотреть на этого человека, находя его чересчур эксцентричным. Болан быстро получил небывалый до того статус загнивающей звезды.

Оформился новый мессидж: он уже не стоит внимания. Выходившие после Get It On совершенно идентичные боевики накапливались во всё большем числе, и Болан ускорял ход, выпустив неописуемый альбом Танк, прозвучавший как похоронный звон.

«Я — нечто, существующее в телевизоре»

Для его поклонников это было его постоянное место обитания. И ничуть не задумываясь, они могли выключить его из сети. Изо дня в день Болан вместе со всеми аксессуарами своего культа подвергают унижению. Безуспешные и патетические судороги продолжаются вплоть до 1977 года, когда его настигает смерть, не вызвавшая в мире особо заметных переживаний. Перед самой катастрофой Болан вновь появляется на поверхности. Он только что женился на певице из подпевки Ноны Хендрикс, Глории Джонс, от которой у него был сын. Это был разумный поступок и сопровождался разумными проектами. Накануне смерти он окончил для Би—Би-Си серию телефильмов, где с новыми музыкантами он заново представлял свою карьеру. Подобно Чак Берри он принялся за исполнение попурри. Но он был доволен.

— Я стоял вплотную к пропасти. У меня было восемь нервных депрессий и пять раз я сходил с ума. Невозможно было делать то,

что я делал и сохранять здоровую душу. Некоторое время я практически был алкоголиком. Шесть месяцев я провёл во Франции, на юге, я сидел целый день на солнце и пил бренди. Я набрал десять кило лишнего веса. У меня также была своя доза наркотиков. Через ноздри… Нет ничего более разрушительного, чем успех в индустрии развлечении. В 14–15 лет берёшь в руки гитару и мечтаешь, что станешь самой большой рок–звездой в мире… Когда ты идёшь к вершине, люди очень охотно дают свои советы, но никто не подскажет как быть, когда ты уже там. Так мечта превращается в кошмар…

Не думаю, чтобы сейчас Марк Болан был уважаемым мертвецом. Его карьера до последнего шага была такова, что в ней можно найти всё, кроме респектабельности. Для меня он первый из современных артистов. Первый, кто не знал страха. Первый, о котором большинство и дольше будет вспоминать.

Первый и незамутнённый.

Вместо послесловия

Мелоди Мейкер 24.9.77

Прощай, танцующий чертёнок…

Крис Велч

Чародей любви, танцующий чертёнок, король модов, пионер глиттер–рока — все любили награждать Марка подобными титулами. И, казалось, что все они так легко ложились на его кудрявую голову.

Менеджер Болана Тони Ховард сформулировал это лучше всех:

— Марк был звездой. Он всегда был звездой. Ему удавалось в музыкальном бизнесе всё, за что бы он ни брался… Он мог бы стать и преуспевающим продюсером и великим менеджером.

Марк обладал непоколебимой верой в себя, которая привлекала к нему друзей, но могла вывести из себя самого терпеливого журналиста. Но те, кому довелось провести вместе с ним хотя бы совсем немного времени, находили в нём сердечного, благородного и щедрого человека неукротимой энергии и незаурядного интеллекта.

Из–за неожиданности его гибели горе от потрясения, которое испытали его друзья, было почти ошеломляющим. Даже сейчас трудно поверить в то, что его нет среди нас, в то, что мы готовим для него прекрасные слова и пишем некрологи.

Что бы не говорилось о Марке, мы ни в коем случае не должны верить в то, что он хотел умереть «героем рок–н–ролла», как об этом кричала бесчувственная рок–пресса. Марк был далёк от этого: он слишком любил жизнь, и у него было всё, ради чего стоит жить. Его карьера вновь пошла в гору, о нём опять стали говорить, как о звезде первой величины.

Марк так много говорил и так много делал, что зачастую его яростная властность и сила его личности затмевали его истинные достижения. Вместе с Тираннозаурус Рэкс он достиг успеха в подпольной музыке исключительно благодаря своим собственным силам, независимо от всех предшествующих течений рока.

Успех Ride A White Swan почти мгновенно укрепил его позиции, и в дальнейшем его карьера развивалась лучше всяких ожиданий.

Когда к нему пришла слава, Марк действительно начал страдать избытком самомнения. И он был готов первым как признать это, так и отрицать это. В начале этого года в процессе подготовки статьи из очередной серии ММ мы с Марком просидели больше трёх часов, разговаривая о великих рок–

певцах. Я обратился именно к Марку потому, что эта тема была близка ему, как старому любителю всего рок–бизнеса. А кроме того, Марк всегда был мечтой любого репортёра благодаря всем своим вечным шуткам, афоризмам и отличному пониманию того, что от него хочет журналист.

Но на этот раз Марк признал, что был период, когда он «хватил через край». Он сказал:

— Я стал немного монстром, и это мне совсем не нравилось.

Если Марк кого–то и критиковал, то, как правило, объектом этой критики был он сам. Я знал Марка двенадцать лет — с 1968 года — и за всё это время я не помню, чтобы он отзывался о ком–нибудь мстительно или обидно, несмотря на то, что его самого ругали, критиковали и делали объектом большого количества насмешек, чем кого бы то ни было из рок–музыкантов.

В бизнесе он умел быть жестоким, он умел своевременно принимать полезные для себя решения, он умел обрывать ненужные связи, но у него никогда не было злобных намерении.

Критика могла его расстроить, несмотря на то, что внешнее его эго оставалось к ней невосприимчивым. Он говорил мне о своих рок–героях, с которыми он хотел бы познакомиться и поговорить:

— Но мне всегда казалось, что они принимают меня за маленького грубияна.

И он очень огорчался, когда люди говорили, что все его пластинки «похожи одна на другую». Хотя Болан обладал, шокирующей привычкой говорить о себе в манере Боба Дилана, ему нравилось звучание его слов, и даже если некоторые из них оказывались бессмыслицей, то, по сути дела, такой же чепухой было большинство самых популярных текстов песен Дилана.

Что касается Марка, основой его музыкального стиля стали звуки и чувство слов, сплетённые с самыми коммерческими и классическими поп–риффами и ритмами. И сам он к своему стилю относился крайне серьёзно. Пожалуй, больше всего его расстраивало то, что немногие были готовы воспринимать его музыку так, как этого хотелось ему.

Но, тем не менее, Марк записал ряд классических сорокапяток и несколько прекрасных альбомов.

Он написал множество песен ещё до Деборы, которую в 1968 году он с Тираннозаурус Рэкс выпустил на фирме Ригал Зонофон.

Одной из первых песен Болана, услышанных мною, была Чародей, выпущенная на сорокапятке фирмы Декка, и эта пластинка до сих пор хранится в моей коллекции.

Марк утверждал, что он некоторое время прожил во Франции с магом, который и вдохновил его на написание этой песни.

Чародей обладает странным, почти неземным ароматом, и поклонники Болана до сих пор считают её одной из его самых важных записей.

Когда я познакомился с Марком, он по привычке носил старый школьный блейзер в красную полоску, а его волосы уже тогда были копной вьющихся кудрей. Но в то время он был одиноким электрическим воином, бедствующим в ожидании помощи.

Помощь пришла со стороны его подруги Джун Чайлд, на которой он в последствие женился и со стороны диск–жокея Джона Пила, которому Марк посылал свои первые демонстрационные записи.

Джун с Марком жили в крохотной чердачной квартире в Ноттинг—Хилле, где Джун делала для своих друзей бумажные абажуры, а Марк рисовал Рождественские открытки. Вся эта игра называлась «само–обеспечение» и «независимость». Они не пили, не курили, были вегетарианцами и олицетворяли собой движение цветочных детей.

Напряжения и стрессы, связанные с успехом электрического ТиРэкса, разрушили этот образ жизни и эти взаимоотношения, и, в конце концов, привели Марка и Джун к разводу. Но в те годы они были великолепной парой: Джун помогала Марку превращать полёты его фантазии в твёрдую реальность.

Тираннозаурус Рэкс со Стивом Перегрином Туком на бонгах существовал на минимум средств: их инструменты были куплены у Вулворта, накладные расходы были минимальными, а в то же время Pink Floyd и Cream уже начинали превращать рок в гораздо более сложный процесс, чем тот, каким он был до тех пор.

Имидж Тираннозуарус Рэкс был прост: Марк по–турецки сидел на полу и пел, а Стив стучал на своих бонгах и по глиняным горжам. Они были почти фолковой группой и часто выступали на больших фестивалях на открытом воздухе, столь частых в эру хиппи.

И всё–таки, как говорил один из старых приятелей Болана, все эти акустические дела были навязаны Болану жёсткими обстоятельствами. К тому он уже успел вкусить радости электричества, поиграв с Детьми Джона, кемповой, забавной, неистовой и более чем странной группой, в исполнении, которой стала боевиком его песня Дездемона.

Вокалистом Детей Джона был Энди Эллисон, сейчас он возглавляет Радио Звёзды. Он работал с Марком в 1967 году. О тех временах он вспоминает так:

— Я редко встречался с ним со времён Детей Джона, но мне всегда хотелось посидеть и поговорить с ним. Помню, как

ходил к нему в гости в дом его родителей в Уимблдоне. Этот дом стоял рядом со стадионом, он был похож на коробку. Кажется, это был крупноблочный дом. Марк готовил грибы, и мы репетировали и писали песни.

Во время гастролей, когда все бывали возбуждены и крикливы, он оставался очень спокойным и всё время писал песни, вереницы слов на клочках бумаги.

Все песни с его первого альбома My People Were Fair были изначально написаны для Детей Джона. Кроме того, он был нашим лидер–гитаристом. Играл он просто, но мощно, и этот стиль превосходно подходил группе.

Однажды он сделал из фольги экран и установил его у усилителя, чтобы тот отражал фидбэк. В то время он страшно торчал на Джими Хендриксе и любил играть на электрической гитаре. Я не знаю, почему, основав Тираннозрурус Рэкс, он вернулся к акустике. Вероятно потому, что покинув нашу группу, он остался без аппаратуры.

Вся она осталась у Трэк–Рекордс, а у него сохранилась лишь акустическая гитара со сломанным грифом, на которой он играл уже два года. Но он привык к ней, а кроме того, людям это начало нравиться, поэтому он долго не мог бросить свои акустические дела.

Когда он ушёл от нас, он хотел создать большую электрическую группу, но не смог подобрать музыкантов, и поэтому он начал гастролировать с Джоном Пилом и со своей акустической гитарой.

Помню, как мы с Детьми Джона играли в Александра Палас [Северный Лондон] на фестивале Техниколор Дрим. Марк положил гитару себе на голову и оставил её заведённой на все оставшиеся двадцать минут нашей игры. Не знаю, как ему удалось оставаться всё это время спокойным. А я это время носился по сцене, орал и разбрасывал по воздуху перья, а наш барабанщик Крис разбивал свою установку. Как это выглядело? Бесподобно! Публика полностью охреневала, а в это время в противоположном конце зала играла другая группа, так что, наверное, всё это звучало очень странно. Позже я видел часть этого шоу по ТВ, и всё, что можно было разглядеть на экране, это летающие перья.

В другой раз мы играли в Дюссельдорфе, в Германии, и Марк начал стегать свою гитару и усилитель железными цепями. Он врубился в хэви–метал раньше всех! А усилители были добротные, американского производства, и ему просто не удалось их разбить. После подобных игр Марк в течение получаса пребывал в очень возбуждённом состоянии, но потом постепенно

успокаивался.

Наверное, истинным Боланом был спокойный Болан. Он был немного скрытным, но он всегда смело встречал трудности и чувствовал, что он нужен людям, и постепенно это захватило его. Во времена ТиРэкстаза, когда Болан был поп–феноменом, бывали дни, когда с Марком было невозможно разговаривать: он разговаривал с вами.

Его слова текли рекой: они были всегда забавны, иногда хвастливы, будто он был опьянён успехом. Но с течением времени он успокоился, а рождение сына Ролана и жизнь с Глорией Джонс сделали его счастливым и более уравновешенным, чем раньше.

Болан был сложной личностью. Однажды мы с ним летали домой из Нью—Йорка, где я случайно увидел его игру в маленьком клубе перед совершенно невосприимчивой аудиторией, В то время в Англии он пользовался огромным успехом, и, должно быть, эта игра его расстроила. Но он никогда не признавался в том, что Америка к нему не слишком добра.

Его совершенно не обеспокоил этот мрачный концерт в Рокпайл. Марк справлялся с неудачами, игнорируя их и составлял новые планы на будущее. Ничто не могло сделать его ожесточённым или циничным.

Если критики говорили, что его группа плоха, он набирал новую группу. В последний состав ТиРэкс входили Тони Ньюмен (барабаны), Дино Дайнс (клавиши) и Херби Флауэрс (бас). Этот состав был превосходен. Пожалуй, это была лучшая группа Болана. Если критики называли его умирающей суперзвездой, он возвращался в ТОП с новой сорокапяткой, как, например, в 1974 году с Teenage Dream.

Он писал песни всю свою жизнь. Из него лились песни, переполненные бесхитростными идеями, но иногда он поражал всех гениальными поэтическими образами.

Многие ли из вас способны сесть и написать вереницу поп хитов? Марк же занимался именно этим. Однажды вечером Марк ворвался в бар лондонского клуба Спикизи. Я был крайне удивлён его появлением, поскольку он никогда не был завсегдатаем клубов. Он был обеспокоен тем, что его сорокапятки не проигрываются по радио.

— Я собираюсь покончить с записью сорокапяток, — заявил он.

Вскоре после этого вышел Ride A White Swan, а вслед за ним начали появляться — Hot Love, одна из его лучших и оригинальнейших композиций, за ней в 1971 году бет Get It On, ставшая почти гимном, а уж потом рекой потекли Jeepster (‘71), Telegram Sam, Metal Guru, Children Of The Revolution, Solid Gold

Easy Action ('72), XXth Century Boy, Groover, Truck On ('73) — и все они попадали в Топ.

В последние годы он начал записывать соло, так в 1974 году вышла Teenage Dream. Вслед за ней он с переменным успехом выпускал Light Of Love, Zip Gun, ставшую классикой I Love to Boogie, Laser Love, Soul of My Suit, Dandy In The Underworld. он только что завершил работу над, составлением сборного альбома для EMI Solid Gold, который должен выйти недели через три.

Навряд ли на нём окажется Дебора. В последний раз я видел, как он играл её в ТВ-шоу Гранады МАРК, это было его последнее шоу. Тот день был странен и символичен, поскольку вместе с ним в той же программе участвовал его старый друг Дэвид Боуи, с которым они когда–то вместе гастролировали.

Об этом дне в Манчестере ходят самые невероятные слухи, причём об одном из них писалось в ММ на прошлой неделе. Сейчас создаётся впечатление, что судьба собрала там всех друзей Болана на последнюю встречу.

Когда Болану был представлен фотограф Нейшнл Пресс, Марк сразу же воскликнул:

— Хелло, помнишь, как ты снимал моё шоу?

— Боже, — удивлялся позже фотограф. — Это было же десять лет назад. И он меня запомнил.

Марк никогда не забывал своих друзей, и всегда был рад помочь им. Услышав о болезни знаменитого американского джазового барабанщика Эдди Блэквелла, он выслал в фонд его лечения чек на 500 фунтов стерлингов.

Когда появилась Новая Волна, способная угрожать любой звезде его величины, он начал поддерживать новые группы и приглашать их на свои гастроли и ТВ-шоу.

Перепробовав множество путей к славе, Болан очень спокойно относился к раннему этапу своей карьеры. Он крайне не любил вспоминать о своей работе манекенщиком, о Марке Фельде, о том, как, подражая Доновану, он ходил в кепи и играл на акустической гитаре. Огромное влияние на него оказали книги профессора Токина, солидные изобретательные саги, полные таких имён, как Миддл Ёрт, Перегрин Тук, Хоббиты. В болановской смеси тяжёлого металла, мистицизма и всплесков роскошного кемпа проглядывается комбинация сказок, Джими Хендрикса, Боба Дилана и Донована. Именно она позволила Марку добиться успеха и в андеграунде, и в глиттер–роке, в сущности, им и изобретённым.

Однажды Марк расскал мне, как он зализывал раны после кончины Детей Джона:

— У меня не было ничего, даже денег. Потом я познакомился

со Стивом. Он зашёл ко мне в гости, а у меня по полу были разбросаны бонги. И он стал подыгрывать песням, которые я ему играл. Примерно в то же время Джон Пил проиграл по радио мою пластинку Hippy Gumbo, которую я записал за два года до того для его радио–шоу «Душистый Сад». Я встретился с Джоном, и он устроил нас играть в Миддл Ёрт, где нам платили по два фунта десять шиллингов за вечер. В 1968 году Тираннозаурус Рэкс получил уже по 150 фунтов.

В то время Марк говорил мне:

— Я не знаю, как далеко мы зайдём. Просто я люблю играть. Это приносит мне счастье. Мы, конечно, не звёзды, но это лучше, чем голодать на пять шиллингов в день.

Когда Стив Тук ушёл, Марк стал часто бывать в загородном доме Эрика Клаптона, разучивая гитарные ходы Эрика. Я помню, как однажды мы с Марком целый день джемовали, и пока я играл на старых бонгах Стива, он гордо демонстрировал мне свои новые электрические идеи.

Это было забавно, и кто знает, чем бы всё это кончилось, если бы Микки Финн не прочитал в ММ объявление о том, что «группе Тираннозаурус Рэкс нужен молодой бонгист, обладающий приятной внешностью»… да, Марк всегда очень беспокоился об имидже группы. Тогда Марк привёл Микки Финна в старую контору ММ на Флит–стрит.

Марк со своей гитарой уселся на мой стол, а Микки начал барабанить по столам и пишущим машинкам. Марк, одетый в ярко жёлтые брюки, хоть сейчас на сцену в Раундхаус, закинул голову назад и начал подряд петь песни со своего последнего альбома, однако его прервал стук в стену и шквал жалоб из соседней конторы (мотоциклетного) журнала Циклинг.

Год спустя, когда Марк стал суперзвездой, толпа девочек ворвалась в нашу контору с целью выкрасть подборку фотографий Болана. Одна из них случайно заметила Саймона Мартина, репортёра Циклинга, в то время удивительно похожего на Болана. Поклонницы ринулись по коридору за бедным Саймоном, и таким образом наши ценные фотографии были спасены.

Ещё до того, как стать звездой, Марк имел твёрдое мнение на этот счёт:

— Я никогда не свихнусь на столько, чтобы стать поп–эго. Бог — это прекрасно, но если я начну верить в то, что я — волосок с его головы, то меня постигнет кара, и я буду убит молнией. И что в этом хорошего? Тогда я никогда не смогу попасть в Топ-20!

Но переход от акустики к электричеству улучшил его дела.

— Я не считаю себя гитаристом, — говорил он, — но мои руки пылают, а пальцы кровоточат. Я управляю гитарой, как

кораблём, и пою с закрытыми глазами. Когда я играю боп, я чувствую себя чудесно.

Тем не менее, к концу 1970 года он начал осознавать свои возможности:

— Мы должны заинтересовать этих бизнесменов, чтобы получить деньги и положение и продолжать заниматься своим делом. Я никогда не считал меркантильность необходимостью, но когда после одного проигрывания по радио Ride A White Swan только в Лондоне продаётся две тысячи пластинок, это говорит само за себя.

В 1971 году после того, как на его концертах в лондонском лицее дети начали визжать и бесноваться, его добродетели начали исчезать одна за другой. Он покончил с вегетарианством, и хотя я ни разу не видел его курящим, пить он всё–таки начал, сперва вино, но затем и бренди.

Это была классическая история. Напряжения и постоянная необходимость поддерживать имидж стали причиной того, что он сам стал убивать в себе те самые качества, которые так привлекали к нему людей. Он начал набирать, вес, чуть не потерял свою привлекательность, начал делать всё больше и больше нелепых заявлений.

Но даже если кризисный период когда–нибудь и был, даже если сам он и воспринимал происходящее слишком серьёзно, его врождённое благоразумие и желание не кануть обратно в безвестность сохранили его от полного краха.

Чтобы вернуться, он бросил пить. Его публицист Кит Алтхем за несколько дней до его смерти говорил, что его друзья очень обеспокоены тем, что Марк отказывается есть и пить, и что ему грозит истощение.

Несмотря на все разговоры о том, что Марк был мечтателем и на то, что сам я многие годы способствовал распространению этой легенды, на самом деле Марк был реалистом.

— Я всегда хотел быть звездой рок–н–ролла, — признавался он, — но даже когда я был совсем юн и приходил в ТВ-студию, уже тогда я замечал, что малиновый жакет Клифа Ричарда поношен, а его чёрная рубашка стоит 12 шиллингов и 6 пенсов.

Марк был интересным собеседником, для которого слова и идеи подчас значили больше, чем поступки. Реалист, который мог оперировать процентами и торговаться с ушлыми менеджерами, он в то же время обладал неуёмной фантазией.

Один из разговоров с Марком понравился мне больше остальных. Он говорил о своей вере в волшебство:

— Я верю, что эльфы существовали. Не как эльфы, а как сильные мудрые люди, вроде Атлантов. Конечно, люди надо мной

могут смеяться, но они способны только на агрессивные эмоции, они проще. Гораздо сложнее испытывать друг к другу любовь и нежность. Я верю в волшебство жизни. Земля, это дом в котором живём все мы, но люди ставят заборы, платят серебром и говорят: «Этот кусочек мой, убирайся отсюда!» Эльфы вымерли, или ушли с Земли в Радугу. Остались только те, кто носит железные латы, и те, у кого черная кровь.

Смерть Марка заставила множество его друзей и поклонников горевать больше, чем смерть Элвиса, который был для нас далёкой безликой звездой, никогда не бывавшей в Англии. Хотя иногда люди сердились на Марка и на его крайности, единственными, кто действительно не любил его, были лишь те, кто был достаточно глуп, чтобы верить всем тем романтическим историям, которыми Марк так любил подкармливать прессу.

Вчера вечером, когда я смотрел по телевизору программу новостей Би—Би-Си, мне было страшно слышать, как Анджела Рипон говорит не об африканском дипломате или о профсоюзном боссе, а о человеке, которого мы знали. Когда она зачитывала стандартные сообщения агентства об образе жизни Марка, в её голосе чувствовалось неодобрение.

— Это не так, — услышал я свой стон, обращённый к ней.

При жизни последнее слово, как правило, всегда оставалось за Марком, и, поэтому, пожалуй, будет уместно вспомнить последние строчки из его книги стихов «Чародей любви» изданной в 1969 году:

И сейчас там, где
Когда–то стояла сплошная вода,
Стоял корабль
пресмыкающихся,
Тираннозавр
Рэкс, возрождённый и
танцующий.

Некрологи [можно не читать]

Морнинг Стар, 17 сентября 1977

Болан мёртв — шоу продолжатся

Вчера поклонники рок–звезды Марка Болана были потрясены его смертью, причиной которой стала автокатастрофа, произошедшая в Лондоне на рассвете, когда он с американской певицей Глорией Джонс, ныне находящейся в больнице, возвращался из клуба.

На узком, обрамлённом деревьями участке Джипси–лейн их фиолетовый Мини врезался в дерево. Весь перед машины был смят, а части двигателя вмялись в пассажирский салон.

Болан прославился с рок группой ТиРэкс, первоначально называвшейся Тираннозаурус Рэкс. Он вёл уже отснятую ТВ-серию «Марк», показ которой, как сообщило вчера Ай—Ти-Ви, будет продолжен.

У него были гомо- и гетеросексуальные отношения, и до развода, состоявшегося в прошлом октябре, он был женат. Причиной прошения о разводе — поданного под его настоящим именем Марка Фельда — был его адъюльтер с мисс Глорией Джонс.

* * *

Говоря недавно о напряжениях, вызванных успехом его карьеры, он сказал:

— Находясь в зените, я выпивал в день по бутылке, а то и больше алкоголя плюс вино. Я нюхал кокаин и принимал всевозможные таблетки.

Дейв Гамилтон, диск–жокей, сказал, что его смерть — «великая трагедия для мира поп–музыки».

Джон Пил вспоминает:

— Когда он добился успеха во времена Цветочной власти цветов, он был в центре всего, что происходило тогда в стране.

После он изменился, но продолжал пользоваться успехом. Он был умеренно неистовой и колоритной личностью. В последнее время он заслужил огромное уважение.

* * *

Браво, сентябрь 1977

Гиганты Рока

ТиРэкс, открывшие глиттер–рок

16 сентября 1977 года он погиб за две недели до тридцатилетия. Это случилось в результате автокатастрофы на Джипси–лейн в юго–западном районе Лондона Барнс.

В 5 утра хлестал дождь. Улицы были пустынны, когда Марк

Болан ехал домой после весёлой ночи со своими друзьями по Аппер–Ричмонд–роуд в Патни в своём фиолетовом Мини 1275 GT с номером IOX 66 II. За рулём сидит его подруга Глория Джонс. Марк читает статью в Нью Мюзикал Экспресс «Когда я постарею, я умру». Автомобиль сносит с дороги, он врезается в дерево. Осыпается стекло, жесть мнётся как бумага. Кругом тишина…

Спустя несколько минут на место происшествия прибывает машина скорой. Марку Болану помощь была уже не нужна. Он скончался мгновенно. Глория Джонс в тяжёлом состоянии извлечена из под обломков и доставлена в больницу Королевы Мэри.

Так, в считанные секунды трагически оборвалась карьера Марка Болана, одной из выдающихся поп–звёзд 70–х годов.

Он родился 30 сентября 1947 году в лондонском районе Хакни и был окрещён Марком Фельдом. В 1962 году он бросил школу Хилл Крофт в Уимблдоне и нашёл себе работу манекенщика.

В дальнейшем Марк зарабатывал деньги кёльнером в закусочной и гардеробщиком в одной из дискотек Сохо. Там он познакомился с влиятельными людьми, и получил роль в ТВ-сериале «Орландо». После этого он поехал в Париж, где пять месяцев провёл в обществе некоего волшебника.

В 1965 году он, наконец, получил контракт с фирмой граммзаписи и в ноябре записал свою первую пластинку Wizard, после чего присоединился к группе Дети Джона. Осенью 1967 года он познакомился с фолк–музыкантом Стивом Туком. Сначала они были просто уличными певцами, пока 19 апреля 1968 года не выпустили первую сорокапятку Debora. Они называли себя Тираннозаурус Рэкс.

Но значительный шаг вперёд произошёл лишь в 1970 году.

Стив Тук уходит. Его заменяет тихий и спокойный перкуссионист Микки Финн. С ним Марк Болан в мае 1970, сократив название группы до ТиРэкс, выпускает сорокапятку Ride A White Swan с которой в конце ноября попадает, наконец, в британский список популярности.

Вплоть до 1974 года ТиРэкс доминирует в хит–парадах так, как мало кому это удавалось. За это время Марк создал 14 боевиков, величайшими из которых стали Hot Love, Get It On, Jeepster, Metel Guru, Telegram Sam, Children Of The Revolution.

Его британские концерты походили на выступления Beatles 60–х годов. Марк был абсолютной суперзвездой. Он был признанным законодателем глиттер–моды: носил шёлковые брюки, дамские туфли и пользовался косметикой. Он был идолом множества девушек, и Ринго Старр снял о нём фильм «Рождённый

для буги».

В 1975 году Марк избрал новый путь. Он влюбился в певицу Глорию Джонс, начал записываться с её группой, расстался с Микки Финном и после пятилетнего супружества ушёл от своей жены Джун.

Он поддерживает панк–группу The Damned, снимает собственное ТВ-шоу, вынашивает множество новых планов. Он умер слишком рано.

* * *

Саундс 24.9.1977

В память о Марке

Джофф Бартон

Трагическая смерть Марка Волана в автокатастрофе на прошлой неделе произошла как раз в тот момент, когда его карьера опять начала идти в гору.

В конце года Болан намеревался предпринять гастроли по Великобритании и уже начал подыскивать музыкантов для своей группы и сопровождающий состав. Его последние гастроли вместе с группой The Damned состоялись в начале этого года.

Незадолго до смерти он провёл некоторое время в студии, однако, пока неизвестно, достаточно ли материала готово для выпуска альбома.

Смерть Болана наступила в прошлую пятницу в пять часов утра, когда его машина, которую вела его любимая, Глория Джонс, потеряв управление, врезалась в придорожное дерево. Это случилось в лондонском районе Барнс Коммон. 29–летний Болан скончался на месте катастрофы. Глория Джонс получила ряд серьёзных травм лица и была доставлена в больницу, где ей дали болеутоляющие средства.

По Болану скорбят многие представители музыкального бизнеса, в их числе и Стив Харли, с которым Болан и Глория Джонс записывались на его последнем альбоме.

Харли:

— Марк был одним из моих ближайших друзей. Когда мы бывали вместе, мы всегда проводили время очень бурно. Я не могу выразить словами, как мне будет его недоставать. Но я думаю о Глории и о семье Марка. Их потеря неизмерима.

ТВ-серия Болана по каналу Гранада будет продолжаться по намеченной программе, все шоу уже отсняты и смонтированы. Продюсер этой серии Мюриел Янг сказала, что родители Марка просили продолжить её показ.

Марк Болан… У меня всегда было ощущение, что музыкальные критики — это люди, которые, как многим кажется, что–то з н а ч а т, они относились к нему если не

пренебрежительно, то, по крайней мере, с иронией. К нему, к этому милому эльфу с шелестящим голосом, штамповавшему один боевик за другим, но никогда не пользовавшемуся таким гальванизирующим влиянием, как Таунзенд или Джаггер, или…

Конечно это так. И, тем не менее, мне всегда будет его не хватать. Он бросил музыкальной индустрии вызов более смелый, чем другие. Он стоял в авангарде Цветочной власти. Вместе со Стивом Перегрином Туком он бренчал на старых гитарах, молотил по потрёпанным бонгам и пел песни в духе токинского Хоббита. Потом вдруг он наложил вокруг глаз тени, а на щёки блёстки и превратился в любимца глиттеррокового поколения. Даже сегодня он пользуется большим уважением: панки ценят (ценили…) его, и к тому же с новой ТВ-серией его карьера опять пошла в гору.

Люди так много раз предсказывали, что он «выдохся», но каждый раз он достигал новых высот, выравнивался, устремлялся в новом направлении, опять достигал прежнего пика и становился едва ли не сильнее, чем прежде. Он обладал, более мощной силой и энергией, чем любой другой [гм] тинибопповый идол, и он всегда был «наверху».

Я не собираюсь писать глубокий и вдумчивый некролог и шаг за шагом прослеживать всю его жизнь, дело не в этом. Достаточно сказать, что я буду скучать по нему, этому нахальному, эгоцентричному, но милому человеку. Я горжусь тем, что в моей коллекции пластинок есть Unicorn, Electric Warrior и Dandy In The Underworld.

Я хотел сказать: ну и что, если он не пользовался «гальванизирующим влиянием»? Без него будет скучно.

INDEX

Действующие лица

Адриан, преданный поклонник Марка Болана

Б. П. Фоллон, публицист Марка Болана и его близкий друг

Глория Джонс, певица, продюсер пластинок, мать сына Марка

Дженнифер Шарп, секретарь клуба Мортон

Джон Пил, диск–жокей Би–Би–Си Радио–Один

Джун Болан, урождённая Джун Чайлд, жена Марка Болана и роуд–менеджер ТиРэкс

Кит Алтхем, публицист и друг Болана

Крис Адамс, роуди

Мик О'Холлорэн, роуди Марка Болана по август 1977 год

Микки Финн, пекуссионист ТиРэкс

Мюриел Янг, старший продюсер телевидения Гранада, продюсер ТВ-серии Марка Болана МАРК

Робин Нэш, продюсер ТВ-программы Би–Би–Си Top Of The Pop

Ронни Мани, жена Зута Мани

Ринго Старр, экс–битл, режиссёр фильма «Рождённый для буги»

Рэт Скэбс, барабанщик группы The Damned

Сид Фельд, отец Марка

Стив Кюри, бас–гитарист ТиРэкс с 1970 по 1976 года

Стив О'Рурк, импресарио американских гастролей ТиРэкс, позднее — менеджер Pink Floyd

Стив Харли, основатель группы Cockney Rebel

Тони Джеймс, басист Generation X

Тони Ньюмен, член ТиРэкс с 1976

Элвин Стардаст, звезда бума глэм–рока

Эрик Холл, творческий менеджер, сотрудник АТВ-Мюзик и близкий друг Марка Болана

Переводчик: sasikainen (перевод 30-летней давности, часть переведена Майклом Науменко)

Marc Bolan A Tribute

Ted Dicks

Essex House Publishing (16 Sept. 1978)

ISBN 10: 0906445019

ISBN 13: 978-090644501